

ПРАВДА

И ЛОЖЬ

В ИСТОРИИ
ДИПЛОМАТИИ

ПРАВДА И ЛОЖЬ В ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ

Под редакцией проф.

Г. А. ДЕБОРИНА

Издательство
«Международные отношения»
Москва 1964

Дипломатическая история прошлых времен давно является объектом фальсификации буржуазной исторической науки. О том, как различные буржуазные авторы и дипломаты извращают многие важные международные события прошлого, и рассказывает книга. Она вводит читателя за кулисы дипломатической сцены, показывает скрытые причины и подоплеку различных дипломатических акций, разоблачает приемы и методы буржуазной тайной дипломатии. Убедительным языком фактов и документов книга рассказывает о благородной деятельности советской дипломатии.

Работа написана в живой, популярной форме известными советскими специалистами-международниками и рассчитана на самые широкие круги читателей.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. И. Степанов. Ленинская дипломатия на службе народу	3
Г. А. Деборин. СССР и антифашистская коалиция	36
В. А. Брыкин. В открытом бою	49
В. П. Нихамин. Индийская дипломатия и политика не- присоединения	68
Ю. В. Борисов. Против фальсификации военной истории чехословацкого кризиса 1938 года	87
В. И. Попов. Метод обмана в арсенале английской дипло- матии (на примере тройственных переговоров в Москве в 1939 г.)	103
В. Л. Исраэлян, И. Д. Овсяный. Конец дипломатии «оси» Берлин—Рим	121
Г. А. Деборин. Ложь и вероломство — традиционное ору- жие дипломатии германского империализма	135

Коллектив авторов

ПРАВДА И ЛОЖЬ В ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ

Редактор *Н. Я. Михеева*. Художественный редактор *Л. М. Воронцова*. Тех-
нический редактор *Е. А. Ерхова*. Корректор *Е. В. Дейнеко*.

А 08368. Сдано в набор 17/VII 1964 г. Подписано в печать 18/IX 1964 г. Формат
84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 4,625. Усл. печ. л. 7,585. Уч.-изд. л. 7,77. Тираж
16 000 экз. Т. П. 1964 г. № 45. Зак. 511. Цена 25 коп.

Издательство «Международные отношения». Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7.
Ярославский полиграфкомбинат «Главполиграфпрома» Государственного
комитета Совета Министров СССР по печати, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ЛЕНИНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА СЛУЖБЕ НАРОДУ

«... Все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны, дабы продлить перерыв, мы обязаны сделать, мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это сделаем».

(В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 342—343)

«Нам нужна новая дипломатия!»

«Дипломат?.. Вот вчера я говорил Чичерину: нам нужна новая дипломатия. Какая?.. Способная идти на бой с врагом, идти самоотверженно, с сознанием, что дело твое единственно правое... Да, способная храбро сражаться за наши идеалы и собирать силы. Сбирать!.. Все лучшее, что есть там, все честное, деятельное отвоевать у того мира... Правдой нашей отвоевать, правдой!.. Ведь правда... у нас! А чего только человек не может сделать, когда на его стороне правда... А к нам придут за честностью, за разумом, за жизнью светлой, за счастьем в конце концов... Человек зрел. Он понимает: только наша правда может сделать его счастливым...». Эти слова Владимира Ильича о нашей дипломатии мы находим в книге «Ленин разговаривает с Америкой».

Дипломатию социалистическую, подлинно народную, и дипломатию эксплуататорского общества разделяет поистине пропасть. Направления и формы, приемы и методы новой дипломатии определяются тем, что главной целью внешней политики социалистического государства является борьба за мир и мирное сосуществование, за

дружбу народов и международное сотрудничество. Добиваясь этой благородной цели, которая является святою святых для народов всего мира, социалистическая дипломатия опирается в своей нелегкой борьбе на народные массы, апеллирует к их мнению и поддержке. В этом заключается одно из коренных отличий новой дипломатии от дипломатии общества, разделенного на антагонистические классы.

Дипломатия, рожденная великим Октябрем,— народная дипломатия. В этом ее сила, в этом причина ее непрекаемого авторитета.

В статье «Внешняя политика русской революции» В. И. Ленин писал: «Незнакомство масс населения с внешней политикой неизмеримо более распространено, чем невежество в области внутренней. „Тайна“ дипломатических сношений соблюдается свято в самых свободных капиталистических странах, в наиболее демократических республиках.

Обман масс народа разработан артистически по отношению к „делам“ внешней политики...»¹.

Октябрьская революция подвела черту под дипломатией старого мира, оторванной от народа и стоявшей над ним, противопоставлявшей себя народу, служившей целям, которые были чужды народу. В октябре 1917 года с дипломатии был сорван покров тайны. Советскому государству, провозгласившему миролюбивую внешнюю политику, нечего было скрывать от трудящихся, потому что интересы правительства и интересы трудящихся составляют одно неразрывное целое.

Дипломатия социалистического государства была идейно подготовлена большевистской партией и ее вождем В. И. Лениным, который еще накануне социалистической революции определил главные цели и принципы внешней политики государства диктатуры пролетариата. В. И. Ленин в произведении «Революционная армия и революционное правительство» писал, что передовая часть рабочего класса бесповоротно осуждает войны как «зверские способы решения споров человечества...»².

В годы, предшествовавшие первой мировой войне,

¹ В. И. Ленин, Внешняя политика русской революции, Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 335.

² В. И. Ленин, Революционная армия и революционное правительство, Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 340.

большевистская партия, руководимая В. И. Лениным, призывала международное рабочее движение, лидеров социал-демократии преградить дорогу империалистам в подготовке и развязывании ими войны. В 1907 году Штутгартский и в 1912 году Базельский конгрессы II Интернационала от имени всех социалистических партий призывали рабочий класс бороться против возникновения войны, за прекращение уже начавшейся войны, за то, чтобы использовать кризис, созданный войной, для ускорения свержения власти буржуазии.

Верная марксизму и своему интернациональному долгу, партия большевиков в годы первой мировой войны строила тактику на том, чтобы вместе с революционерами-интернационалистами других стран поднять народные массы на активную борьбу против несправедливой, захватнической войны с целью превращения империалистической войны в войну гражданскую, выхода из кровавой бойни. Еще в 1915 году, когда бушевала война и потоком лилась кровь народов разных стран и национальностей, на вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти, В. И. Ленин решительно ответил: «Мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов»³.

В самый канун Великой Октябрьской социалистической революции в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин охарактеризовал вопрос о мире как «кардинальный вопрос всей современной жизни». Он отмечал: «Только пролетариат, достигши власти, *сразу* предложит справедливый мир всем воюющим народам, только пролетариат пойдет на действительно *революционные* меры (опубликование тайных договоров и т. п.), чтобы достигнуть как можно скорее, как можно более справедливого мира»⁴.

Не прошло и месяца после появления этой статьи, как Декрет о мире возвестил человечеству о внешнеполитической программе социалистического государства. Большевистская партия, став правящей партией, сдержала данное слово. Она не только провозгласила программу

³ В. И. Ленин, Несколько тезисов, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 50.

⁴ В. И. Ленин, Удержат ли большевики государственную власть? Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 300.

мира, но и предприняла поистине титанические усилия, чтобы Советская Россия могла выйти из войны и принести измученным народам долгожданный мир. В. И. Ленин, выступая 4(17) ноября 1917 г. на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтовыми представителями, с гордостью говорил: «Мы считали первым долгом нашего правительства предложить мир немедленно, и это сделано»⁵.

С победой Октябрьской революции в России и появлением на мировой арене социалистического государства человечество обрело надежный оплот в своей борьбе против захватнических войн, за мир и безопасность народов.

Коммунистическая партия, В. И. Ленин предвидели те огромные трудности, которые предстояло преодолеть на пути к миру. Владимир Ильич, говоря о том, что «борьба за мир начинается», предупреждал, что она будет «трудной и упорной»⁶. И на это обстоятельство обращалось внимание, для того чтобы мобилизовать все силы народных масс в борьбе за осуществление этой важнейшей задачи.

В. И. Ленин настойчиво подчеркивал жизненную необходимость и неотложность завоевания длительного и прочного мира. Так, в «Тезисах об учредительном собрании» В. И. Ленин отмечал:

«К числу особенно острых вопросов народной жизни принадлежит вопрос о мире»⁷.

«Мир и хлеб,— писал В. И. Ленин несколькими месяцами позже в статье «За хлеб и мир»,— таковы основные требования рабочих и эксплуатируемых»⁸.

«Мир — главное»,— подчеркивал он в статье «О чесотке»⁹.

Таким образом, по оценке В. И. Ленина, мир — это решающего значения вопрос, стоявший на повестке дня

⁵ В. И. Ленин, Речь на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтовыми представителями 4(17) ноября 1917 г., Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 62.

⁶ См. В. И. Ленин, Заседание ВЦИК 10(23) ноября 1917 г., Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 86.

⁷ В. И. Ленин, Тезисы об учредительном собрании, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 165.

⁸ В. И. Ленин, За хлеб и мир, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 169.

⁹ В. И. Ленин, О чесотке, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 361.

народов. Сила нашей партии состоит в том, что она строит свою политику, исходя из коренных, самых насущных интересов трудового народа. Интересы, цели партии и народа в борьбе за мир — это одно целое. Завоевание мира было требованием, волей миллионов и миллионов простых людей, именно поэтому Коммунистическая партия, В. И. Ленин видели первейшую задачу, свой долг перед народами в скорейшем осуществлении этих требований.

Касаясь этой стороны вопроса, В. И. Ленин отмечал, что правительство, давшее измученному трехлетней грабительской войной народу Советскую власть, землю, рабочий контроль и мир, непобедимо. В декабре 1917 года он писал: «Действительно революционная борьба за мир начата была в России только после победы революции 25 октября...

Широкие народные массы только теперь на деле, полностью и открыто получают возможность видеть политику революционной борьбы за мир и изучать ее результаты»¹⁰.

Исходя из задачи мобилизации широких масс трудящихся на активную борьбу за мир, Советское правительство предприняло целый ряд акций, которых не знала до тех пор история дипломатии. Так, в течение пяти-шести недель с момента победы Октябрьской революции оно опубликовало семь сборников тайных договоров царского правительства. Всего было издано свыше ста договоров и много других секретных дипломатических документов, хранившихся в тайниках министерств и канцелярий.

Это были договоры, заключенные за спиной народов и направленные против их интересов. Втайне от народов империалисты расчленили целые государства, делили колонии и прибыли. Опубликование Советским правительством тайных договоров было решительным выступлением против национального угнетения, против колониализма, за дружбу и братство народов. Одновременно это была борьба социалистической республики против тайной дипломатии, дипломатии лжи и обмана.

Решительная акция Страны Советов была с восторгом и одобрением встречена народами и злобным

¹⁰ В. И. Ленин, Тезисы об учредительном собрании, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 165.

шипением мировой реакции. О том, насколько велико было воздействие на умы людей смелого шага Советского правительства, пишет один из видных международных США Мэнли Хадсон: «Когда в 1917 году Советское правительство опубликовало различные документы из архива русского министерства иностранных дел, возникла настоятельная необходимость во всем мире в ликвидации тайной дипломатии».

Большое внимание В. И. Ленин уделял всемерной мобилизации масс на активную борьбу за мир. Именно народы являются той могучей силой, которая в состоянии преградить путь империалистической реакции в подготовке и развязывании войн. В докладе о мире на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. В. И. Ленин подчеркивал: «Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира»¹¹. На заседании ВЦИК 10(23) ноября 1917 г. он указывал, что «мир не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу»¹². В обращении X Всероссийского съезда Советов ко всем народам мира от 27 декабря 1922 г. говорилось: «X Съезд Советов, торжественно подтверждая свою линию мирной политики, зовет всех к поддержке этой линии. Пусть все народы требуют от своих правительств мира. Дело мира в руках самих народов. Чтобы отвратить опасность грядущих войн, должны объединиться усилия всех трудящихся всего мира»¹³.

Именно с позиций братской дружбы народов, взаимопомощи, невмешательства во внутренние дела, уважения независимости и суверенитета разрабатывало Советское правительство свою программу мира, урегулирования спорных и нерешенных вопросов путем переговоров. Так, в ноте Советского правительства правительству Великобритании от 25 августа 1920 г. указывалось, что «мир, заключаемый рабоче-крестьянским правительством, в ос-

¹¹ В. И. Ленин, Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г., Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 16.

¹² В. И. Ленин, Заседание ВЦИК 10 (23) ноября 1917 г., Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 88.

¹³ «Документы внешней политики СССР», т. VI, Госполитиздат, 1962, стр. 115.

нове своей отвергающий эксплуатацию других и покоящийся на подлинной солидарности широких масс трудящихся всех государств, один лишь является подлинным и действительно устойчивым миром».

Из сказанного следует, что В. И. Ленин, исходя из коренных интересов народных масс, придавал первостепенное значение борьбе Советской республики за мир. Эта борьба не только отвечала интересам народов Советской России. Она была ярким проявлением пролетарского интернационализма в отношении эксплуатируемых масс и угнетенных народов капиталистического мира.

Новая дипломатия — новые люди

В. Д. Бонч-Бруевич, которому посчастливилось на протяжении долгих лет работать с В. И. Лениным, вспоминает о том, как создавался государственный герб Страны Советов. Ленину был представлен проект герба, на котором был изображен меч.

«...Но зачем же меч?— и он посмотрел на всех нас.

— Мы бьемся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним из наших пределов и белогвардейцев, и интервентов, но это не значит, что война, военщина, военное насилие будут когда-нибудь главенствовать у нас. Завоевания нам не нужны. Завоевательная политика нам совершенно чужда; мы не нападаем, а отбиваемся от внутренних и внешних врагов; война наша оборонительная, и меч — не наша эмблема»¹⁴.

Начиная с небольшого, на первый взгляд, вопроса о государственном гербе страны и кончая основополагающими установками в области внешней политики Советского государства, — во всем Владимир Ильич неукоснительно руководствовался интересами мира и социализма.

В ноябре 1918 года с трибуны VI съезда Советов Ленин говорил: «...С самого начала Октябрьской революции вопрос о внешней политике и международных отно-

¹⁴ В. Д. Бонч-Бруевич, Избранные сочинения, т. III, Воспоминания о В. И. Ленине 1917—1924 гг., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 227—228.

шениях встал перед нами, как самый главный вопрос...»¹⁵. Эти слова Владимира Ильича могут служить своего рода эпиграфом ко всей активной и многогранной внешнеполитической деятельности нашего государства, направленной на практическое воплощение в жизнь принципов мирного сосуществования, на создание благоприятных внешнеполитических условий для успешного социалистического строительства, неуклонного укрепления влияния и авторитета Советского государства на международной арене.

Первоочередной внешнеполитической задачей, вставшей после Октября, был выход из империалистической войны, установление всеобщего мира.

Вопросы внешней политики и дипломатии Советского государства занимали особое место во всей государственной и партийной деятельности В. И. Ленина. Он уделял огромное внимание повседневной практике советской дипломатии.

Вопросы международного положения и внешней политики Советского государства, борьба за мир постоянно находились в центре внимания нашей партии. Указанные вопросы рассматривались на всех послеоктябрьских съездах партии, партийных конференциях, пленумах ЦК. В. И. Ленин, считая вопрос о мире вопросом первостепенной важности, ставил его на обсуждение на съездах партии и заседаниях ЦК РКП(б), СНК, ВЦИК, съездах Советов. Достаточно привести в этой связи лишь два примера. Только в январе — феврале 1918 года, когда в исключительно сложной обстановке решался вопрос о заключении мира с немцами, по инициативе В. И. Ленина восемь раз созывались заседания Центрального Комитета для обсуждения вопроса о мире. Владимир Ильич Ленин выступал на них более 30 раз. Позднее, в 1920 году, международные вопросы обсуждались с участием В. И. Ленина на пленумах ЦК РКП(б) и заседаниях Политбюро около 30 раз. Под руководством Владимира Ильича в 1917—1920 годах состоялось около 40 заседаний Совнаркома, на которых рассматривались внешнеполитические вопросы. Ленин не только активно участвовал во всех этих заседаниях и руководил их работой, — он был автором мно-

¹⁵ В. И. Ленин, VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г., Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 153.

гих принятых там документов, вносил поправки и замечания. Он строго следил за неукоснительным выполнением указаний партии органами внешних сношений. Так, в ленинской записке Чичерину от 24 июня 1920 г. содержится указание более энергично следить за исполнением решений Политбюро ЦК РКП(б) по вопросам Наркоминдела.

Разъясняя международное положение Республики и мероприятия Советского правительства, В. И. Ленин систематически выступал перед трудящимися, писал статьи для печати, принимал делегации, давал интервью. О поистине титанической работоспособности и энергии Владимира Ильича говорит тот факт, что начиная с провозглашения Декрета о мире и до конца 1920 года он выступал с докладами и речами, в которых затрагивались вопросы международного положения и внешней политики Советского государства, более ста раз. Были периоды, когда Ленин выступал перед трудящимися почти каждый день, а иногда и по несколько раз в день. Глава Советского правительства находил время, чтобы принимать иностранных политических и общественных деятелей, дипломатов, представителей деловых кругов, парламентариев, журналистов, ученых. В течение указанного времени Владимир Ильич беседовал с несколькими десятками иностранных журналистов.

Таковы были дипломатическая практика великого вождя, ленинский подход к рассмотрению и решению вопросов международной политики Советского государства. И не случайно высшие государственные и партийные инстанции Советской страны, лично В. И. Ленин придавали такое исключительно важное значение выработке правильной, с точки зрения интересов социализма, международной политики Советского Союза. Ведь от этого во многом зависели дело мира, судьбы и жизнь многих миллионов людей. Речь шла, следовательно, о проведении такой внешней политики, об осуществлении таких дипломатических акций, которые обеспечивали бы практическое воплощение в жизнь принципов мирного сосуществования, создание благоприятных внешних условий для успешного социалистического строительства, неуклонное укрепление влияния и авторитета Советского государства на международной арене.

В. И. Ленин создавал внешнеполитический аппарат

Советского государства, подбирал и воспитывал кадры дипломатических работников, повседневно - направлял всю многогранную деятельность страны на международной арене. Уже 12(25) ноября 1917 г. был учрежден НКВД РСФСР. 9(22) января 1918 г. при участии Ленина на заседании ЦК обсуждался вопрос о работе НКВД. 13 апреля 1919 г. Ленин доложил пленуму ЦК проекты Чичерина и Литвинова о структуре Наркоминдела. 12 ноября 1923 г. СНК СССР принял «Положение о НКВД СССР».

Пожалуй, не было такого вопроса в деятельности нашей дипломатии, которым бы не занимался Ленин. Наряду с участием в решении больших принципиальных вопросов он постоянно уделял внимание текущим делам: знакомился с докладами и сообщениями с мест, дипломатической почтой, материалами иностранной печати о внешней политике Советской республики, подписывал верительные грамоты, полномочия на ведение переговоров, постановления СНК о назначении советских послов и других представителей для работы за границей, инструктировал их. Так, 2 июня 1918 г. Ленин участвовал в совещании делегации, отправлявшейся в Берлин для заключения экономического соглашения с Германией, 30 июня совещался с Г. В. Чичериным и В. В. Воровским по вопросам организации работы НКВД и иностранных представительств РСФСР и т. д.

Коммунистическая партия, лично В. И. Ленин постоянно уделяли исключительно большое внимание тщательному подбору и воспитанию кадров для советского дипломатического и внешнеторгового аппарата.

О том, как Советское правительство, руководимое В. И. Лениным, повседневно занималось вопросами подготовки и воспитания кадров советского внешнеполитического и внешнеторгового аппарата, свидетельствуют следующие примеры.

Владимир Ильич с исключительным вниманием подбирал кадры для осуществления нашей политики на Востоке, тщательно инструктировал их. По его заданию в августе 1919 года Чичерин написал «Записку о назначении мусульманина для заведывания восточными делами». На эту должность был рекомендован Нариман Нариманов.

О своей беседе с В. И. Лениным в конце 1921 года

перед отъездом в Турцию рассказывает первый советский посол в этой стране С. И. Аралов: «Главное, — говорил Владимир Ильич, — уважение к народу. Разъясните нашу позицию бескорыстной дружбы, невмешательства во внутреннюю жизнь страны в противовес захватнической, грабительской политике империалистов. Вот ваша задача».

Далее В. И. Ленин говорил: «Учитесь языку, общайтесь с простыми людьми, общественными деятелями, не отгораживайтесь заборами, крепостными стенами от трудящихся, как это делали послы самодержавного царя. Они подкупали великих визирей, чиновников. Это не наше дело. Мы должны дружить с народом. Вы едете с семьей? — осведомился Владимир Ильич. — Это отлично, детей научите турецкому языку, да и самому необходимо подучиться. Это очень важно».

Деятельность советских заграничных учреждений, подбор и воспитание кадров постоянно находились в поле зрения Центрального Комитета партии, боровшегося за высокие деловые и моральные качества советских дипломатов. Пленум ЦК РКП (б) 10 ноября 1920 г. с участием В. И. Ленина принял постановление, по которому руководителям Народных Комиссариатов иностранных дел и внешней торговли предлагалось направить всем заграничным представительствам циркулярные письма, в которых определить, каким должен быть образ деятельности и жизни людей, являющихся представителями рабочекрестьянского Советского правительства¹⁶.

В соответствии с этим постановлением в циркулярном письме Наркомвнешторга, с которым лично знакомился В. И. Ленин, указывалось, что советские представительства за границей не только способствуют развитию и укреплению «нашего советского строительства, но бесспорно имеют также огромное значение в глазах рабочего класса всего мира как организованное и деловое представительство целого комплекса пролетарских идей, стремлений и методов работы. Это обязывает ко многому, и опыт, действительно, свидетельствует о том, что наши представительства всюду попадают в фокус общественного внимания, подвергаются самой разнообразной и

¹⁶ См. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 2, д. 41, л. 3 (в дальнейшем ЦПА ИМЛ).

строгой критике». Циркуляр требовал, чтобы советские работники отличались от буржуазных не только по содержанию их деятельности, но и по ее приемам, личной этике и личному образу жизни.

Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным взрастила целую плеяду замечательных советских дипломатов (Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов, В. В. Воровский, А. В. Луначарский, Л. Б. Красин и многие другие), отличавшихся не только высоким пониманием своего долга, но и моральной чистотой, мужеством и стойкостью. Известны многочисленные примеры беспредельной героической преданности советских дипломатов своей партии, правительству, народу.

Можно вспомнить о бесстрашном революционере-ленинце И. О. Коломийцеве, который, направляясь в Иран, где ему уже однажды пришлось пережить разгром представительства Советской России озверелыми ставленниками английской реакции, пробирался через линию фронта, плыл на небольшой моторной лодке по Каспийскому морю и, схваченный врагами, вел себя до самой смерти, как подобает большевику.

Он отдал свою жизнь во имя дружбы советского и иранского народов.

Представители западной дипломатии, журналисты и историки нередко вынуждены с большим уважением оценивать успехи, достоинства дипломатов ленинской школы и их личные качества. Вот что пишет, например, известный американский дипломат и историк-международник Дж. Кеннан о выдающемся советском дипломате Г. В. Чичерине: «Советскую делегацию (на конференции в Генуе. — А. С.) возглавлял министр иностранных дел Георгий Чичерин., связавший еще во время революции свою судьбу с делом Советов и страстно уверовавший в него, человек, сидевший в английской тюрьме в годы войны за свои политические взгляды, никогда не шадивший своих сил, не знавший личной жизни, работавший по 20 часов в сутки, лично писавший дипломатические ноты, работавший в кабинете, в котором царил классический беспорядок ученого, с кучами книг и всевозможных бумаг., человек высокого ума, живший своей работой и страстно в нее веровавший, выполнявший ее со всей серьезностью, преданностью, самоотверженностью, обладавший красноречием, которое могло бы пристыдить

любого буржуазного государственного деятеля того времени». Нелегко было нашим политическим противникам дать столь высокую оценку советским дипломатам! И если таковая дается, это означает, что невозможно замолчать совершенно новые качества, неоспоримые достоинства и неотразимую силу дипломатии Советского государства.

Создавая новую дипломатию, В. И. Ленин проявлял постоянную заботу о подготовке кадров работников НКВД и НКВТ, которым приходилось на практике претворять в жизнь программу мира и мирного сосуществования. При этом сам Владимир Ильич показывал образцы дипломатии; он учил и научил искусству дипломатии многих своих соратников, которые составили золотой фонд советского дипломатического аппарата. Это была в полном смысле слова ленинская школа новой дипломатии.

«Научиться дипломатии»

«...Надо научиться дипломатии». Об этом Владимир Ильич писал 14 февраля 1918 г. в телеграмме С. Г. Шаумяну, бывшему тогда председателем Бакинского совнаркома и комиссаром иностранных дел¹⁷. В. И. Ленин призывал не только разрабатывать и совершенствовать новую дипломатию. Он считал необходимым использовать в интересах мира и социализма те или иные тактические приемы, тот или иной практический опыт старой дипломатии. Речь идет, например, о таких традиционных формах и методах дипломатии, как переговоры, практика заключения договоров и соглашений, взаимные уступки, компромиссы и т. п.

В произведении «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» В. И. Ленин писал: «Всякий согласится, что неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Но к политике это еще более относится, чем к военному делу. В политике еще меньше можно знать наперед, какое средство борьбы окажется при тех или иных будущих условиях применимым и выгодным для нас. Не владея всеми средствами борьбы, мы

¹⁷ В. И. Ленин, Телеграмма С. Г. Шаумяну, Соч., т. 35, стр. 268.

можем потерпеть громадное — иногда даже решающее — поражение, если независимые от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы»¹⁸.

Особое место в деятельности советской дипломатии занимало использование метода разумных компромиссов — метода, к которому прибегала дипломатия всех предшествовавших эпох. Этот метод Советское государство применяло в целях упрочения своих международных позиций, дела мира и мирного сосуществования. Если внешнеполитические компромиссы в руках эксплуататорских классов не выходили, как правило, за пределы интересов только этих классов, то компромиссы, на которые шло наше государство, отвечали интересам всего народа, а порой от них зависела сама судьба социалистического строя. Таково, следовательно, принципиальное различие компромиссов в руках буржуазной дипломатии и на службе социалистической дипломатии. В. И. Ленин характеризовал компромиссы как временные соглашения с империалистами «в интересах социализма»¹⁹.

Во внешнеполитических документах Советского государства, в которых затрагивается вопрос об уступках, неизменно подчеркивается, что цель уступок с его стороны — скорейшее урегулирование отношений с другими странами, укрепление мира. Например, в советской ноте президенту США Вильсону от 24 декабря 1918 г. указывалось, что рабочие и крестьяне России «готовы пойти на все возможные уступки, если им удастся обеспечить при этом условия, позволяющие им мирно развивать свою социальную программу»²⁰.

Как практически представляла себе советская дипломатия использование компромиссов? В письме Г. В. Чичерина в НКВД РСФСР от 17 декабря 1922 г., в котором сообщалось о его беседе с английским министром иностранных дел Керзоном, позиция Советского правительства была изложена следующим образом: «...Двум правитель-

¹⁸ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 81.

¹⁹ В. И. Ленин, Письмо к американским рабочим, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 55.

²⁰ «Документы внешней политики СССР», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 629—630.

ствам, за которыми стоят совершенно различные силы, необходимо или найти компромисс, чтобы иметь возможность работать вместе, или установить факт невозможности этого; раздавить нас не удалось, блокада ударяет тех, которые ее применяют, остается находить компромиссы...»²¹. А выступая 1 февраля 1923 г. на Лозаннской конференции, Чичерин говорил: «Вести переговоры — значит совместно обсуждать как основные вопросы, так и детали, анализировать разногласия, выяснять, в чем интересы одних противоречат интересам других, находить между ними компромиссы»²².

Внешнеполитическими компромиссами, на которые пошло в те годы Советское государство, были: заключение Брестского мира в марте 1918 года, сдача в аренду иностранному капиталу концессий, постановка вопроса о возможном признании нами на определенных условиях довоенных долгов царского правительства и др.

Применение метода уступок и компромиссов позволило Коммунистической партии и Советскому правительству, искусно используя межимпериалистические противоречия и умело маневрируя, добиться срыва экономической интервенции мировой буржуазии против нашей страны.

В этом отношении показательна постановка вопроса о концессиях. Вопрос о сдаче в аренду иностранному капиталу концессий был выдвинут В. И. Лениным в 1918 году. Концессии в тех исторических условиях имели двоякое значение: и как средство восстановления разрушенного войной народного хозяйства нашей страны, и как путь налаживания экономических связей с капиталистической заграницей и уменьшения опасности интервенции против Советской России. В. И. Ленин указывал, что сущность концессионных договоров «заключается в интересе политическом»²³. В речи на собрании актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. он говорил: «Существование концессий есть экономический и политический довод против войны. Те государства, которые могли бы

²¹ «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 88.

²² Там же, стр. 175.

²³ В. И. Ленин, VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г., Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 96.

с нами воевать, воевать не смогут, если возьмут концессии, это связывает»²⁴.

Вопрос о концессиях был подвергнут тщательному и всестороннему рассмотрению, пока не приобрел форму правительственного декрета. 20 марта 1920 г. на заседании СНК обсуждался проект тезисов о концессиях. В этом документе отмечалось, что выходом из созданных гражданской войной экономических трудностей «может явиться лишь широкое привлечение иностранного капитала в единственной его, приемлемой для советской власти, форме средств и орудий производства, материалов, продовольствия и квалифицированной технической и рабочей силы в обмен за предоставление иностранному капиталу концессий на советской территории»²⁵.

Советское правительство видело в концессиях одно из средств нормализации политических отношений с капиталистическими странами. Так, во время переговоров с синдикатом Вандерлипа в конце 1920 года оно согласилось предоставить Вандерлипу концессию на эксплуатацию рыбных промыслов, на разведку и добычу нефти и угля на Камчатке. В письме Г. В. Чичерина от 1 ноября 1920 г. указывалось, что правительство РСФСР «подразумевает, что договор вступает в силу лишь по восстановлении между Российским Правительством и Правительством Соединенных Штатов нормальных отношений де-факто...». Однако вполне законное пожелание Советского правительства у американского правительства отклика не нашло. Концессионный договор с Вандерлипом не был окончательно оформлен и не вступил в силу²⁶.

Об этом же свидетельствует и следующий факт. На заседании пленума ЦК РКП(б) 7 октября 1922 г., где был заслушан доклад Г. В. Чичерина «О нашей политике на Ближнем Востоке», было принято постановление, которое, в частности, предусматривало: «Поручить т. Литвинову разъяснить Уркарту указанные в постановлении СНК причины отклонения столь важной концессии, а равно недостатки существующего торгового договора с Анг-

²⁴ В. И. Ленин, Собрание актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г., Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 76.

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 356, лл. 38—42.

²⁶ «Документы внешней политики СССР», т. III, Госполитиздат, 1959, стр. 665.

лей и не отказываться от возобновления переговоров с Уркартом с тем, чтобы непременно предварительным условием соглашения с Уркартом была миролюбивая политика Англии...»²⁷.

Однако крупный иностранный капитал, ослепленный ненавистью к социалистическому государству, не пошел тогда на установление взаимовыгодного сотрудничества с нашей страной. Он пытался использовать концессии для навязывания Советской республике неприемлемых для нее политических и экономических условий. Вот почему доля концессий в промышленной продукции СССР составила в 1924—1925 годах всего 0,2%.

Следует сказать, что постановка В. И. Лениным новых задач и вопросов перед советской дипломатией, его творческий и смелый подход к проблеме налаживания взаимоотношений с капиталистической границей не всегда находили понимание у отдельных членов партии и работников государственного аппарата. Собственно, в этом отражалась общая закономерность становления нового в борьбе с привычными, закоренившимися традициями и положениями. Так, в частности, было и с ленинской постановкой вопроса о концессиях. Дело в том, что далеко не все тогда понимали и поддерживали идею предоставления концессий иностранным капиталистам²⁸. Так, например, советский дипломат Л. К. Мартенс писал в Президиум ВСНХ 10 июня 1921 г., что он против «привлечения концессионеров», ибо «результаты в этой области будут еще долгое время ничтожными».

Политическая, классовая сущность этой уступки Советского государства заключалась в том, что, хотя осуществление ее сопровождалось некоторым оживлением капитализма в стране, позиции социалистического строя не ослаблялись. Наоборот, они укреплялись, поскольку под систему диктатуры пролетариата подводилась крепнущая экономика. При этом укрепление экономики достигалось при помощи иностранного капитала, работавшего под контролем Советского государства. Объективно

²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 85, лл. 1—2.

²⁸ Этого вопроса В. И. Ленин подробно касается в докладе о концессиях на заседании Коммунистической фракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г. (см. В. И. Ленин, Заседание Коммунистической фракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г., Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 163—196).

государственно-капиталистические предприятия выступали в роли пособника социализма.

Советская дипломатия широко использовала метод компромиссов в переговорах об урегулировании главных спорных вопросов и взаимных претензий между РСФСР и ведущими капиталистическими странами. Советское правительство, стремясь облегчить установление и развитие экономического сотрудничества с капиталистическими странами, заявило о своей готовности на определенных условиях признать довоенные долги царского правительства. Этот вопрос был неоднократно предметом обсуждения в ЦК РКП(б) и СНК. Большой интерес представляет письмо Г. В. Чичерина Л. Б. Красину от 1 сентября 1921 г., с которым ознакомился В. И. Ленин. В нем содержалось следующее предложение: советский представитель в Лондоне сообщит английскому правительству, что «мы принципиально согласны признать наши долги (без военных) на известных условиях платежа, каковые условия должны быть еще уточнены, притом с признанием наших контрпретензий, с полным признанием Советского правительства де-юре, с полным невмешательством в наши внутренние дела и с немедленным кредитом для нас».

Позднее в советской ноте правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США от 28 октября 1921 г. указывалось, что «Советская Республика может принять на себя эти обязательства лишь в том случае, если великие державы заключат с ней окончательный всеобщий мир и если ее Правительство будет признано другими державами»²⁹.

Показательна позиция Советского правительства в переговорах с Англией. Конкретные пути и меры улучшения отношений с Англией были в числе других вопросов, поставленных на обсуждение на съездах партии и в ЦК РКП(б). Так, 26 января 1921 г. в ЦК РКП(б) специально слушался вопрос «о долгах Англии». Было принято решение поручить Г. В. Чичерину провести специальное совещание с участием Л. Б. Красина и других руководящих работников «по вопросу о долгах Англии». Насколько гибкой и дальновидной была политика Советского

²⁹ «Документы внешней политики СССР», т. IV, Госполитиздат. 1960, стр. 447.

правительства, свидетельствует высказанная В. И. Лениным мысль связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением Советской стране кредитов³⁰. Как известно, эта политика полностью себя оправдала: 16 марта 1921 г. торговое соглашение между РСФСР и Англией было подписано, ознаменовав крупный успех советской дипломатии.

Следует упомянуть, что успешному завершению переговоров с Англией способствовали и такие факторы, как заключение 2 февраля 1920 г. мирного договора между РСФСР и Эстонией. Дело в том, что в вопросе об Эстонии сталкивались две линии — Англии и Франции. Причем Англия была заинтересована в том, чтобы вновь созданные государства на западных окраинах нашей страны располагали суверенитетом. Мир с Эстонией стал возможен благодаря безоговорочному признанию Советской Россией независимости и самостоятельности Эстонии и предоставлению ее буржуазии некоторых выгод, в частности в виде передачи Эстонии 15 млн. рублей золотом, предоставления лесной концессии и др.³¹

Но какое значение все это имело для нашей страны? В докладе на пленарном заседании ВЦИК 4 февраля 1920 г. Г. В. Чичерин говорил: «Перед всем миром стоит задача экономического восстановления после той разрухи, в которой находится мир, и победа будет за тем, кто сумеет вывести общество из разрухи... В этом мировом поединке победит тот, кто победит на строительной работе. И вот, имея в виду эти безбрежные задачи, мы пришли к заключению, что можно заплатить 15 миллионов золотом и дать концессию на 50 тысяч десятин леса. На эти конкретные уступки пришлось пойти, чтобы сделать возможной ту работу, которая нам теперь предстоит»³².

Компромисс с Эстонией был не только нужен, но выгоден Советской стране. Эстония явилась первой капиталистической страной, которая подписала с нами перемирие, а потом мирный договор. Это был прорыв в империалистической политике дипломатической блокады Советской России. Кроме того, нормализация отношений

³⁰ См. Г. В. Чичерин, Статьи и речи, Соцэкгиз, 1961, стр. 284.

³¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. II, Госполитиздат, 1958, стр. 340, 348, 351.

³² Г. В. Чичерин, Статьи и речи, стр. 143.

с Эстонией косвенно положительно отразилась на наших взаимоотношениях с Англией. Договор с Эстонией, советская политика в отношении соседних прибалтийских государств в целом — все это, по словам Г. В. Чичерина, создало «твердую почву вообще для компромиссов с английской политикой»³³.

Такова была далеко идущая, гибкая и маневренная дипломатическая линия Советского государства, взявшего на свое вооружение «старый» метод компромиссов и успешно использовавшего его в интересах социализма.

Особое внимание следует уделить ленинской постановке вопроса о взаимовыгодном характере компромиссов. «Если обе стороны, — писал В. И. Ленин, — ничего не выигрывают, то компромисс надо признать невозможным, и тогда не к чему говорить о нем»³⁴.

Во внешнеполитических документах Советского правительства, выступлениях советских дипломатов неизменно подчеркивалось, что уступки должны быть взаимными, равными. Так, в меморандуме советской делегации на Генуэзской конференции от 11 мая 1922 г. было заявлено: «Россия и впредь готова в интересах достижения соглашения сделать иностранным державам серьезные уступки, однако, исключительно при том условии, что этим уступкам будут соответствовать равноценные уступки с другой стороны в пользу русского народа.

Для русского народа неприемлемы никакие соглашения, в которых его уступки не компенсируются действительными выгодами для него»³⁵. По образному выражению Г. В. Чичерина, рабоче-крестьянская Россия как самостоятельная политическая сила «ищет дружбы со всеми и в то же время она готова идти на компромиссы на основе определенных сделок. *Сделки, но не кабала* — вот ее лозунг»³⁶.

Не случайно характерной чертой постановки Советским государством тех или иных международных проблем было и остается отсутствие ультимативности. В качестве яркого примера можно сослаться на ленинский Де-

³³ Г. В. Чичерин, Статьи и речи, стр. 138.

³⁴ В. И. Ленин, О компромиссах, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 136.

³⁵ «Документы внешней политики СССР», т. V, Госполитиздат, 1961, стр. 371.

³⁶ Г. В. Чичерин, Статьи и речи, стр. 231—232.

крет о мире, в котором подчеркивалось, что Советское правительство не считает предлагаемые им условия мира ультимативными, то есть «соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира...»³⁷. В сравнительно небольших по объему докладе о мире и заключительном слове по докладу о мире на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Владимир Ильич несколько раз указывал на необходимость не выдвигать наши требования в ультимативной форме. Он говорил: «Я буду высказываться решительно против того, чтобы наше требование о мире было ультимативным. Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела»³⁸.

В. И. Ленин умел искусно и прозорливо определять границы возможных и необходимых уступок. Он призывал «соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления и тому подобное»³⁹. Как писал Г. В. Чичерин в статье «Ленин и внешняя политика», Владимир Ильич, «считаясь постоянно с фактом нашего тяжелого положения и с необходимостью уступок..., всегда следил за тем, чтобы достоинство нашего государства было соблюдено, и умел находить тот предел, за которым надо было проявлять твердость»⁴⁰.

Вот некоторые иллюстрации этой важной мысли. Советское государство решительно отвергало попытки диктата и предъявления империалистами ультиматумов нашей стране. В указанном отношении любопытен следующий факт. На заседании ЦК РКП(б) 29 сентября 1920 г. с участием В. И. Ленина был заслушан вопрос «О нашем ответе на ультимативные требования Франции с угрозой бомбардировки наших южно-приморских портов». В принятом постановлении говорилось: «В случае, если бы французское военное командование в Черном и Азовском морях предъявило незаконные или особо вредные в во-

³⁷ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 12.

³⁸ В. И. Ленин, Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г., Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 19.

³⁹ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 80.

⁴⁰ Г. В. Чичерин, Статьи и речи, стр. 278.

енном смысле требования, подкрепляя их угрозой бомбардировки наших городов, на уступки не идти, а действовать сообразно существующим на этот счет правилам полевого и морского устава»⁴¹.

Коммунистическая партия и Советское правительство решительно отвергали попытки империалистов навязать нам свою волю. И всякий раз подобные попытки, как это было, например, с печально знаменитым «ультиматумом Керзона», терпели позорный провал. В. И. Ленин, партия постоянно призывали народ к высочайшей бдительности, к готовности дать сокрушительный отпор проискам врагов мира и социализма. Советская дипломатия строго следовала во всей своей практической деятельности указанию В. И. Ленина: «Перед нами главная задача — борьба с империализмом, и в этой борьбе мы должны победить»⁴².

Следует подчеркнуть, что указания В. И. Ленина имели громадное значение для деятельности Советского государства не только в первые годы его существования, но имеют и поныне самое актуальное, первостепенное значение для научного определения Коммунистической партией и Советским правительством внешнеполитических шагов Советского Союза. Высмеивая тех, кто отказывался от компромиссов, В. И. Ленин писал: «Разве это не похоже на то, как если бы при трудном восхождении на неисследованную еще и неприступную донныне гору мы заранее отказались от того, чтобы идти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления?»⁴³. Владимир Ильич подчеркивал, что «сказанное относится одинаково к периоду *до* и *после* завоевания политической власти пролетариатом»⁴⁴.

В период культа личности гениальные указания В. И. Ленина относительно взаимных уступок и компромиссов, богатейший исторический опыт их осуществле-

⁴¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 36, л. 1.

⁴² В. И. Ленин, Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г., Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 124.

⁴³ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 54.

⁴⁴ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 55.

ния в первые годы Советской власти явно недооценивались Сталиным, по существу обходившим в своих работах вопрос о применении компромиссов во внешнеполитической области.

Если обратиться к выступлениям Сталина после смерти В. И. Ленина, то мы не найдем в них указания на необходимость использования взаимных уступок и разумных компромиссов в интересах всеобщего мира и укрепления международных позиций СССР.

Хотя известная недооценка Сталиным роли и значения взаимных уступок и компромиссов во внешней политике не могла исключить их из практики внешнеполитической и дипломатической деятельности Советского государства, тем не менее эта недооценка отрицательно отражалась на использовании гибких методов и форм во внешней политике. Она ослабляла усилия в борьбе за сплочение широких народных масс под лозунгами мира и мирного сосуществования.

На современном этапе в практической деятельности советской дипломатии взаимные уступки и разумные компромиссы являются, как это было при Ленине, одним из важных методов, применяемых в практическом осуществлении принципа мирного сосуществования.

За единый дипломатический фронт

Коммунистическая партия, Советское правительство и лично В. И. Ленин считали важной задачей создание единого дипломатического фронта всех советских республик, оказание им со стороны РСФСР необходимой помощи. Одновременно этот фронт должен был опираться и на поддержку масс за рубежом, в том числе в угнетенных и зависимых странах Востока. Братские отношения, складывавшиеся в те годы между РСФСР, с одной стороны, и остальными советскими республиками — с другой, а также отношения между советскими республиками и народами Востока были по существу первыми шагами в зарождении международных отношений нового типа.

Изумительным примером ленинского подхода к этому вопросу является братская помощь, которую Советская Россия, лично В. И. Ленин оказали в 1919 году Ба-

варской, Венгерской и Словацкой советским республикам. Центральный Комитет и Советское правительство внимательно следили за практическими шагами, в том числе и внешнеполитическими, молодых республик, давали ценные советы. Об этом свидетельствуют ленинские документы «Приветствие Баварской советской республике»⁴⁵, «Привет венгерским рабочим»⁴⁶ и др. «Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне»⁴⁷, — писал Владимир Ильич 27 мая 1919 г. рабочим Венгрии. Начиная с 1921 года советская дипломатия оказывала постоянную помощь и содействие Монгольской Народной Республике. Все это было началом того великого социалистического содружества, которое существует и успешно развивается в наши дни.

Трудно переоценить значение в тех условиях единения сил и возможности дипломатии всех братских советских республик в борьбе за мир, за обеспечение благоприятных внешнеполитических условий строительства социализма. В качестве примера совместных дипломатических выступлений и братского взаимодействия советских республик можно сослаться на сотрудничество дипломатии РСФСР и УССР, РСФСР и ДВР.

Известно, что с августа 1919 по февраль 1920 года, когда важнейшей задачей был разгром сил интервенции и контрреволюции, стремившихся задушить Советскую власть, дипломатическая защита интересов советских народов на международной арене была возложена на РСФСР. В ряде случаев правительство РСФСР по просьбе и с согласия украинского правительства выступало на внешнеполитической арене от имени обеих республик.

Многие международные документы были скреплены одновременно подписями представителей РСФСР и УССР. Это — заключенный в марте 1921 года в Риге мирный договор с Польшей; в 1920 году — соглашения об обмене военнопленными и другими лицами с Францией, Бельгией, Венгрией и Австрией. Все это было конкретным проявлением тесного сотрудничества в области внешней политики и дипломатической деятельности, осу-

⁴⁵ См. В. И. Ленин, Приветствие Баварской советской республике, Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 321—322.

⁴⁶ См. В. И. Ленин, Привет венгерским рабочим, Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 384—388.

⁴⁷ Там же, стр. 388.

ществлявшегося до образования СССР Советской Россией и УССР, сотрудничества, которое укрепляло единый фронт советских республик против империалистов, способствовало упрочению Советской власти.

В 1920—1921 годах УССР уделяла большое внимание нормализации отношений с Польшей. В феврале — марте 1920 года рабоче-крестьянское правительство Украины от своего имени, а также совместно с правительством РСФСР предприняло ряд дипломатических шагов, направленных на мирное урегулирование с Польшей. В ноте УССР от 22 февраля 1920 г. подчеркивалось, что «различие в формах государственной власти между Польшей и Украиной не является препятствием к заключению мирного договора»⁴⁸.

Дипломатические усилия молодой Украинской Советской Республики в 1918—1919 годах были направлены на то, чтобы обеспечить внешнеполитические условия для утверждения и упрочения Советской власти на Украине. Характерно, что не было ни одного сколько-нибудь важного международного вопроса, затрагивавшего интересы Украины или Советской страны в целом, по которому правительство УССР не высказало бы своей принципиальной точки зрения. Проявляя необходимую твердость и решительность в борьбе с врагами, оно одновременно стремилось действовать гибко, активно применяло метод переговоров с политическими противниками, учитывало возможность компромиссов. Не случайно III съезд КП(б)У отмечал, что борьба против империализма «не может означать принципиального отказа от тактики уступок как средства стратегического маневрирования, ибо далее условия могут сложиться так, что УССР будет вынуждена идти на те или иные уступки».

19 ноября 1918 г. ЦК КП(б)У, стремясь к достижению взаимопонимания с новым правительством Германии, образованным в ходе Ноябрьской революции, обратился к возглавлявшим его социал-демократическим лидерам. Выражая интересы рабочих и беднейших крестьян Украины, говорилось в обращении, нельзя не требовать от правительства, провозглашенного социалистическим, точного и ясного ответа на вопрос о дальнейшей роли германской оккупационной армии на Украине.

⁴⁸ «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 387.

3 декабря правительство УССР потребовало от правительства Германии безотлагательного вывода оккупационной армии с территории Украины. Однако правительство предателей Эберта — Шейдемана оставило без ответа эти призывы. Оккупация Украины продолжалась.

В создавшейся обстановке ЦК КП(б)У принял решение вступить в непосредственный контакт с Советами германских солдат и попытаться таким путем нейтрализовать войска интервентов. В исключительно трудных условиях представители УССР вели переговоры с солдатскими Советами и добились определенных положительных результатов. Так, 4 декабря 1918 г. было подписано соглашение с Советом войск, находившихся в районе Ворожбы. Совет взял на себя обязательство немедленно допустить восстановление Советской власти в указанном районе и не вмешиваться в ее действия. В январе 1919 года договоренность по ряду вопросов была достигнута также с солдатским Советом 1-го корпуса германской армии. Это было несомненным успехом УССР: такого рода соглашения безусловно облегчали восстановление Советской власти в тех или иных районах Украины, как и дальнейшую борьбу против контрреволюции. Следует отметить, что ЦК КП(б)У и правительство Украины, следуя указаниям В. И. Ленина, проявляло гибкость, выдержку и терпение в решении внешнеполитических вопросов.

Далее УССР пошла на переговоры с представителями войск Англии и Франции. В марте — апреле 1919 года в Одессе ее официальные представители обменивались мнениями с французским командованием, а в апреле в Севастополе — с французским и английским, которые, действуя по указаниям свыше, пытались с помощью согласия на переговоры отвлечь внимание от своих подлинных намерений. Правительство и НКВД РСФСР внимательно следили за этими переговорами, оказывая УССР всю возможную помощь, товарищески критикуя за отдельные упущения. Г. В. Чичерин в телеграмме, направленной 23 апреля в Харьков, писал: «Пожалуйста, следите за подобными переговорами и не упускайте важного».

Весной и летом 1919 года велись переговоры с панской Польшей и боярской Румынией об обмене военнопленными и другими лицами. УССР, беспощадно разоб-

лачая захватнические, грабительские планы и действия правящих кругов Польши и Румынии, предприняла настойчивые усилия, чтобы урегулировать отношения с этими государствами.

Правительство Советской России оказывало братской республике постоянную помощь в подготовке и осуществлении ею дипломатических акций. Например, в 1919 году РСФСР выступила с посредничеством в переговорах между украинским рабоче-крестьянским правительством и Директорией, которые позволили до конца вскрыть и обнажить контрреволюционную, предательскую сущность Директории.

19 февраля 1920 г. Советское правительство Украины обратилось ко всем народам и правительствам мира, извещая об освобождении Украины и возобновлении своей нормальной деятельности. В обращении подчеркивалось, что правительство УССР «отнюдь не намерено вести какую бы то ни было агрессивную политику по отношению к своим соседям или воздействовать путем силы и вмешательства во внутренние дела других государств на волю их народных масс»⁴⁹.

Кроме переговоров с Польшей и заключения совместного с РСФСР упомянутых выше соглашений правительство УССР предприняло в 1920—1921 годах активные шаги для налаживания отношений с рядом европейских стран. В нотах от 25 ноября и 13 декабря 1920 г. правительство УССР предложило всем правительствам, и прежде всего правительствам соседних государств, приступить к переговорам для установления нормальных политических и экономических отношений. В феврале 1921 года республика заключила мирный договор с Литвой и в августе — с Латвией. В апреле 1921 года был урегулирован вопрос об обмене военнопленными с Германией. При этом правительство ее одновременно заявило о непризнании им в качестве дипломатического петлюровского представительства в Берлине.

Таковы были первые шаги молодой украинской дипломатии, помощь ей со стороны РСФСР, совместные дипломатические выступления двух братских республик.

В. И. Ленин уделял в те годы также большое внимание дипломатической деятельности правительства Даль-

⁴⁹ «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 376—377.

невосточной республики, которая была создана по его инициативе как противовес японской интервенции 6 апреля 1920 г. Важной акцией этой республики явилось направление ею в 1920 году миссии в Китай.

Следует отметить, что благородные усилия Советского государства по установлению дружественных отношений с Китаем находили полную поддержку со стороны китайских трудящихся. В этой связи заслуживает быть отмеченным следующий факт. Летом 1920 года в Москве состоялся III Всероссийский съезд китайских рабочих, который от имени 100 тыс. эмигрантов горячо поддержал стремление советского народа к дружбе с китайским народом и обратился к Сунь Ят-сену, а через него — к китайскому народу с телеграммой. В ней, в частности, говорилось:

«Мы призываем Китай немедленно признать рабоче-крестьянскую республику, которая возглавляет угнетенные народы в их совместной борьбе за свободу. Мы призываем также нашу страну ни в коем случае не оказывать помощи державам, выступающим против России.

Мы призываем нашу страну послать официальную полномочную делегацию в Россию для установления дружественных отношений. Это вопрос первостепенной важности для Китая, и его ни в коем случае нельзя откладывать».

Деятельность названной выше миссии происходила в исключительно сложных и трудных условиях, когда силы внутренней и иностранной реакции всячески препятствовали установлению дружественных связей между двумя великими народами. И хотя ни одна крупная проблема отношений между ДВР и Китаем по вине правящей верхушки последнего не была решена, миссия сыграла важную роль в установлении контактов с иностранными кругами в Пекине, в распространении правды о нашей стране. В этой связи Б. Рассел в 1922 году писал: «Должен признаться, что я предубежден в пользу Дальневосточной республики. Причиной этого является моя дружба с находившейся одновременно со мной в Пекине ее дипломатической миссией. Я никогда не встречал более благородной группы людей».

В период с августа 1921 по апрель 1922 года, то есть в течение почти восьми месяцев, делегация ДВР принимала участие в Дайренской конференции представите-

лей ДВР и Японии по вопросу о взаимоотношениях обеих сторон, и в частности об эвакуации японских войск с Северного Сахалина, из Приморья и Николаевска-на-Амуре.

Вот что пишет по этому поводу руководитель делегации Ф. Н. Петров: «На этой конференции мне пришлось вести переговоры об эвакуации японских войск с Дальнего Востока. Каждое предложение, которое вносили японцы (а они требовали взорвать владивостокские форты, предоставить им право плавать по Амуру и Сунгари, свободно торговать на всей территории Сибири и т. п.), пересылалось на обсуждение в Москву. Владимир Ильич скрупулезно изучал требования японцев и через Г. В. Чичерина... давал указания дипломатической делегации Дальневосточной республики, какую позицию занимать по тому или иному вопросу. Указания Владимира Ильича по внешнеполитическим проблемам — образец глубочайшего понимания международного положения, дипломатического искусства, принципиальности и гибкости».

В. И. Ленин высоко оценивал дипломатическую деятельность ДВР. В речи на сессии ВЦИК 31 октября 1922 г., приветствуя победу Красной Армии, освободившей Владивосток, В. И. Ленин подчеркнул, что «здесь сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия»⁵⁰.

* * *

Одним из главных направлений внешней политики молодого Советского государства было развитие дружественных и равноправных отношений с народами Азии и Африки, оказание им всемерной помощи. Советское правительство первым в истории решительно осудило систему колониального рабства. Выступая за самоопределение наций, оно провозгласило отказ от неравноправных договоров, заключенных царским самодержавием с государствами Востока.

В письме «Товарищам коммунистам Туркестана»

⁵⁰ В. И. Ленин, Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г., Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 245.

(ноябрь 1919 г.) В. И. Ленин отмечал: «Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам»⁵¹. На этой мысли Ленин останавливался многократно. Так, в феврале 1921 года он говорил: «...Где Советская власть, там нет места национальному угнетению,— это мы покажем и на Востоке. От этого в последнем счете зависит вся борьба...»⁵².

Уже в первые месяцы после победы Октябрьской революции Советское правительство приняло Декларацию прав народов России, Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. Оно аннулировало все соглашения, направленные против независимости Персии; заявило об аннулировании всех царских договоров с Китаем. Только в 1921 году были заключены договоры об установлении дружественных отношений с Персией, Афганистаном, Турцией и Монголией. Число друзей новой России росло из года в год.

Советское правительство внимательно и заботливо развивало братские отношения со странами и народами Востока. Быть естественными и бескорыстными друзьями и союзниками народов, борющихся за свою свободу и национальную независимость,— именно в этом усматривала Советская Россия свое призвание и свою роль на Востоке.

Вот один из документов, характеризующих политику Советского правительства. Незадолго до конференции в Генуе (1922 г.) Г. В. Чичерин составил проект предложений Советской России на этой конференции. В проекте, который был одобрен Владимиром Ильичем, говорилось: «Новизна нашей международной схемы должна заключаться в том, чтобы негритянские, как и другие колониальные народы, участвовали на равной ноге с европейскими народами в конференциях и комиссиях и имели право не допускать вмешательства в свою внутреннюю жизнь»⁵³.

⁵¹ В. И. Ленин, Товарищам коммунистам Туркестана, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 304.

⁵² В. И. Ленин, Речь на заседании пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля 1921 г., Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 357.

⁵³ «Ленинский сборник XXXVI», Госполитиздат, 1959, стр. 451.

Коммунистическая партия и Советское правительство решительно отвергали ложный тезис «экспорта революции». Например, в инструкции народного комиссара иностранных дел советскому послу в Афганистане (июнь 1921 г.) указывалось: «Вы должны всячески избегать роковой ошибки искусственных попыток насаждения коммунизма в стране. Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самодеятельности наших народов»⁵⁴.

О том, как Советское правительство день за днем заботилось о братской дружбе с народами Востока, свидетельствуют многочисленные документы. Так, во впервые опубликованной ноте Г. В. Чичерина послу Турции в РСФСР от 10 октября 1921 г. говорилось: «Мы рассматриваем также как крайне желательные периодические обсуждения нашими двумя Правительствами всего, что может их интересовать в отношении политической жизни момента... Принимать общее решение по всем текущим вопросам — вот в чем должен состоять принцип дружественной политики, которая нас объединяет»⁵⁵.

В трудные для Советской власти годы, когда она решала сложные задачи восстановления разрушенного мировой и гражданской войнами народного хозяйства, советский народ оказывал посильную помощь угнетенным народам Востока. В советской ноте Турции от 10 октября 1921 г. пророчески указывалось: «Как только Советская Россия выйдет из бесконечных затруднений, с которыми она еще борется, помощь, которую она оказывает братским народам, которые стремятся иметь независимое существование, станет все более и более значительной и обширной»⁵⁶.

В. И. Ленин указывал на большое значение правильной политики, верной и гибкой дипломатической деятельности Советской власти в отношении стран и народов Востока. Он радовался любым успехам нашего государства по установлению и развитию братских уз и сотрудничества с народами Востока. Так, в телеграмме С. Г. Шаумяну В. И. Ленин писал: «Мы в восторге от

⁵⁴ «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 167.

⁵⁵ Там же, стр. 402.

⁵⁶ Там же, стр. 401.

вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением,— и мы победим»⁵⁷.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран являются активным и важным фактором всемирной политики. В докладе на II Всероссийском съезде коммунистических организаций Востока в ноябре 1919 года он говорил: «За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»⁵⁸.

Это научное предвидение В. И. Ленина находит блестящее подтверждение в наши дни, когда в борьбе за мир, против угрозы термоядерной катастрофы, в одном ряду выступают социалистические государства и независимые страны Востока. Ленин много лет назад не только предвидел такое развитие событий, но он на практике показал, как должны строиться взаимоотношения Советской России с народами Востока, какое значение имеет этот единый фронт в борьбе против империализма.

Таким образом, в первые годы Советской власти, когда во главе партии и правительства стоял В. И. Ленин, был накоплен богатый опыт строительства новой дипломатии, опыт тесного сотрудничества на международной арене, опыт привлечения на сторону благородных идей мира и дружбы народов угнетенного и зависимого Востока. Без этих славных страниц истории были бы немыслимы сегодня блистательные успехи ленинской дипломатии.

* * *

В. И. Ленин вооружил советскую внешнюю политику и дипломатию благородными и честными методами,

⁵⁷ В. И. Ленин, Телеграмма С. Г. Шаумяну, Соч., т. 35, стр. 268.

⁵⁸ В. И. Ленин, Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г., Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 328.

свойственными лишь социалистической дипломатии. В наши дни Коммунистическая партия и Советское правительство, руководствуясь ленинскими указаниями и творчески развивая их на основе научного анализа и обобщения современных явлений и изменений на международной арене, уверенно ведут наш народ к победе в мирном соревновании с капитализмом, к утверждению на земле прочного мира. Эта ленинская политика, закрепленная в исторических решениях XX—XXII съездов партии и пленумов ЦК КПСС, отвечает коренным интересам всего человечества.

СССР И АНТИФАШИСТСКАЯ КОАЛИЦИЯ

Перед второй мировой войной Советский Союз был единственным социалистическим государством, находившимся во враждебном ему капиталистическом окружении. Хотя с первых дней своего существования Советский Союз оказывал исключительное влияние на международную жизнь, тем не менее империализм еще в значительной мере определял тогда ход и характер международных событий.

Осуществление ленинской политики социалистической индустриализации страны выдвинуло Советский Союз на первое место в Европе по размерам производимой промышленной продукции. Однако его силы уступали силам капиталистического мира.

Существовавшее в то время соотношение сил ободряло врагов социализма. Наиболее агрессивные круги империалистических держав стремились воспользоваться временным преимуществом капитализма в экономическом и военном отношении, для того чтобы силой оружия сломить и уничтожить социализм, восстановить былое единство капиталистического мира. Это стремление нашло свое отражение в планах объединения сил капиталистических держав, создания антисоветского объединенного фронта, осуществления им «крестового похода» против СССР. В противоположность этому Советский Союз стремился объединить миролюбивые страны и народы для защиты мира и предотвращения войны.

Видные руководители буржуазных стран прилагали огромные усилия к тому, чтобы преодолеть империалистические противоречия, разъединявшие их государства,

и достичь единства на антисоветской основе. Эта линия отчетливо проявилась во многих акциях внешней политики Запада, включая конференции вроде Локарнской или Мюнхенской.

Буржуазная историография израсходовала реки чернил, чтобы доказать, будто участники мюнхенского сговора помышляли о мире, а не о войне. Но реальные исторические факты свидетельствуют об обратном. Именно в Мюнхене английская и французская дипломатия открыла германскому фашизму путь к второй мировой войне. Именно в Мюнхене Чехословакия, а вместе с ней дело всеобщего мира были принесены в жертву классовой ненависти империалистов к СССР.

Сила исторической действительности, на которую опираются прогрессивные историки, такова, что даже в буржуазном лагере все меньше остается таких авторов, которые продолжают упорствовать в стремлении оправдать мюнхенский сговор. Большинство же буржуазных историков под давлением фактов, содержащихся в опубликованных документах, и под влиянием исторической мысли социалистических стран вынуждено признать действительный смысл Мюнхена, а следовательно, вольно или невольно признать и справедливость той оценки, которая была ему сразу же дана Советским Союзом и советской историографией.

Так, например, видный западногерманский историк Михаэль Фрейнд в книге «История Германии», изданной в 1960 году, пишет: «Когда под поступью марширующих немецких батальонов содрогнулась земля Богемии, рухнул весь мир. Из того устройства, которое воздвиг Версальский договор, вырвали краеугольный камень. Но случилось еще большее. Перед германским рейхом была раскрыта дорога на Восток».

Другой западногерманский автор, Дамс, подчеркивает, что желание правительств Англии и Франции вступить в антисоветский блок с Германией привело их к отступничеству и предательству.

Дольше других упорствовали в попытках оправдать мюнхенский сговор английские буржуазные историки. Но и им пришлось встать на путь переоценки и сменить позиции. В настоящее время большинство английских буржуазных исследователей признает губительность Мюнхена для дела всеобщего мира. Однако, делая соот-

ветствующие вынужденные признания, многие из них пытаются все же как-то выгородить творцов этого сговора. Так, например, член Британской академии Тэйлор утверждает, что участники Мюнхенской конференции не имели определенной цели и не знали, что творят. «Когда осуществлялась мюнхенская политика, — пишет он, — никто не знал, к чему она приведет».

Тэйлор, конечно, сознательно искажает факты. Мюнхенские заговорщики не были ни детьми, ни умалишенными; они хорошо знали, что делали. Сознала смысл их действий и мировая прогрессивная общественность, решительно выступавшая против преступных сделок с немецко-фашистскими захватчиками.

Именно потому, что Коммунистическая партия и Советское правительство распознали подлинные цели мюнхенского сговора, они повели решительную борьбу против новой попытки создания единого антисоветского фронта и осуществления его силами антисоветского «крестового похода». Эта борьба была успешной, ибо она опиралась на объективные возможности, на широкую поддержку и активность международного коммунистического и рабочего движения, всех прогрессивных сил.

Борьба за объединение антифашистских сил представляла собой важнейшее направление внешнеполитической деятельности СССР в предвоенный период. В связи с захватом власти в Германии гитлеровской кликой и образованием очага второй мировой войны в центре Европы Советским Союзом была выдвинута идея совместных действий народов и государств против фашизма и его политики всемирных завоеваний. Эта идея была отражена в советских предложениях о коллективной безопасности.

Система коллективной безопасности, впервые в истории международных отношений предложенная Советским Союзом, являлась в те годы единственным эффективным средством предотвращения войны и обеспечения мира. Она отражала жизненные интересы всех свободлюбивых народов, которым угрожала фашистская агрессия. Советское правительство в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 12 декабря 1933 г. о развертывании борьбы за коллективную безопасность стремилось заключить договоры о взаимной помощи, чтобы в случае нападения агрессора на одно из государств все другие

участники договора дали ему совместный, коллективный отпор.

Благодаря своей миролюбивой политике и борьбе за коллективную безопасность Советский Союз задолго до Великой Отечественной войны стал центром притяжения и сплочения всех действительно свободолюбивых народов и государств. Эта роль СССР была не случайной, а закономерной. Она обуславливалась социалистическим характером советской внешней политики, справедливостью и благородством ее целей и задач, их полным соответствием коренным интересам народов всех стран. Она обуславливалась ролью Советского Союза как социалистического отечества международного пролетариата.

Широкую и разностороннюю деятельность по сплочению антифашистских, миролюбивых сил развернули братские коммунистические партии. VII конгресс Коммунистического Интернационала, проходивший летом 1935 года, выдвинул в качестве главной задачи рабочего класса и его коммунистического авангарда сплочение трудовых масс в единый народный фронт для совместной борьбы с фашизмом и угрозой войны. Решения конгресса мобилизовали мировое коммунистическое и рабочее движение на решение самых актуальных задач.

После VII конгресса Коминтерна движение за мир приняло широкий размах. В 35 странах были созданы национальные центры движения поборников мира. К этому движению примкнули десятки различных политических, культурных, религиозных и пацифистских организаций. Однако Исполком Социалистического рабочего интернационала, предавая интересы рабочего класса и всех трудящихся, отказался поддержать движение за мир.

Коммунистические партии систематически предлагали социал-демократам совместно выступить против фашизма и войны. С 1933 по 1938 год Исполком Коммунистического Интернационала 12 раз обращался к Международному объединению социалистических партий, предлагая единство действий. Но все эти предложения отвергались правосоциалистическими лидерами, которые в полной мере несут ответственность за раскол рабочего класса.

Благородная борьба Советского Союза и коммунистических партий всех стран не пропала даром. Она-то и заложила прочные основы для той роли, которую сыграли

затем народные массы в годы второй мировой войны, и подготовила создание антифашистской коалиции народов и правительств.

Идея коллективных действий, выдвинутая Советским Союзом и всем мировым коммунистическим движением, прочно утвердилась в сознании народов. Великой школой единения патриотов разных стран в борьбе с общим врагом явилось участие добровольцев в войне с фашистскими захватчиками в Эфиопии и Испании. Именно в Испании идея международного антифашистского фронта нашла впервые свое практическое воплощение в интернациональных бригадах, героическая борьба которых была выдающимся примером пролетарского интернационализма и единства действий против фашизма. Антифашисты 54 стран прибыли в Испанию, чтобы плечом к плечу, с оружием в руках сражаться за мир и демократию, за национальную независимость и свободу. На выжженной солнцем испанской земле в ожесточенных сражениях с фашизмом возник международный антифашистский фронт. Это был такой пример единства в борьбе с фашизмом, который не мог не отразиться на будущих судьбах человечества. Именно здесь народы приобрели первый опыт вооруженной антифашистской освободительной борьбы.

Руководящую роль в этом единении боевых сил международного рабочего и демократического движения играли коммунисты. Они были главными организаторами и вдохновителями интернациональных бригад. Среди добровольцев, которые, не щадя своей жизни, стремились помочь испанскому народу в отражении фашистского натиска, были и советские граждане. Их замечательные подвиги в Испании навсегда вошли в летопись славных деяний борцов за свободу и справедливость. По призыву Коммунистической партии Германии в состав интернациональных бригад вступили и героически сражались 5 тыс. немецких антифашистов, из которых 3 тыс. отдали свои жизни за свободу испанского народа.

Героическое сопротивление вторжению фашизма на полях Испании явилось могучим фактором мобилизации мирового общественного мнения против фашистской опасности. Народные массы европейских стран поняли, что фашизм может быть остановлен только силой. Самоотверженная деятельность коммунистов сыграла, таким

образом, великую организующую, мобилизующую и воспитательную роль в моральной, политической и идейной подготовке народов к антифашистской войне.

Враги Советского Союза не видели тех глубоких процессов, которые протекали и внутри многих стран и на мировой арене. В США и Англии, не говоря уже о Германии, даже накануне немецко-фашистского нападения на СССР были сторонники политики создания единого антисоветского блока. В плане этой политики и была предпринята миссия Гесса.

Германские империалисты были уверены, что их нападение на СССР примет форму «крестового похода» капиталистического мира против страны социализма. Именно поэтому в заявлении германского правительства об объявлении войны Советскому Союзу, сделанном уже после начавшегося вероломного нападения, говорилось, что цель войны состоит в стремлении «спасти всю мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма». Гитлеровский волк стремился прикинуться ягненком; враги цивилизации заявляли, что они — ее спасители.

Будучи не в состоянии понять объективные закономерности исторического развития, германские руководители полагали, что Советский Союз останется изолированным. Вот как высказался Гитлер накануне нападения: «Когда начнутся «операции Барбаросса», мир затаит дыхание и не сделает никаких комментариев».

Но «комментарии» последовали. Больше того, антифашистская коалиция народов и правительств стала складываться вокруг Советского Союза уже с первого дня навязанной ему войны. Не Советский Союз оказался изолированным, а гитлеровская Германия и ее союзники. Признавая этот факт, западногерманский военный историк Якобсен пишет: «Можно без преувеличения сказать, что эта война (против СССР. — Г Д) была проиграна политически еще до начала военных действий».

Такие признания делают теперь многие реакционные авторы, убеждающиеся в том, как трудно идти наперекор фактам. Но при этом, как правило, они сетуют на историческую случайность. Одни усматривают эту случайность в личных качествах руководителей тех или иных капиталистических держав, другие — в необдуманности действий Германии, третьи — и в том и другом. Но, по

мнению всех их, только в силу случайности гитлеровская Германия в войне против СССР столкнулась с неблагоприятной для нее международной обстановкой.

На самом же деле эта обстановка не была случайной и не объяснялась теми или иными ошибками буржуазных правительств. Здесь действовали неумолимые закономерности истории, преодолеть которые невозможно.

Главная историческая закономерность заключается в том, что наша эпоха — это эпоха перехода человечества от капитализма к социализму. Революция в одной стране явилась началом, предпосылкой, мощной базой грядущей мировой социалистической революции, а построение социализма в СССР — примером будущего социалистического преобразования мира. Нападение Германии на СССР представляло собой атаку воинствующей международной империалистической реакции против общественного прогресса, против будущего человечества, против поступательного движения мировой цивилизации, а значит и самого ее существования. Защита СССР от немецко-фашистских полчищ представляла собой интернациональный долг международного рабочего класса, всех демократических и прогрессивных сил.

Не могло социалистическое государство остаться одиноким перед лицом империалистического вооруженного нашествия. И оно не осталось одиноким. Сравнительно легко и быстро сложилась могучая антифашистская коалиция народов и правительств. Образование коалиции представляло собой закономерный процесс, в котором суммировались многие отличительные черты современности. Эти черты и закономерности стали складываться сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти.

Они проявились в годы иностранной вооруженной интервенции и гражданской войны в той помощи, которую оказывали молодому Советскому государству рабочие капиталистических стран, движимые пролетарским интернационализмом. Большую роль в борьбе против первого вооруженного похода империалистической реакции против Советской России сыграли пролетарии Германии. В рядах Красной Армии сражались тогда интернационалисты-добровольцы многих стран. Именно тогда проявилась эта замечательная черта пролетарского интернационализма — добровольное участие в вооруженной

борьбе с хищниками империализма, предпринявшими агрессию против свободолюбивого народа.

Действие этих объективных закономерностей было усилено в годы кануна второй мировой войны борьбой СССР за коллективную безопасность, деятельностью Коминтерна и братских коммунистических партий.

Сейчас ось официальной и неофициальной пропаганды Бонна лежит в утверждении, что международная обстановка якобы изменилась в пользу германских милитаристов. В годы второй мировой войны они, дескать, имели против себя не только СССР, но Англию и США, а в настоящее время Англия и США состоят вместе с ФРГ в одном военном союзе — НАТО.

Так рассуждать могут только политические слепцы и империалистические безумцы. Действие тех объективных закономерностей, которые привели в годы мировой войны к образованию и успешной деятельности антифашистской коалиции, с тех пор, за двадцать лет, не ослабло, а возросло. Тогда Советский Союз представлял собой единственное социалистическое государство, находившееся в капиталистическом окружении. Сейчас Советский Союз окружен верными друзьями и союзниками, представленными другими социалистическими странами. Тогда социалистическая система не была еще мировой — сейчас существует могучая мировая система социализма, силы которой превосходят силы агрессивного империалистического лагеря. Тогда была прочной колониальная система — сейчас от нее остались жалкие крохи, а многие независимые государства, возникшие на месте бывших колоний и полуколоний, проводят нейтралистскую, антиимпериалистическую политику. Нет более и прежней Германии — существует не только ФРГ, существует еще и ГДР. Германская Демократическая Республика — верный друг Советского Союза, непременный член великого содружества социалистических стран. Выросло с тех пор рабочее и коммунистическое движение во всем мире.

Вся современная международная обстановка свидетельствует, что в случае новой империалистической агрессии против социализма объективная историческая закономерность объединения против агрессоров всех сил мира, свободы, демократии и социализма проявится с новой, невиданной силой. Возникнет такой боевой союз

этих сил, какого не видывал мир даже в годы второй мировой войны.

Помощь, оказанная в годы войны Советскому Союзу народными массами, и прежде всего рабочим классом капиталистических стран, являлась выполнением международным пролетариатом своих интернациональных обязанностей по отношению к социалистическому государству — оплоту революционных сил всех стран, авангарду и крепости международного революционного и демократического движения.

Но и народы социалистического государства вели самоотверженную вооруженную борьбу с врагом за такие цели, в которых сплетался воедино их национальный и интернациональный долг. Героическая борьба советского народа в защиту своей социалистической Родины, за разгром главных ударных сил международной воинствующей реакции, за освобождение народов от фашистской чумы, за спасение мировой цивилизации и лучших достижений человечества являлась выполнением социалистическим государством своих интернациональных обязанностей в отношении международного пролетариата. Интересы Советского Союза в войне с Германией были неотделимы от интересов народов всего мира, в том числе и от коренных интересов германского народа.

Эти цели Советского Союза в войне с фашистскими государствами имели огромное значение для создания антифашистской коалиции, явились той основой, на которой она сложилась и окрепла. Именно в этом проявился со всей наглядностью справедливый, освободительный характер всей второй мировой войны — войны народов против фашизма.

В силу того факта, что Советский Союз отстаивал освободительные, справедливые цели войны против Германии и ее союзников, антифашистская коалиция народов и государств не могла возникнуть иначе, как вокруг СССР и во главе с СССР. Положение Советского Союза как великой социалистической державы, являющейся главной силой в борьбе против стран фашистского блока, обуславливало и роль СССР как центра создания могучей антифашистской коалиции. Борьба Советского Союза за такую коалицию, за эффективность ее деятельности была борьбой за победу социализма и демократии над фашизмом и реакцией, за свободу и независимость всех на-

родов, за ускорение разгрома фашистских государств и уменьшение продолжительности и тягот войны. С другой стороны, именно благодаря освободительным целям противников фашизма шел процесс быстрого ухудшения морального состояния армий и тыла Германии и ее союзников.

Оказавшись в одной коалиции с Советским Союзом, правящие круги США и Англии продолжали преследовать в войне свои империалистические цели, хотя и в завуалированной форме. На протяжении всей войны они пытались действовать тайно, нащупывая, в частности, почву для осуществления нового сговора с фашистскими агрессорами. Эти попытки стали особенно активными и опасными на заключительном этапе войны.

Правящие круги США и Англии стремились подорвать мощь Германии, Японии и Италии как своих империалистических конкурентов и в то же время сохранить в этих странах фашистский режим, укрепить и расширить систему своего империалистического гнета над народами, ослабить Советский Союз.

Политика правящих кругов США и Англии дала возможность фашистской Германии сосредоточить главные силы на фронте войны с Советским Союзом, на плечи которого легла основная тяжесть войны. Империалисты были уверены, что удар чудовищной силы, обрушившийся на Советский Союз, уничтожит СССР и поможет им восстановить власть капитала во всем мире. Гитлер был твердо убежден в возможности победить Советский Союз в ходе молниеносной войны. Но не он один придерживался подобного мнения. Эту точку зрения разделяли видные военные деятели не только в Германии, но и в Соединенных Штатах Америки. Американский военный министр и его начальник штаба ожидали, что поход продлится самое меньшее месяц и самое большее три месяца. Это объяснялось, с одной стороны, легкими победами, одержанными вермахтом до лета 1941 года, за которыми мир следил с удивлением и растущим страхом, а с другой стороны — полной недооценкой советской силы сопротивления.

Правящие круги США и Англии сознавали, что от того, выстоит или нет СССР, зависит существование их собственных стран. И все же они жаждали ослабления своего советского союзника. Когда же битва на Волге пока-

зала силу СССР, затаенная ненависть его врагов стала еще более острой. И до сих пор слова «битва на Волге», ставшие символом поражения Германии и знаменем освободительной борьбы народов всего мира, приводят в бешенство империалистов и их идеологических оруженосцев. Американский военный историк Мэтлоф пишет, что «советский медведь» неуклонно набирал после победы на Волге силы и уверенность. Это сделало ощутимым его влияние на весах Московской и Тегеранской конференций.

Поведение правительств США и Англии в межсоюзнических отношениях было нечестным, лицемерным и коварным. Они всегда стремились подставить Советский Союз под удар, ослабить его и обескровить. Именно отсюда и происходило систематическое саботирование правительствами США и Англии своих союзнических обязательств, особенно ярко проявившееся в преднамеренной затяжке с созданием второго фронта в Европе.

В вопросе о втором фронте, как и в других вопросах, правительства США и Англии руководствовались не военной необходимостью, на которую часто ссылались, а своими корыстными политическими целями. В ходе войны проблема второго фронта переросла в острейшую политическую проблему не только во взаимоотношениях между странами антигитлеровской коалиции, но и во внутренней жизни США и Англии. В ходе войны поддержка с открытием второго фронта повернулась против интересов монополистов США и Англии. Это и вынудило правительства этих стран в 1944 году, когда стратегическая обстановка уже не требовала с прежней настоятельностью создания второго фронта, высадить свои войска во Франции и начать военные действия против Германии с запада.

В результате второй фронт не сыграл той роли, которую он был призван сыграть, хотя в какой-то мере его запоздалое открытие и ускорило окончание войны в Европе.

Советский Союз стал руководящей и направляющей силой антигитлеровской коалиции. Возглавив эту коалицию, он расширил и приумножил свои внешнеполитические связи. Неизмеримо возрос его авторитет и усилилось международное влияние. Да иначе не могло и быть. Народы видели, что Советский Союз настойчиво и после-

довательно проводит свою ленинскую внешнюю политику и ведет напряженную борьбу с гитлеровской Германией.

Благодаря Советскому Союзу антифашистская коалиция народов и правительств вылилась в боевой союз многих миллионов людей, поднявшихся против немецко-фашистских и японских претендентов на мировое господство.

Советский Союз не только в плане военном, но и в плане международно-политическом сделал то, чего не могло сделать ни одно буржуазное государство. Он дал программу антифашистской коалиции, целиком и полностью отвечавшую освободительному характеру войны. Эта программа определяла задачи не только вооруженной борьбы против блока фашистских государств, но и послевоенного устройства мира. Она включала: уничтожение расовой исключительности; равноправие наций и неприкосновенность их территорий; освобождение порабожденных наций от гитлеровской оккупации и восстановление их суверенитета; право каждой нации избирать свой путь развития; экономическую помощь потерпевшим нациям и содействие им в деле повышения их материального уровня; восстановление демократических свобод; полное уничтожение гитлеровского режима в Германии.

Притягательная сила этой программы была поистине величественна, так как она выражала коренные интересы народов, их стремление к миру и счастью.

Образование антифашистской коалиции во главе с Советским Союзом означало полный крах планов империалистов, стремившихся к международной изоляции СССР. Советский Союз не только не оказался изолированным, а, наоборот, расширив и упрочив свои международные связи, приобрел многочисленных союзников. В положении международной изоляции оказались фашистские агрессоры.

Создание антифашистской коалиции — добровольного союза государств, основанного на принципах равенства, равноправия и взаимного уважения, — наглядно показало возможность международного сотрудничества государств с различным общественным строем не только в годы войны, но и в мирное время.

На всем протяжении Великой Отечественной войны, от первого до последнего ее дня, Советский Союз был непоколебимо верен великим освободительным целям

войны. Он сыграл главную и решающую роль в достижении победы над фашизмом. Советский народ, его вооруженные силы не только отстояли свободу и независимость своей Родины от черных сил фашизма, но и спасли человечество от угрозы фашистского порабощения.

Не только наши современники, но и грядущие поколения будут свято чтить память героических борцов, которые в смертельных битвах разгромили фашизм, отстояли завоевания Великого Октября и спасли светлое будущее человечества.

Отстояв социалистическое отечество, одержав всемирно-историческую победу над силами фашизма в годы второй мировой войны, советский народ с честью выполнил свой интернациональный долг. Освобождение от гитлеровского ига народов Европы явилось непосредственным результатом всемирно-исторических побед Советской Армии, всех советских людей.

Великая Отечественная война Советского Союза полностью слилась с борьбой народов за свою свободу и национальную независимость. Героизм советских людей стал вдохновляющим примером для всех народов земного шара.

Таким образом, создание антифашистской коалиции нельзя считать результатом случайного стечения обстоятельств. Оно было подготовлено всем ходом событий, внешней политикой Советского Союза, обуславливалось действием закономерностей истории.

В ОТКРЫТОМ БОЮ

«Он умирает, словно Феникс, умирает в момент наивысшей славы, давая жизнь новым нациям». Голос оратора звучит проникновенно, то поднимается до патетических высот, то приобретает драматическое звучание, как бы призывая проникнуться величием переживаемого момента. Тысячи глаз устремлены на оратора: не собьется ли он, не сфальшивит ли? Но нет, он продолжает свою речь с прежним пафосом: «Мы верим, что новые нации должны быть сильными и процветающими... ибо, если новые нации будут сильными и процветающими, они внесут великий вклад в дело мира во всем мире». И далее, остановившись на мгновение: «На этих принципах будут продолжать основываться наши совместные усилия до тех пор, пока мы не достигнем целей нашей политики и они, народы этих стран, не осознают своих национальных устремлений».

В этом же громадном зале выступает другой оратор: «В свете этих идеалов мы рады видеть, как эпоха колоний уходит в прошлое и множество новых наций вступает в семью свободных народов». Первые фразы принадлежат Ормсби-Гору, делегату Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, последняя — Уодсворту, делегату Соединенных Штатов Америки, а произнесены они в зале Генеральной Ассамблеи ООН во время XV сессии, при обсуждении поставленного Советским Союзом вопроса о полной и окончательной ликвидации колониализма.

Оправдание колониальных порядков является одной из самых трудных задач буржуазной дипломатии, требует невероятной изворотливости, ибо дипломат должен

прикрыть присущее буржуазной цивилизации варварство, которое предстает в колониях в обнаженном виде, без всяких прикрас и покровов. «Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас, совершавшиеся во всех частях света по отношению ко всем народам, которые им удавалось поработить, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, не исключая самых диких и невежественных, самых безжалостных и бесстыдных». Эти слова взяты из книги английского автора Уильяма Хауита «Колонизация и христианство», вышедшей почти полтора века назад.

С тех пор история колониализма накопила многочисленные преступления, и, по мере того как колониализм вписывал в свою историю новые кровавые страницы, буржуазная дипломатия обогащалась опытом его прикрытия. Ни в одной сфере деятельности не прилагалось столь много усилий, чтобы оправдать империализм и его политику, как в деле защиты колониальной системы. Ни в одной области не выдвигалось столь много теорий, тезисов, доводов, аргументов, сколько выдвигалось буржуазной дипломатией в оправдание колониальной политики.

Фрак и цилиндр буржуазного дипломата должны прикрывать мундир и шлем колонизатора, залитые кровью поработенных народов. Чем больше преступление, совершаемое колонизаторами, тем «возвышеннее» и цветистее становится язык дипломата, буржуазного политика. «Гуманность», «цивилизация», «милосердие», «христианская мораль», «человеколюбие», «сострадание» — подобные слова льются нескончаемым потоком из уст буржуазного дипломата, когда он говорит о колониализме.

Весь этот арсенал принесли лидеры западного мира на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН, когда по предложению Советского правительства делегации многих стран мира, в том числе всех ведущих стран, возглавили главы государств или правительств.

Чем больше сил собрано и вовлечено в бой, тем величественнее победа, но тем сильнее и поражение. То, что могло бы пройти незамеченным или почти незамеченным при других условиях, в другой обстановке, с иными действующими лицами, приобретало яркость, мировое звучание в ходе XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

1960 год вошел в историю как год Африки; 17 народов, 17 стран африканского континента в тот год поднялись к самостоятельной жизни. Это была кульминация национально-освободительного движения африканских народов, подготовленная всем ходом предыдущего развития. Когда лидеры западного мира Эйзенхауэр, Макмиллан и руководители ряда других капиталистических стран по инициативе Советского правительства решили участвовать в работе XV сессии, то не последнюю роль в этом играл расчет на то, чтобы извлечь пользу из факта появления в ООН многочисленных новых государств-членов. Ведь Запад «даровал» им свободу и независимость, и западные лидеры прибыли на XV сессию, чтобы принять «слова признательности и дань восхищения от благодарных народов».

Теперь же буржуазная история и дипломатия фактически выбросили из своего багажа XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН и хранят молчание об участии в работе сессии большого числа руководящих деятелей многих капиталистических стран. Почему? Что не понравилось Западу, так часто заявлявшему о своих симпатиях к ООН?

В ходе XV сессии состоялось беспрецедентное в истории дипломатии сражение по одной из актуальнейших проблем нашего времени — по проблеме колониализма. В этом сражении Запад был дипломатически разбит наголову, буржуазная дипломатия потерпела поражение. Вместо «благодарности» — осуждение, вместо «восхищения добродетелью» — требование покончить немедленно и навсегда с преступной колониальной системой — вот с чем столкнулись представители колониальных держав на сессии. Такой неожиданный оборот событий произошел в результате умело проявленной Советским Союзом инициативы.

Нельзя сказать, что буржуазная дипломатия пришла на сессию неподготовленной, не имела собственной программы. Нет, западные страны выдвинули совершенно определенную программу, на основе которой они рассчитывали повести за собой молодые государства.

22 сентября 1960 г. Генеральная Ассамблея заслушала предварительно широко разрекламированное выступление президента Эйзенхауэра. В своем выступлении Эйзенхауэр уделил главное внимание Африке. Он изложил

целую систему принципов и мероприятий, объединенных одним названием «программа для «Африки». Выдвинутая США программа демагогически предлагала не вмешиваться в дела африканских стран, не вовлекать их в гонку вооружений, оказывать им помощь по линии ООН. Но по сути дела программа провозглашала неокOLONиализм как основное направление политики империалистических держав в отношении молодых национальных государств. США предлагали Африке прежнюю участь придатка империалистического мира. Но не этого хотели независимые африканские государства. Словесная оболочка, которой была прикрыта программа, не помогла Соединенным Штатам Америки избежать серьезного тактического провала. США хотели отделить молодые государства от народов, еще борющихся за свою независимость. В выступлении Эйзенхауэра фактически ни слова не было сказано о необходимости ликвидации колониализма.

Молодые независимые государства, полные динамизма и решимости, пришли на сессию, чтобы утвердить свое равноправие, укрепить свою независимость и самостоятельность, покончить с колониализмом. Они жаждали услышать, что со старым все кончено, понимая, что их свобода и независимость не могут быть обеспечены, пока сохраняется колониализм. Этому не давала им программа, предложенная Эйзенхауэром.

Со стороны американской дипломатии был допущен также психологический просчет. «Программа для Африки» была насквозь пропитана духом покровительства сильного слабому. Она подходила к африканским независимым государствам как к неопытным, немощным, неспособным сделать никаких шагов вперед своими силами, как к государствам, нуждающимся в помощи, заботе, советах, покровительстве. Империалистические колониальные державы этой программой спешили убедить молодые национальные государства, что они не выстоят одни, погибнут без тесных связей со своими прежними хозяевами.

Одним из совершенно непредвиденных результатов предложения США явилось резкое усиление враждебного отношения к политике «патернализма». Африканцы почувствовали и поняли, что «патернализм» является утонченной, замаскированной формой расистской теории о «неполноценности, неспособности» черной расы. В об-

становке небывалого подъема национальных чувств, самосознания народов, веками мечтавших о свободной и независимой жизни, «патернализм» был особо оскорбительным для африканских государств и не мог не встретить самого враждебного отношения к себе.

После XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Африке начали широко использовать этот термин при характеристике политики США. То, на что способна дипломатия победившего пролетариата — чуткое, равноправное отношение к молодым нациям, — не под силу буржуазной дипломатии.

«Программа для Африки» не встретила со стороны молодых национальных государств понимания, на которое рассчитывали США. Она не стала центральным пунктом сессии, хотя и была подслащена обещаниями долларовой помощи.

23 сентября 1960 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН выступил глава советской делегации. От имени Советского правительства он внес на рассмотрение сессии конкретные предложения по основным международным проблемам: ликвидация колониализма, разоружение, мирное сосуществование, реорганизация ООН в соответствии с действительным положением, которое сложилось в мире.

По первому вопросу Советское правительство предложило принять проект Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, в котором ООН торжественно провозглашала требование немедленно предоставить всем колониальным странам полную независимость и свободу в строительстве собственных национальных государств, ликвидировать все опорные пункты колониализма, строго соблюдать в отношениях между государствами принципы равенства и уважения суверенных прав всех без исключения государств, не допускать никаких проявлений колониализма.

Советская делегация подчеркнула, что принятие мер к окончательной ликвидации колониализма не только создало бы благоприятные условия для локализации и затухания нынешних очагов военной опасности в тех районах, где идет вооруженная борьба между колонизаторами и угнетенными народами, но и во много крат уменьшило бы возможность возникновения новых военных конфликтов между государствами.

Успешной борьбе советской дипломатии за принятие Декларации способствовало то, что в выступлениях советских представителей была вскрыта тесная, неразрывная связь между проблемами мира и колониализма.

Громадный интерес на сессии вызвало предложение Советского Союза по проблеме разоружения. Предлагая обсудить вопрос о разоружении, советская делегация ставила задачу дать более конкретное направление переговорам о разоружении, привлечь к участию в этих переговорах наряду с государствами — участниками противостоящих друг другу военных группировок также и государства, придерживающиеся нейтрального курса, и в первую очередь страны, недавно добившиеся независимости. С этой целью Советское правительство внесло на рассмотрение Генеральной Ассамблеи предложение об «Основных положениях Договора о всеобщем и полном разоружении» и предложило увеличить комитет по разоружению за счет нейтралистских государств. Эти предложения Советского Союза были направлены на то, чтобы ускорить решение проблемы разоружения, они в полной мере учитывали появление на международной арене нового мощного фактора в лице молодых национальных государств.

Такой же подход к основным проблемам, учитывающий интересы всех стран, и в первую очередь молодых национальных государств, отличает и предложения Советского Союза, касающиеся мирного сосуществования.

Советское правительство предложило принять конкретные меры для нормализации отношений между двумя противоположными системами. Отстаивая политику мирного сосуществования, Советское правительство ставило задачу обеспечить независимое, самостоятельное развитие молодых национальных государств, обезопасить их от угрозы империалистической агрессии, от попыток колониальных держав вернуть утерянные позиции, затормозить национально-освободительное движение.

Особое звучание приобрело на XV сессии предложение Советского Союза о реорганизации Организации Объединенных Наций, о приведении ее структуры в соответствие с изменившимися условиями. Отрицательные стороны ООН, выражавшиеся в том, что империалистическим державам удавалось навязывать свою волю при решении тех или иных вопросов, могли вырасти, как пока-

зал пример Республики Конго, в прямую угрозу для независимости молодых национальных государств. Советское правительство призвало сессию покончить с таким положением, внести в ООН необходимые изменения, чтобы эта международная организация служила не одной группе государств, а в равной мере всем существующим в мире группам: западным державам, социалистическим странам и нейтралистским странам. Все предложения Советского Союза были проникнуты заботой об интересах мира, ставили задачу создать наиболее благоприятные условия для укрепления независимости и самостоятельности молодых национальных государств.

Советские предложения были понятны, просты и доходчивы. Это была цельная, продуманная программа мира, отвечающая чаяниям и надеждам всех народов. Советская программа учитывала взаимосвязь основных проблем, стоящих перед человечеством, и предлагала пути их решения. Она не была подчинена каким-то узким, эгоистическим интересам, ее отличали широта подхода, благородство целей и средств их достижения. В ней не было деления государств на полноценные и неполноценные, на привилегированные и второстепенные. Приветствуя страны, сбросившие бремя колониализма, глава советской делегации подчеркнул, что они представляют собой огромную и активную силу мира, которая будет вносить свой выдающийся вклад в решение важных и сложных дел, стоящих перед ООН.

Позиция Советского Союза по вопросу о ликвидации колониализма была изложена в проекте Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Отличительной чертой этого яркого по форме и глубокого по содержанию документа было то, что в нем наряду с обоснованием необходимости немедленной ликвидации колониализма содержалась критика основных теорий и утверждений колонизаторов. Этот продуманный шаг, который заранее обезоруживал защитников колониализма, придал широкой дискуссии, развернувшейся на сессии, наступательный, обличительный характер.

В период, когда к новой жизни поднимались десятки новых государств, когда народы колоний, веками жившие в подчинении, брали власть и учились управлять, было очень важно вдохнуть в них уверенность в свои силы. Надо было разбить миф о неспособности колониальных на-

родов управлять, созидать, творить. Надо было разоблачить утверждения колонизаторов, будто освобождение находившихся под игом колониализма наций повлечет за собой увеличение конфликтов и столкновений между странами. Задача состояла в том, чтобы показать обратное: национальное освобождение привело к расширению зон мира, тогда как колониальное угнетение и колониальная политика ведут к войнам; показать, что политическое освобождение колониальных народов, создание новых независимых государств ведут не к упадку хозяйства, торговли, ремесла или земледелия, а к действительному подъему экономики и культуры. Духу вражды и отчужденности между народами, проповедуемому защитниками колониальной системы, требовалось противопоставить дух дружбы и равноправного сотрудничества.

Проект Декларации, внесенный Советским правительством на рассмотрение сессии, полностью отвечал этим задачам. Он был детально обоснован в выступлении главы советской делегации. Эти два документа составили основу обсуждения поставленного Советским правительством вопроса о ликвидации колониальной системы. В них политическая острота сочеталась с научным анализом, страстность — с убедительностью, ясность — с полнотой изложения. Буржуазная дипломатия не смогла противопоставить что-либо советской инициативе, она была деморализована внезапно, широтой и наступательным духом советского предложения.

Как протекало на сессии обсуждение советского предложения? Его можно разбить на три этапа: первый — обсуждение вопроса в ходе общей дискуссии на Генеральной Ассамблее; второй — решение вопроса о том, где обсуждать советское предложение — на Генеральной Ассамблее или в одном из ее комитетов; третий, завершающий, — выработка проекта Декларации и ее принятие.

На всех этапах советская дипломатия умело использовала дискуссию для разоблачения буржуазной дипломатии, убеждая большинство Ассамблей в необходимости принять советское предложение. В результате такой тактики обсуждение вопроса о ликвидации колониализма превратилось в своеобразный судебный процесс, на котором в роли обвиняемых оказались колониальные дер-

жавы. Советский же проект Декларации играл роль обвинительного документа на этом небывалом в истории дипломатии политическом процессе. И это не преувеличение. Принятая XV сессией Декларация представляет собой единственный в своем роде международный документ, создающий правовую и политическую основу для разоблачения колониальной политики империалистических держав. Положение, в котором оказались колониальные державы, хорошо видно из слов премьер-министра Англии Дугласа-Хьюма. Выступая на XVIII сессии Генеральной Ассамблеи, то есть спустя три года после принятия Декларации, Хьюм, бывший тогда министром иностранных дел, с горечью признавал: «В комитете 24-х и в Совете Безопасности есть тенденция сажать нас на скамью подсудимых при рассмотрении проблемы колониализма».

Но такие речи раздавались позже, во время же XV сессии тон выступлений и поведение представителей империалистических держав были иными.

На первом этапе обсуждения советского предложения о ликвидации колониализма — во время общей дискуссии — представители западных держав попытались отмахнуться от него приемами «холодной войны», опрокинуть советское предложение. Они старались очернить советское предложение, называя его «разрушительным», «пропагандистским», не отвечающим «интересам конструктивного сотрудничества». В целях создания на сессии атмосферы «холодной войны» они прибегли к клевете на Советский Союз, на политику нашей партии по национальному вопросу. Словом, это была попытка перенести бой из области, где он был явно невыгоден империалистическим державам, в область «холодной войны». Но этот отвлекающий маневр не принес успеха. Своевременность постановки Советским правительством вопроса о немедленной и полной ликвидации колониализма была подтверждена во время общей дискуссии многими выступавшими делегациями.

Советское предложение поддержали президент Ганы Нкрума, премьер-министр Индии Неру, президент Объединенной Арабской Республики Насер, президент Индонезии Сукарно, премьер-министр Кубы Кастро, президент Гвинеи Секу Туре и ряд других делегатов. На сессии складывалась обстановка, которая хорошо отражена в

словах главы делегации Камеруна, министра иностранных дел Ш. Окала, произнесенных им на обеде у Председателя Совета Министров СССР в Нью-Йорке 12 октября 1960 г. «Вы за Африку, следовательно, на вашей стороне будет успех — миллионы людей будут за вас. Тот же, кто играет на силе, в конце концов проигрывает», — заявил министр иностранных дел Камеруна Ш. Окала.

И действительно, западные державы, прибегнув к приемам «холодной войны», проиграли. Страны Азии, Африки, подавляющее большинство Ассамблей не поддержали их. Отвечая английскому делегату Ормсби-Гору, утверждавшему, что советский проект Декларации является попыткой раздуть «холодную войну», делегат Цейлона, убежденно отстаивая проект, говорил: «Советский проект — это документ, на котором мы основываем нашу дискуссию».

Хотя представители стран НАТО пытались и дальше время от времени свести дискуссию по вопросу о ликвидации колониализма к полемике в духе «холодной войны», провал, который они потерпели во время общей дискуссии, был полным. Им уже не удалось уйти от обсуждения вопроса по существу.

Но арсенал западных делегаций еще был далеко не исчерпан. Когда они увидели, что советское предложение получило поддержку подавляющего большинства делегаций и дискуссия идет в духе советского проекта, они, прибегнув к старому, испытанному приему, решили упрятать советское предложение в одном из комитетов Генеральной Ассамблеи. И надо сказать, что приступили они к этому довольно ловко. Дело в том, что при наличии большого количества вопросов на повестке дня в ООН сложилась такая практика, что Генеральная Ассамблея не рассматривает большинства вопросов, а отсылает их в комитеты, которые являются второстепенными органами. Комитеты (их насчитывается семь) проводят обсуждение, вырабатывают проекты решений, сами же решения принимаются Генеральной Ассамблеей, которая, однако, в этих случаях, как правило, уже не проводит обсуждения по существу.

В практике ООН лишь немногие вопросы, имеющие важный и срочный характер, выносятся на обсуждение пленарного заседания Генеральной Ассамблеи. Но это довольно редкий случай. Даже многие вопросы разоруже-

ния — главной проблемы, которой занимается ООН, обсуждаются не на пленарном заседании, а в комитете. Этим и решила воспользоваться западная дипломатия. По предложению Англии, Генеральный комитет сессии, занимающийся распределением пунктов повестки дня, вынес решение обсудить советское предложение о ликвидации колониализма в Первом комитете. Это решение колониальным державам удалось проташить сравнительно легко, поскольку среди 21 члена Генерального комитета было 13 стран НАТО и их союзников.

Перед советской делегацией встала задача воспрепятствовать этому решению, добиться обсуждения предложения не в комитете, а на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи, ибо только в этом случае достигалась цель разоблачения политики империалистических держав, приемов и методов буржуазной дипломатии перед глазами всего мира. Важно было не только само решение, но и пути его достижения.

Советская делегация исходила из ленинского указания, что дипломатия социалистического государства должна опираться на поддержку масс не только своей страны, но и трудящихся всего мира, а такую поддержку можно было обеспечить в случае, если дискуссия, полемика, борьба будут вестись открыто, на глазах всего мира, а не во второстепенном органе ООН, если народы смогут судить о позициях стран не по фальсифицированным, отрывочным сообщениям буржуазной прессы, а знакомясь с речами, выступлениями руководящих деятелей государств, собравшихся на XV сессии.

Советская делегация выступила на пленарном заседании Ассамблеи с требованием пересмотреть решение Генерального комитета. Обсуждение вопроса о включении проекта Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам в повестку дня пленарного заседания Генеральной Ассамблеи вышло далеко за рамки процедурной дискуссии.

В своем выступлении 12 октября 1960 г. о необходимости рассмотрения этого вопроса на пленарном заседании глава советской делегации подчеркнул исключительную важность проблемы освобождения человечества от колониальных порядков, призвал ООН ускорить ликвидацию колониализма. Он особо остановился на том, что обсуждение этого вопроса на пленарных заседаниях с участием

глав правительств и министров иностранных дел придаст дискуссии наиболее авторитетный характер и обеспечит самые благоприятные условия для успешного решения вопроса в рамках Организации Объединенных Наций.

Глава советской делегации подчеркнул, что Генеральная Ассамблея должна со всей ответственностью отдать себе отчет в том, что колониализм, если не принять самых срочных мер, способен причинить еще много страданий, загубить еще немало миллионов жизней, вызвать вооруженные конфликты и войны.

В связи с постановкой Советским Союзом вопроса о ликвидации колониализма буржуазная пропаганда вновь широко заговорила о свободе, равенстве, братстве. В печати появилось много статей, пытающихся доказать, что колониальная система является «прогрессивной», что западные державы используют эту систему для «оказания помощи отсталым народам», для «приобщения этих народов к высшей цивилизации» и т. д.

Надо было разоблачить эту пропаганду, решительно сорвать маску с колонизаторов и обнажить истинное лицо тех, кто принес в порабощенные страны болезни, нищету, голод и смерть. Нельзя было позволять колонизаторам и дальше прикрываться лживыми фразами об «оказании помощи» и о «приобщении к цивилизации», о том, что, мол, колониальные народы еще не созрели для самоуправления.

Веками колонизаторы выжимали пот и кровь у нещадно эксплуатируемых, угнетенных народов, давили все живое в колониях. Теперь, когда им стало уже невозможно продолжать политику грабежа, насилий и убийств, они начали изображать себя благодетелями. Они старались предстать «великодушными христианами» и даже лицемерно осуждали угнетение и колониализм.

Советская делегация в своих выступлениях показала, что это ложь грабителей, которые знают, что они являются грабителями, но хотят обмануть представителей молодых национальных государств, присутствующих на сессии. Буржуазные дипломаты хотели сгладить злодеяния колонизаторов в памяти тех народов, которые они душили веками. Поэтому они ухаживали за африканцами, устраивали приемы, говорили приятные речи...

Все это делалось для того, чтобы перетянуть их на сторону Запада, чтобы представители колониальных в

недавнем прошлом стран стали сегодня опорой самих колонизаторов, помогли им бороться за сохранение колониальной системы...

«Помните, что судьба ваших братьев с Африканского континента во многом зависит от вас. Колонизаторы хотят именно вашими руками сделать грязное дело — сорвать принятие Декларации...»¹. С таким призывом обратилась советская делегация к представителям афро-азиатских стран. Обстановка на сессии складывалась явно не в пользу западных держав, но они не хотели примириться с поражением.

Представитель Великобритании лорд Хьюм, отстаивая решение Генерального комитета, сосредоточил свое внимание на том, чтобы приукрасить, замаскировать колониальную политику Англии. Вознося руки к небу, призывая в свидетели всевышнего, «благословившего» колонизаторов на их «цивилизаторскую» миссию в колониальных странах, английский представитель пытался доказать, будто Англия только и заботится о том, чтобы содействовать прогрессу в колониях и их освобождению. Но факты говорили о другом, поэтому ни всевышний, ни клятвы в преданности «делу освобождения народов» не помогли. Представитель Англии не получил поддержки. Выступавшие за ним делегаты Новой Зеландии и Филиппин попытались оправдать решение Генерального комитета, но встретили весьма неодобрительное отношение со стороны Ассамблеи.

В лагере колонизаторов возникла растерянность. Особенно ярко она проявилась у делегации США. Пока на сессии шла словесная баталия и не было ясно, в чью сторону клонится чаша весов, делегация США хранила упорное молчание. Казалось, что ее нет в зале. США предпочитали предоставить Англии «честь» защищать неблагоприятное дело. Однако отмолчаться так и не удалось. Делегация Советского Союза, поддержанная делегациями других социалистических стран, а также Индии, Индонезии, Ганы, Гвинеи, Цейлона, Либерии и других афро-азиатских стран, опрокидывала установившийся в ООН порядок, согласно которому было не принято отменять решения Генерального комитета.

¹ «СССР и страны Африки. 1946—1962 гг.», т. II, Госполитиздат, 1963, стр. 41—42.

Делегату США пришлось взять слово. Желая изменить царившее на сессии настроение, он начал с высоких нот, допустил клеветнические выпады против социалистических стран. Но он просчитался. Делегат Румынской Народной Республики прервал выступление американца и потребовал от председателя Ассамблеи ирландца Боланда, чтобы он не допускал использования трибуны ООН для оскорбления государств — членов ООН. Положение, в котором оказался Боланд, было чрезвычайно трудным. С одной стороны, требование делегата Румынии было законным, обоснованным, но с другой — одернуть представителя США Боланд не решался. И все же представитель США не смог продолжить выступление, ибо зая Генеральной Ассамблеи из чинного, тихого собрания дипломатов превратился в поле сражения. Поломав председательский молоток, единственное средство, которым располагает председатель Ассамблеи ООН для поддержания порядка, Боланд закрыл заседание.

Представитель США удалился. На другой день делегация США повернула тактику на 180°. Убедившись, что выступать с прямой, открытой поддержкой колониализма нельзя, ибо результат был бы один — полное саморазоблачение, американцы решили сыграть в благородство, поддержать советское предложение — провести обсуждение вопроса о ликвидации колониализма на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи.

Следует сказать, что советская дипломатия предвидела, что Соединенные Штаты Америки могут голосовать по этому вопросу с Союзом Советских Социалистических Республик. В конце концов этот прогноз оправдался, с той лишь разницей, что делегация США предпочла предварительно разоблачить себя как сторонницу колониализма, потеряв тот тактический выигрыш, который она могла бы иметь.

Представителю Англии также не оставалось ничего иного, как сделать вид, что он идет навстречу тем, кто добивается обсуждения вопроса о ликвидации колониализма на пленарном заседании. Решение Генерального комитета было отменено, и Генеральная Ассамблея постановила обсудить этот вопрос на пленарном заседании.

Таким образом, второй этап обсуждения советского предложения о ликвидации колониализма на XV сессии

Генеральной Ассамблеи ООН закончился большой победой сил, которые выступали за быстрейшую ликвидацию колониальной системы. Колонизаторы отступили, потерпев большое моральное поражение. Буржуазной дипломатии был нанесен весьма чувствительный удар. Историческая правда продолжала теснить ложь колонизаторов. Но голосование империалистических держав за обсуждение вопроса на пленарном заседании нельзя было принимать за чистую монету.

Советский Союз предостерегал афро-азиатские страны, что по существу вопроса единства с колонизаторами не было и не может быть, что империалисты на словах, возможно, выступят под давлением огромного большинства за признание необходимости освобождения колониальных народов. Но скорее всего они будут предлагать такой план, в результате которого предоставление национальной свободы и независимости народам колониальных стран растянется на многие годы. Можно было предвидеть, что они будут и впредь прикрываться тем, что в колониях, дескать, нет подготовленных кадров, что народы колоний еще не готовы к самоуправлению, не могут самостоятельно существовать.

Задача дальнейшего разоблачения подобных теорий колонизаторов в ходе обсуждения текста Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам находилась в центре внимания советской делегации в течение всего завершающего этапа работы сессии по этому вопросу.

Обсуждение проекта Декларации происходило на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН с 28 ноября по 14 декабря 1960 г. Первым на сессии выступил представитель СССР. Обосновав позицию Советского Союза по этому вопросу, он выразил уверенность, что народы всех континентов, все делегации, заинтересованные в скорейшем и радикальном решении исторической задачи ликвидации колониальной системы, поддержат предложение Советского Союза. На этой стадии обсуждения важно было добиться активного участия афро-азиатских стран в дискуссии, с тем чтобы полностью изолировать колониальные державы и не дать им возможность свести дело к принятию формальной резолюции, избежать политического осуждения колониализма.

Задача состояла в том, чтобы укрепить единый фронт

социалистических и нейтралистских государств против колонизаторов. Эта задача была выполнена. На сессии выступили многие представители Азии и Африки. Их выступления носили боевой характер, они резко и убедительно критиковали колониальные порядки и на многочисленных примерах показали, что колониальный режим не только является тормозом политического, экономического и социального развития народов колоний, но он давит, принижает миллионы людей, лишает их человеческого достоинства, а зачастую и жизни.

Говоря о необходимости скорейшей ликвидации колониализма, делегат Саудовской Аравии Шукейри указал, что «никогда ранее колониализм в целом не получал такой полной оценки и не подвергался такому всестороннему обсуждению... Конечно, находятся защитники колониализма, но это похоже на то, как если бы обвиняемый назначил себя своим собственным судьей и объявил свою собственную невиновность».

Ложь о «цивилизаторской миссии» колонизаторов подверглась уничтожающему разоблачению в выступлении делегата ОАР Аша. «Они говорят о свободе, — сказал он, — для того, чтобы заполнить патриотами тюрьмы; они говорят о своей преданности принципам братства для того, чтобы создать новые концентрационные лагеря для невинных людей. Они говорят о демократии и свободе слова для того, чтобы отдать приказы о массовых расстрелах».

Лицемерие колонизаторов и их защитников раскрыл в своем выступлении и делегат Мали Ав. Говоря о маневрах западной пропаганды, Ав заявил: «Сколько таких людей говорили нам, что, расстреливая мирное и беззащитное население, они содействуют благосостоянию, что, пытая патриотов, они распространяют образование, что, заставляя мужчин, женщин и детей выполнять принудительные работы, они повышают жизненный уровень».

Эти слова не были бы новыми в устах представителей социалистических стран, но в устах афро-азиатских представителей они приобрели особую выразительность. Такие выступления имели большое значение, поскольку задавали тон на сессии.

Подавляющее большинство стран выступило на сессии за ликвидацию колониализма, но не все они выступали с одинаковой решительностью и последовательностью.

Делегации стран Азии, Африки и Латинской Америки, выступавшие с позиций антиколониализма, можно условно разделить на три группы.

К первой группе, выступавшей за немедленную и полную ликвидацию колониализма, можно отнести большинство делегаций стран Африки, Азии, а из стран Латинской Америки — Кубу.

Во вторую группу делегаций, не решавшихся на острую постановку вопроса и стремившихся к компромиссу с колониальными державами, можно отнести часть латиноамериканских стран и стран Афро-Мальгашского союза.

Третью группу составляли делегации стран — союзников колониальных держав и стран, находящихся в полной зависимости от империалистов (Филиппины, Гондурас, Ирландия и др.). Представители этих стран хотя и выступали против колониализма, но основную задачу видели в защите, оправдании политики империалистических держав.

При такой расстановке сил решение вопроса во многом зависело от того, кто будет задавать тон при выработке текста Декларации: сторонники решительной борьбы или умеренное крыло. Ставку на умеренное крыло и сделали колониальные державы, когда увидели, что им не удастся избежать принятия Декларации о ликвидации колониализма. В такой обстановке разоблачение колониализма, приемов и методов буржуазной дипломатии, защищающей колониальную политику, имело большое значение для выработки текста Декларации. Поэтому разоблачение колониализма, настойчиво проводимое Советским Союзом на сессии при поддержке других социалистических и нейтралистских стран, помогало колеблющимся делегациям занять более решительную позицию. Это сказалось на завершающей стадии работы сессии.

Представленный Советским Союзом проект Декларации был, так сказать, своего рода программой-максимум. Нет никакого сомнения, что принятие советского проекта наилучшим образом отвечало бы задаче скорейшей ликвидации колониализма. Но трудно было рассчитывать, что международная организация, насчитывающая в своих рядах 98 государств, столь отличных друг от друга, сможет подняться до марксистского подхода к

проблеме колониализма. ООН приняла проект Декларации, разработанный 43 афро-азиатскими странами. Однако советский проект, хотя он и не собрал подавляющего большинства голосов, сыграл действительную роль в формировании позиций и в подготовке условий для принятия в ООН Декларации о ликвидации колониализма во всех его формах и проявлениях. Абсолютное большинство государств — членов ООН поддержало основные принципиальные положения, выдвинутые Советским Союзом, и блок колониальных держав во главе с США оказался в изоляции. 14 декабря 1960 г. состоялось голосование по проекту Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Результаты голосования широко известны — 89 стран поддержали Декларацию, 9 стран воздержались. Таков итог острой политической борьбы, которая развернулась вокруг внесенного Советским Союзом предложения о немедленной и окончательной ликвидации колониальной системы.

Принятие Декларации — это большая победа внешней политики Советского Союза и других социалистических государств, а также независимых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Это победа всех миролюбивых и свобододолюбивых сил на Западе.

Впервые за всю историю ООН и, пожалуй, впервые за всю историю буржуазной дипломатии союзники империалистических держав и зависимые от них страны оказались в столь затруднительном положении. Союзнический долг и полная зависимость требовали от них поддержать позицию ведущих западных держав: США, Англии, Франции. Страх же перед всеобщим осуждением, боязнь оказаться в одном лагере с колонизаторами подталкивали необходимость поддержать Декларацию. У этих стран не оставалось другого выхода, как голосовать вместе со сторонниками ликвидации колониализма.

На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН великая правда истории столкнулась с мелкой ложью колонизаторов, победа, одержанная силами правды над силами лжи, была столь сокрушительной, что ее последствия ощущаются и ныне повсюду, где народы борются за свою независимость и суверенитет.

Когда Советское правительство предложило включить в повестку дня XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о принятии государствами — членами ООН

Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, то США, Англия, другие колониальные державы и их союзники не сразу увидели опасность, которая таилась для их дипломатии в этом предложении. Организация Объединенных Наций обсуждала и прежде вопрос о колониальных территориях, однако ее решения не носили радикального характера. Западные дипломаты в известной степени уже приспособились к той критике, которая раздавалась в стенах Организации Объединенных Наций с трибуны Генеральной Ассамблеи и ее комитетов в адрес колониальных держав. Хотя советские представители и представители других социалистических стран в ООН при поддержке ряда государств Азии и Арабского Востока последовательно проводили линию на разоблачение империалистической политики колониальных держав, отстаивая право угнетенных народов на свободу и независимость, Организация Объединенных Наций в целом не занимала того места в развертывающемся национально-освободительном движении, которого требовала обстановка и предписывали цели и задачи ООН, сформулированные в Уставе. Окопавшись в Секретариате, имея большинство в Генеральной Ассамблее ООН, империалистические державы даже пытались использовать Организацию Объединенных Наций для прикрытия колониальной политики, сохранения колониальной системы. Происходило как бы известное отставание ООН от тех возможностей, которые таились в окружающем мире, переживавшем стремительные изменения под влиянием все возрастающих сил социализма.

Инициативу Советского Союза с постановкой вопроса в ООН о ликвидации колониализма можно смело отнести к лучшим образцам дипломатического искусства. Ее отличает правильный выбор момента, места и образа действия, позволившего использовать все возможности для осуществления поставленной цели. Колониализму был нанесен политический удар, крупное поражение потерпела и буржуазная дипломатия.

ИНДИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИКА НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ

Индия выступила на международной арене как независимое государство в 1947 году. К этому времени западные державы открыто отказались от сотрудничества с СССР, сложившегося в годы второй мировой войны, и начали «холодную войну» против социалистических стран. В Азии и Африке империализм прилагал бешеные усилия, чтобы подавить освободительное движение, развязав с этой целью кровавые войны в Индонезии, Вьетнаме и Малайе. Лидеры империалистических правительств считали, что Индия, освободившись от колониального управления, немедленно присоединится к западным державам, в первую очередь к США. Свои надежды империалисты связывали с передачей власти в руки национальной индийской буржуазии, которая, по их расчетам, в силу ее классовых и идейных тенденций, военной и экономической слабости, страха перед демократическими стремлениями народных масс и т. д. должна была искать союза с Западом в области международных отношений.

Но буржуазное индийское правительство отказалось следовать проимпериалистическому курсу. Оно повело самостоятельную внешнюю политику — политику нейтралитета и неприсоединения к блокам. В первую очередь такая политика определялась глубокими противоречиями между интересами национальной буржуазии, которая стремилась к самостоятельному экономическому развитию страны, и интересами империалистических держав, добивавшихся сохранения в Индии полуколони-

альной экономики. Огромное значение имела также борьба народных масс, выступавших за мир и независимость страны. Даже комиссия иностранных дел американского сената вынуждена была признать маловероятность того, что «какая-либо политика, представляющая собой отступление от политики неприсоединения, могла бы обеспечить себе такую поддержку внутри страны». Проведению Индией самостоятельной политики помогла благоприятная современная обстановка, когда, как указывается в программе КПСС, «империализм перестал играть доминирующую роль в международных отношениях и все большую роль играет социалистическая система».

Основными чертами индийской политики неприсоединения являются содействие сохранению мира, признание мирного сосуществования государств различных социальных и политических систем, сопротивление колониализму и укрепление национальной независимости. В силу двойственного характера индийской буржуазии эти прогрессивные принципы осуществляются непоследовательно. Колебания и отступления от них составляют неотъемлемую черту, но не определяют внешнюю политику. Индия выступает на международной арене как миролюбивая страна, осуждая империалистическую агрессию и гонку вооружений и призывая к деловому сотрудничеству между всеми странами.

Достижению этих целей в значительной мере подчинена деятельность индийской дипломатии. В колониальный период Индия, естественно, не имела ни самостоятельной внешней политики, ни аппарата дипломатической службы. Те внешнеполитические вопросы, которые приходилось решать колониальной администрации (пограничные вопросы, отношения с соседними странами, положение выходцев из Индии в других английских колониях и иностранных государствах и т. д.), находились в ведении департаментов иностранных дел и стран Британского содружества при английском генерал-губернаторе. Надеясь заставить независимую Индию следовать проимпериалистической политике, Англия возлагала немалые надежды на отсутствие опытных кадров и на проанглийские настроения тех немногих индийских чиновников, которых колониальные власти привлекали к дипломатической деятельности. Когда индийское прави-

тельство приступило к формированию министерства иностранных дел и заграничных представительств, оно действительно столкнулось с огромными трудностями: при необходимости заполнить не менее 300 дипломатических постов Индия располагала всего 50 лицами, имевшими какой-либо опыт в этой области.

Укомплектование аппарата министерства иностранных дел бывшими чиновниками колониальной администрации, которым были чужды традиции освободительной борьбы и которые верой и правдой служили английским властям, не содействовало укреплению прогрессивных тенденций во внешней политике и дипломатии, что, по-видимому, являлось одной из причин прозападной ориентации Индии во многих вопросах в первые годы после завоевания независимости. В последующем аппарат министерства иностранных дел пополнился новыми кадрами. Однако индийское буржуазное правительство не открыло доступа в это ведомство представителям трудящихся. Система отборочных экзаменов, к которым допускаются лица с университетским образованием, что в условиях Индии доступно лишь выходцам из обеспеченных семей, надежно гарантирует пополнение посольств и отделов министерства иностранных дел представителями помещичьих и буржуазных кругов. Не случайно представители индийской реакции требуют такой организации работы министерства иностранных дел, чтобы чиновники аппарата могли «сдерживать необузданный энтузиазм» и «оказывать отрезвляющее влияние» на его руководителей, включая министра.

При всем своем значении аппарат министерства иностранных дел играет, естественно, лишь второстепенную роль в определении внешней политики и методов дипломатии. Решающее слово в этой области остается за руководством правящей партии Индийский Национальный конгресс (ИНК) и правительством, а до 1964 года — за премьер-министром Неру, который возглавлял министерство иностранных дел с момента его учреждения до своей смерти. Председатель Совета Министров СССР и Председатель Президиума Верховного Совета СССР писали в послании президенту Индии по случаю кончины Неру, что «он являлся страстным борцом за мир во всем мире и горячим поборником претворения в жизнь принципов мирного сосуществования государств, был

вдохновителем политики неприсоединения, проводимой индийским правительством. Эта разумная политика снискала Индии уважение и привела к тому, что Индия ныне занимает достойное место на международной арене»¹. Общественность Индии не раз отмечала выдающуюся роль Неру в разработке и практическом осуществлении прогрессивного внешнеполитического курса страны. В июле 1955 года Центральный Комитет Коммунистической партии Индии в своей резолюции отмечал усилия Неру как фактор, содействовавший тому, что внешняя политика Индии приняла миролюбивый антиимпериалистический характер. Видный деятель КПИ Хирен Мукерджи писал в 1960 году, что руководству Неру «страна в значительной мере обязана выгодами, которые приносит внешняя политика».

Противники политики неприсоединения как в самой Индии, так и в западных странах также признают огромное влияние Неру на ее формирование. Они нередко даже утверждают, как писал американский посол в Индии Честер Боулс, что Неру «являлся единственным человеком, который определил индийскую политику», и что внешняя политика Индии, будучи «обусловлена комплексом личных взглядов Неру», руководствовавшего вместо разума эмоциями, служила «удовлетворению своего создателя, а не интересам Индии». Выпады подобного рода представляют попытку опровергнуть объективный характер миролюбивого курса Индии, определяющегося потребностями независимого развития страны, за которое выступают не только народные массы, но и стоящая у власти национальная буржуазия.

Если Неру в течение многих лет имел такое влияние в решении внешнеполитических вопросов, то вовсе не потому, как утверждает индийская реакция, что он навязывал свою линию, а потому, что эта линия пользовалась широкой поддержкой, поскольку, по выражению одной из индийских газет, соответствовала «состоянию индийского ума в борьбе за свободу и современным условиям».

При всем влиянии Неру, конечно, не один решал внешнеполитические вопросы. В руководстве Индийского конгресса и правительства Индии имелись и имеются

¹ «Правда», 28 мая 1964 г.

деятели, которые, выражая требования правых монополистических кругов, настаивали на отказе от прогрессивных сторон политики нейтралитета. Влияние этих деятелей вкупе с нажимом реакционной оппозиции и западных держав не раз приводило к серьезным уступкам империалистам. В то же время в формировании и отстаивании политики неприсоединения важную роль сыграли и продолжают играть многие прогрессивные дипломаты и деятели Индийского Национального конгресса. После завоевания независимости выдвижение на ответственные дипломатические посты участников и руководителей борьбы Конгресса за независимость в большой мере содействовало ослаблению консервативного влияния бывших чиновников колониальной администрации в системе министерства иностранных дел. Так, например, назначение Кришна Менона верховным комиссаром Индии (послом) в Лондоне, главой индийской делегации в ООН, членом правительства и руководителем многих специальных дипломатических миссий помогло внести значительный вклад в разработку курса и методов нейтралистской политики. Злобные нападки индийской реакции и западной прессы, их нескрываемая радость по поводу отставки Кришна Менона в 1962 году убедительно свидетельствовали о прогрессивном характере его дипломатической деятельности.

Дипломатия Индии считает развитие широких международных связей одним из важных условий укрепления влияния и престижа Индии, а также содействия миру. К моменту провозглашения республики в 1950 году Индия поддерживала дипломатические отношения с 39, а в 1964 году — с 88 государствами. С подавляющим большинством из них (85 стран) она обменялась представителями на уровне послов, что свидетельствует о стремлении рассматривать все страны равноправными участниками международных отношений. В отличие от империалистических держав индийское правительство развивает дипломатические связи, исходя из принципов мирного сосуществования и афро-азиатской солидарности. Еще в 1946 году, до провозглашения независимости, временное правительство Индии проявило инициативу в установлении отношений с Советским Союзом. В 1949 году, ранее всех западных держав, Индия признала КНР, первой из несоциалистических стран она уста-

новила отношения с Монгольской Народной Республикой. Вопреки нажиму Западной Германии индийское правительство поддерживает торговые связи с ГДР. Признание Индией новых государств и прогрессивных правительств в странах Азии и Африки в ряде случаев серьезно препятствовало попыткам империалистов добиться дипломатической изоляции неугодных им стран.

Дипломатия любого государства, чтобы иметь успех или хотя бы добиваться практических результатов, должна строго учитывать общее соотношение сил на мировой арене и позицию заинтересованных сторон по конкретным международным вопросам. Учиывать эти условия на практике вынуждены и империалистические державы. Однако их деятелям свойственно игнорировать реальное положение дел. Переоценивая возможности империализма, они пытаются «с позиции силы» навязывать одностороннее решение мировых проблем.

Индийская дипломатия в силу своего классового характера иногда склонна преувеличивать могущество западных держав и не оказывать решительного отпора их домогательствам. Но в основе дипломатической тактики Индии лежит, как неоднократно заявлял Неру, стремление действовать в духе строгого реализма и учитывать быстрые изменения и новые ситуации, возникающие в мире. Примером такого подхода является позиция Индии в отношении принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Ее представители не раз заявляли, что, по их мнению, этот принцип ущемляет права рядовых членов ООН. Тем не менее они неизменно отказывались поддержать требование об его отмене, указывая, что в современных условиях «единство великих держав необходимо для предотвращения угрозы миру и безопасности».

Среди индийской буржуазии отсутствуют влиятельные группы, заинтересованные в войне, что определяет совпадение ее интересов с интересами народных масс в деле сохранения мира во всем мире и придает политике неприсоединения характер активного противодействия военной угрозе. Индия считает, как говорил в 1962 году президент Радхакришнан, что с войной как средством разрешения международных споров должно быть покончено. Исходя из этого тезиса, индийская дипломатия

своей важнейшей задачей считает мирное урегулирование разногласий и конфликтов между всеми государствами.

Трезво оценивая соотношение мировых сил, могущество и стремление социалистического лагеря к миру, Индия отвергла домогательства западных держав о присоединении к их военным блокам и «холодной войне» против СССР. Такой путь, по мнению индийской дипломатии, не только не укрепил бы безопасность страны, но превратил бы Индию в сателлита великой державы и увеличил бы угрозу войны, которая принесет человечеству огромные бедствия и разобьет программу развития страны. В мае 1953 года государственный секретарь Даллес лично прибыл в Дели, чтобы убедить руководителей Индии объединиться с США в борьбе с «коммунистической опасностью». Американскому эмиссару разъяснили, что Индия осуждает поджигательскую политику США и не собирается оказывать ей содействие. Тогда Соединенные Штаты начали переговоры с Пакистаном о военной помощи, рассчитывая, что правительство Индии, опасаясь перевооружения соседа, с которым у нее были натянутые отношения, охотно бросится в объятия США. В феврале 1954 года президент Эйзенхауэр направил личное послание Неру, в котором заявил о готовности с сочувствием рассмотреть просьбу Индии о военной помощи. Такой просьбы не последовало, причем индийское правительство публично заявило, что Индия «не позволит господствовать над собой никакой стране и ни для каких целей». В течение нескольких последовавших лет США при поддержке империалистов других стран продолжали с помощью методов грубого нажима добиваться включения Индии в военные блоки: ей урезывали экономическую помощь, окружили системой военных блоков, поносили ее политику, вплоть до личного заявления Даллеса 9 июня 1956 г., что нейтрализм представляет «недальновидную и безнравственную концепцию». На эти атаки «с позиции силы» индийская дипломатия ответила укреплением солидарности стран Азии и сближением с социалистическими странами, в частности с СССР, которое было отмечено в 1955 году визитом Неру в Москву, а также заключением ряда соглашений об экономическом сотрудничестве, в том числе о строительстве Ближайшего металлургического комбината.

Скрепя сердце империалистам пришлось пересмотреть методы своей политики в отношении Индии. «Новая тактика», к которой они перешли в конце 50-х годов, характеризуется, во-первых, отказом требовать изменения нейтралистской политики в качестве предварительного условия сотрудничества и, во-вторых, предоставлением финансовой помощи на условиях, более приемлемых для индийской буржуазии, чем раньше. Подлинной целью «новой тактики» по-прежнему является добиться отказа Индии от политики неприсоединения, что со всей очевидностью показали маневры Англии и США в связи с вооруженным конфликтом на индийско-китайской границе в 1962 году. Поскольку «новая тактика» лучше замаскирована и связана с предоставлением значительных кредитов, она более приемлема для индийской буржуазии и представляет большую опасность, чем тактика прямого нажима. Эта опасность усугубляется усилением в Индии за последние годы реакционных сил, выступающих против нейтралистской политики, и сдвигом вправо в тех кругах индийской буржуазии, которые возлагают большие надежды на экономическую помощь западных держав. Несмотря на усилившиеся колебания по частным вопросам, Индия продолжает успешно отстаивать политику неприсоединения, считая, как подчеркивал Неру 2 сентября 1963 г., что «проведение любой другой политики означало бы катастрофу для Индии».

Индия отвергает военно-политический союз с западными державами и их попытки навязывать одностороннее решение международных проблем «с позиции силы». Империалистической тактике обострения международной напряженности индийская дипломатия противопоставляет тактику «невраждебного подхода», считая ее важнейшим средством улучшения мировой обстановки. С этой целью она стремится, как указывают индийские дипломаты, «сдерживать чувства», «говорить умеренным языком» и критиковать иностранные государства, «не прибегая к методам «холодной войны» и обвинениям». Представители Индии, как правило, не одобряли и не поддерживали клеветнические выпады против СССР и других социалистических стран. За исключением резолюции Совета Безопасности по корейскому вопросу, в ООН они отказывались голосовать за проекты западных держав, направленные на обострение международ-

ной обстановки. В частности, индийское правительство, несмотря на нажим правой оппозиции империалистов, не поддержало попытки использовать обсуждение венгерского вопроса в ООН в целях «холодной войны». Но в некоторых случаях индийская дипломатия ссылается на необходимость «невраждебного подхода» в оправдание отказа от осуждения агрессивной политики империалистов или содействия решительным мерам по ее пресечению. Например, несмотря на очевидную ответственность США за фактическое возобновление гражданской войны в Лаосе в 1959 году, индийская делегация в ООН заявила, что не хочет упрекать какую-либо сторону, чтобы «не осложнять восстановления мира». Такого рода колебания иногда облегчают маневры западных держав. В целом, однако, «тактика невраждебного подхода» благоприятствует мирному урегулированию международных проблем или улучшению отношений, несмотря на сохранение разногласий между спорящими сторонами.

Индийская дипломатия активно участвует в разрешении конкретных международных проблем, особенно чреватых военным столкновением, добиваясь компромиссного решения. «Мы стремимся,— характеризовал Неру эту сторону дипломатической тактики,— выдвигать предложения, которые кажутся приемлемыми если не на сто процентов, то в значительной части» и «по возможности учитывают и объединяют различные точки зрения». Влияние Индии среди неприсоединившихся стран, ее дружба со значительным количеством стран и свобода от любых союзов, искреннее стремление помочь соглашению — все это открывает индийской дипломатии широкие возможности для переговоров со всеми заинтересованными сторонами и сближения их позиций. Индия неоднократно использовала эти возможности, чтобы содействовать мирному разрешению споров.

В 1953 году индийские компромиссные предложения содействовали соглашению о репатриации военнопленных в Корее, разногласия по которому долгое время не позволяли достичь перемирия. Год спустя Кришна Мехон в качестве неофициального наблюдателя на Женевском совещании министров иностранных дел помог достичь соглашения о прекращении войны в Индокитае на основе признания независимости и неучастия Лаоса,

Камбоджи и Вьетнама в военных союзах. На Лондонской конференции по суэцкому вопросу в 1956 году индийская делегация предложила признать суверенное право Египта на управление каналом. Это предложение противостояло «плану Даллеса», который предусматривал фактическую передачу канала под контроль западных держав. Советский Союз поддержал индийские предложения, что помогло провалу империалистических попыток использовать конференцию против Египта. После конференции индийская дипломатия продолжала поддерживать контакты со всеми заинтересованными странами. «Немногие знают,— заявлял Неру,— об отчаянных усилиях Индии с целью достичь разумного урегулирования между Лондоном и Каиром». О настойчивых призывах индийского правительства к переговорам писал в своих мемуарах Иден, являвшийся в те годы премьер-министром Англии. Когда, несмотря на советы миролюбивых стран, Англия, Франция и Израиль напали на Египет, индийское правительство отказалось поддержать все варианты «компромиссных решений», которые предусматривали оккупацию территории Египта войсками агрессоров или «вооруженными силами ООН». Такая позиция свидетельствовала, что Индия выступает против компромиссов «любой ценой» и признает необходимость решительного отпора агрессорам.

Индийская дипломатия пытается содействовать достижению общеприемлемых решений в Организации Объединенных Наций. Например, на XII сессии Генеральной Ассамблеи Советский Союз внес проект резолюции о мирном сосуществовании. Индия, по словам Неру, была согласна с советским проектом. Но поскольку, как подчеркивал он, по своим формулировкам проект не был приемлем для некоторых государств, Индия вместе с Югославией и Швецией «предложила другой проект, который, включая положения советской резолюции, представлял попытку избежать всего, что беспокоило какую-либо страну». СССР снял свою резолюцию в пользу «резолюции трех», которая была единодушно принята. В результате достигнутого компромисса Генеральная Ассамблея подтвердила необходимость следовать принципам мирного сосуществования, хотя далеко не в столь четкой форме, как предлагала советская делегация. Компромиссные рекомендации индийских дипломатов не раз

облегчали согласование резолюций по вопросам разоружения, колониальным проблемам и т. д.

Индийская дипломатия приветствует переговоры и соглашения между великими державами и в тех случаях, когда ее представители не участвуют в них. Отмечая ослабление напряженности в результате визита главы Советского правительства в США в 1959 году, правительство Индии подчеркивало необходимость всемерно содействовать укреплению дела мира. Неру при этом с парламентской трибуны с горечью предупреждал об игре сил, выступавших против наметившегося улучшения обстановки и создававших своими действиями обстановку военного психоза. Полную поддержку со стороны Индии встретили мероприятия Советского правительства по ликвидации кубинского кризиса в 1962 году, а также заключение в 1963 году СССР, Англией и США договора о запрещении ядерных испытаний, к которому индийское правительство не замедлило присоединиться. Оно с удовлетворением отнеслось и к предложениям главы Советского правительства от 31 декабря 1963 г. об отказе государств от применения силы для решения территориальных споров и пограничных вопросов, указывая, что такое соглашение «привело бы к известному ослаблению напряженности и представляло бы очередной шаг к созданию международного доверия».

Роль Индии как страны, способной содействовать достижению и осуществлению общеприемлемых решений, получила широкое признание. Стало своеобразной традицией привлекать ее к участию в органах, призванных наблюдать за выполнением согласованных решений. Ее представитель возглавлял нейтральную комиссию по репатриации военнопленных корейской войны. В течение десяти лет Индия председательствует в нейтральных комиссиях по перемирию в Лаосе, Камбодже и Вьетнаме. Индия неофициально содействовала началу американо-китайских переговоров. Во время ливанского кризиса 1958 года индийская дипломатия поддерживала контакты со всеми заинтересованными странами, настаивая на выводе англо-американских войск с Ближнего Востока и ликвидации напряженности в этом районе.

Выступая за разрешение международных проблем путем переговоров, компромиссов и посредничества, ин-

дийская дипломатия не отвергает применения этих средств и в спорах, непосредственно затрагивающих саму Индию. По ее инициативе дипломатическими переговорами был разрешен конфликт с Францией относительно ее колониальных владений на территории Индии. В 1954 году в условиях крупных поражений французских империалистов в Индокитае Индия настояла на возвращении ей этих исконно индийских земель. В течение многих лет дипломатия Индии пытается урегулировать вопрос о правах индийских выходцев с правительством Цейлона. Хотя решение до сего времени не найдено, обе стороны не прибегают к нажиму и недружелюбным действиям, что позволяет, несмотря на разногласия, поддерживать дружественные отношения и сотрудничать по многим вопросам. В индийско-пакистанских отношениях при сохранении общей напряженности усилия Индии содействовали разрешению путем переговоров ряда важных и сложных вопросов (демаркация границы, возобновление торговли, использование водных ресурсов пограничных рек и т. д.).

В вопросе о мирном урегулировании споров особый интерес представляет позиция индийской дипломатии в кашмирском конфликте, который был спровоцирован империалистами и в течение многих лет отравляет отношения Индии с ее ближайшим соседом. Пытаясь присоединить Кашмир, пакистанские правящие круги содействовали в октябре 1947 года вторжению в это стратегически важное княжество отрядов пограничных племен. Агрессию подстрекала Англия, чьи генералы возглавляли вооруженные силы Пакистана и были осведомлены о нападении. В ответ на вторжение кашмирский махараджа (князь) заявил о присоединении Кашмира к Индии и запросил ее помощи. Такое решение поддерживали все прогрессивные силы княжества, организовавшие сопротивление захватчикам. Правительство Индии приняло просьбу о присоединении и направило в Кашмир войска, которые отбросили вторгшиеся отряды. Пакистан же не признал присоединения Кашмира к Индии и продолжал оккупировать значительную часть его территории.

В этой обстановке индийское правительство обратилось с жалобой на агрессию Пакистана в Совет Безопасности ООН. Предпринимая такой шаг, оно искренне

стремилось прекратить вооруженный конфликт и разрешить кашмирскую проблему мирными средствами. Несомненно и то, что в те годы индийская дипломатия питала немало иллюзий относительно возможностей ООН и готовности западных держав занять объективную позицию в индо-пакистанском споре. Сказывалось также давление Маунтбеттена, который явился инициатором обращения к «добрым услугам» ООН.

Рассчитывая на посредничество западных держав, Индия пошла в ходе рассмотрения кашмирской проблемы на серьезные уступки их требованиям: приняла резолюции о плебисците под наблюдением ООН, согласилась на вывод основной части своих войск после эвакуации из Кашмира вооруженных сил Пакистана. Но поскольку индийское правительство настаивало на правомерности присоединения Кашмира, оно отказывалось допустить туда «войска ООН» и передать управление Кашмиром представителям этой организации. Полученные уступки не удовлетворяли Англию и США. Спекулируя на индийско-пакистанских разногласиях, эти державы стали настаивать на передаче кашмирского спора на «международный», то есть англо-американский, арбитраж или создании под их эгидой «независимого Кашмира». Дипломатия США пыталась даже спровоцировать кашмирских лидеров на отделение от Индии.

Жизнь убедительно показала несостоятельность надежд, которые питали индийские деятели, на содействие западных держав в урегулировании кашмирского спора. Лишь представители СССР с пониманием отнеслись к позиции Индии. Полученный урок не прошел даром: чтобы не давать новых поводов для вмешательства империалистов, индийское правительство больше не передавало на рассмотрение ООН свои споры с другими государствами. Просить об изъятии кашмирской проблемы, несмотря на настояния общественности, оно, однако, не нашло возможным, с полным основанием считая, что Пакистан и его покровители оставят этот вопрос в повестке дня независимо от позиции Индии.

Индия, отвергая вмешательство империалистов под прикрытием Организации Объединенных Наций, отнюдь не отказывалась от урегулирования спора с Пакистаном на разумной основе, включая территориальные уступки. В 1953 году во время встречи Неру с премьер-министром

Пакистана была достигнута предварительная договоренность об организации плебисцита в Кашмире без участия ООН и западных держав. Чтобы сорвать сближение, наметившееся на антиимпериалистической основе, дипломатия США стала усиленно добиваться вовлечения Пакистана в военный союз. Правящие круги этой страны не устояли перед соблазном заручиться помощью империалистов для нажима на Индию. Пакистан подписал в 1954 году военное соглашение с США, присоединился к агрессивным блокам СЕАТО и СЕНТО и начал в больших количествах получать американское вооружение.

Это резко изменило обстановку в районе Кашмира. Правительство Индии вынуждено было взять обратно свое согласие на проведение плебисцита и предложило весной 1956 года установить в Кашмире границу по существовавшей линии прекращения огня. Эта инициатива представляла смелую попытку разрешить острейшую проблему отношений с Пакистаном на основе сложившегося статус-кво. Она свидетельствовала об отсутствии у правительства Индии планов захвата оккупированной Пакистаном территории и была примером реального подхода к урегулированию территориальных проблем мирными средствами. Одновременно правительство Индии повторило предложение заключить с Пакистаном соглашение о ненападении. Рассчитывая на поддержку империалистических союзников, Пакистан не только отклонил эту мирную инициативу Индии, но стал добиваться от Совета Безопасности решения о вводе «войск ООН» в Кашмир. Лишь позиция СССР помешала Совету Безопасности принять в январе 1957 года резолюцию, которая была чревата угрозой военного столкновения. В последующие годы Индия продолжала поиски мирного решения в Кашмире, отвергая, однако, как домогательства Пакистана на контролируемую ею территорию, так и беспринципные настояния западных держав об урегулировании путем установления военного союза между Индией и Пакистаном под их покровительством.

Советский Союз и другие миролюбивые страны поддерживали и поддерживают усилия Индии по урегулированию кашмирского спора мирными средствами, путем прямых переговоров между Индией и Пакистаном без вмешательства извне.

Хотя соглашение по кашмирскому вопросу все еще не

достигнуто, проявленное индийской дипломатией стремление разрешить его мирными средствами в немалой мере содействовало сохранению перемирия, вступившего в силу 1 января 1949 года, и установлению линии прекращения огня.

Избегая обращаться к «добрым услугам» западных держав, индийская дипломатия вовсе не отвергает международное посредничество в своих спорах с иностранными государствами. Она согласилась, в частности, на содействие со стороны группы неприсоединившихся стран во главе с Цейлоном в урегулировании вопросов, связанных с прекращением конфликта на границе с КНР. Индийское правительство полностью приняло предложения этой группы, разработанные на основе консультаций с обеими сторонами.

Индийская дипломатия широко использует межгосударственные контакты на высшем уровне, полагая, как не раз отмечали ее представители, что личные беседы в откровенной и неофициальной атмосфере помогают лучше понять точку зрения друг друга и там, где невозможно достичь согласия, определить имеющиеся расхождения. В отличие от лидеров империалистических держав, которые используют личные встречи, чтобы сколачивать военные блоки, разжигать «холодную войну» и добиваться уступок с «позиции силы», руководители Индии видят в них важное средство развития международного сотрудничества на основе мирного сосуществования и смягчения напряженности. Естественно поэтому, что индийская дипломатия оказала поддержку предложению СССР об участии глав правительств в работе XV сессии Генеральной Ассамблеи. По возвращении из Нью-Йорка Неру подчеркивал, что, вопреки имевшимся сомнениям в целесообразности поездки, он поступил правильно, встретившись с руководителями многих государств мира. Дипломатия личных контактов, по признанию Апподарай, видного индийского международного деятеля, в значительном большинстве случаев приводила к соглашениям, которые соответствовали интересам Индии и содействовали урегулированию спорных мировых проблем.

В западной литературе принято обвинять индийскую дипломатию в лицемерном отношении к принципу мирного разрешения международных споров, ссылаясь, в частности, на «применение силы» в 1961 году при ос-

вобождении Гоа и других португальских владений, население которых самоотверженно боролось за воссоединение с Республикой Индией. В действительности в 1950 году индийское правительство предложило Португалии начать переговоры о признании этого законного требования. Но португальские колонизаторы отказались от переговоров, что вызвало бурные протесты и массовые выступления как в португальских владениях, так и по всей Индии, достигшие особого размаха в 1955 году. Однако индийское правительство, продолжая рассчитывать на успех переговоров, запретило участникам мирного движения за освобождение владений Португалии переходить границу, что предотвратило тогда их освобождение. Но и после этого португальские власти соглашались вести переговоры лишь по вопросу об увековечении их колониального контроля над индийскими территориями, которые были объявлены «заморскими провинциями» и усиленно укреплялись. Поскольку Португалия являлась членом НАТО, ее владения по существу превращались в военный плацдарм этого блока. Индия в течение ряда лет продолжала добиваться решения путем переговоров, хотя было совершенно очевидно, что Португалия намерена, опираясь на поддержку своих союзников, навсегда сохранить за собой Гоа. Лишь в 1961 году в ответ на вооруженные провокации колонизаторов Индия применила силу для освобождения захваченных ими территорий.

Использование силы против империалистических происксов в Гоа представляло осуществление священного права каждого народа на защиту целостности страны и освобождение от колониального гнета, многократно подтвержденного Организацией Объединенных Наций, и ни в какой мере не противоречило требованию о мирном урегулировании международных споров. Если можно говорить о непоследовательности индийской дипломатии в этом вопросе, то лишь потому, что, призывая к использованию мирных методов, она не всегда поддерживает угнетенные народы и жертвы империалистической агрессии, когда они бывают вынуждены применить силу в защиту своих справедливых прав.

Позиция и тактика индийской дипломатии в вопросе о мирном урегулировании споров полностью соответствуют объективным современным условиям и открывают

широкие возможности для сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами. В. И. Ленин неоднократно указывал на возможность и необходимость компромиссов и соглашений с империалистами на основе взаимных уступок, на недопустимость ультимативного тона в отстаивании справедливых требований, поскольку ультимативность «может оказаться губительной для всего нашего дела»². Естественно, что Советский Союз, который считает борьбу за мирное сосуществование и сохранение мира генеральной линией своей внешней политики и всегда выступает за мирное решение споров между всеми странами, содействует усилиям индийской дипломатии в достижении взаимоприемлемых компромиссов, идя в ряде случаев на уступки, чтобы облегчить соглашение на основе ее рекомендаций. СССР призывает также искать мирными средствами разумных решений в спорах, где одной из сторон выступает Республика Индия.

Все же позиция индийской дипломатии в вопросе о мирном решении споров не во всем совпадает с позицией дипломатии социалистических стран. Необходимым условием переговоров и компромиссов Советский Союз считает равенство усилий и взаимность уступок заинтересованных сторон, с тем чтобы, как это было при ликвидации кубинского кризиса, выиграл разум, выиграло дело мира и безопасности народов. СССР отвергает капитуляцию перед требованиями агрессоров и компромиссы за счет социалистических и нейтралистских государств или угнетенных народов. Дипломатия же Индии в отдельных случаях якобы во имя укрепления мира готова искать решение за счет односторонних уступок лагеря социализма и национально-освободительного движения.

Такие отступления от провозглашенных принципов объясняются нажимом внутренних реакционных сил, добивающихся отказа от политики неприсоединения, а также колебаниями национальной буржуазии, которые приходится преодолевать в борьбе за мир и международное сотрудничество. Связанные с монополиями ин-

² В. И. Ленин, Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 19.

дийские деятели призывают отказаться от принудительного подхода к международным проблемам под предлогом посредничества поддерживать, спекулируя на противоречиях между великими державами, ту сторону, которая предоставит наибольшие выгоды. Монополистские группы в ряде случаев требуют добиваться особых привилегий для их деятельности в менее развитых по сравнению с Индией странах Азии и Африки, не останавливаясь перед нажимом, и проявляют готовность во имя классовых выгод идти на уступки империалистам за счет общенациональных интересов, как, например, в вопросе об империалистической помощи. В условиях укрепления экономических позиций монополий и пограничного конфликта с КНР нажим со стороны правых сил в области внешней политики значительно усилился, что вызывает законную тревогу и сопротивление общественности и широких слоев народа.

Однако вопреки проискам империалистов и внутренней реакции Индия продолжает следовать политике неприсоединения, считая, что война должна быть исключена из жизни общества, и добиваясь разрешения международных конфликтов путем переговоров на основе мирного сосуществования.

После смерти Неру правые круги индийской буржуазии пытались добиться выдвижения на пост премьер-министра Морараджи Десая, одного из консервативных деятелей Конгресса, сторонника сближения с западными державами, ценой отхода от нейтралистских принципов. Руководство Конгресса отвергло эти маневры, рекомендовав главой правительства Лала Бахадура Шастри. Новый премьер-министр активно участвовал в освободительной борьбе индийского народа, а после завоевания независимости занимал ряд руководящих постов в Конгрессе и правительстве. В своих первых программных заявлениях он подчеркнул, что Индия будет неуклонно придерживаться политики неприсоединения и дружбы со всеми странами. Все прогрессивные силы страны приветствуют решимость следовать такому курсу, видя в нем лучшую гарантию успешного национального развития и сохранения нынешней роли Индии как великого миролюбивого государства.

Советский Союз всегда поддерживал и поддерживает нейтралистскую политику Индии. Политика Советского

государства по отношению к Республике Индии есть политика дружбы. У советско-индийской дружбы есть не только богатое прошлое, но и надежное настоящее и славное будущее. Крепнущая дружба между народами Советского Союза и Индии отвечает жизненным интересам обеих стран, интересам мира во всем мире.

Ю. В. БОРИСОВ

**ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА 1938 года**

Можно ли было в 1938 году в случае возникновения войны разгромить фашистскую армию? Располагали ли для этого Чехословакия и ее союзники необходимыми военными средствами? Какую позицию занимали Франция и СССР в вопросе о вооруженной помощи Чехословацкой республике? Без ответа на все эти вопросы невозможно понять истинные причины чехословацкой трагедии.

В буржуазной историографии широко распространена версия, согласно которой Франция «в год Мюнхена» была якобы беспомощной в военном отношении. Французский министр иностранных дел Бонне утверждал, «что французская армия была бессильной и не смогла бы, возможно, оказать сопротивление, которого мы желали». Он подчеркивал, что «ни Франция, ни ее союзники не были в состоянии вести войну». При этом Бонне ссылаясь на мнение ответственных военных руководителей.

Такой же точки зрения придерживался Фланден¹. Он утверждал, что даже англо-французских объединенных сил было уже недостаточно для победы над вермахтом. Казалось бы, что из такой предпосылки вытекал вывод о необходимости для западных держав помощи со стороны надежных союзников. Но Фланден пришел к прямо противоположному заключению. Он писал, что

¹ Пьер Фланден в период между двумя мировыми войнами неоднократно возглавлял правительство и различные министерства Франции.

самая элементарная осторожность рекомендовала Франции пересмотр ее обязательств в Европе.

Обратимся к тем самым военным авторитетам, на которые пытались опереться Бонне и Фланден, и прежде всего к начальнику генерального штаба Франции Гамелену.

В конце марта 1938 года Черчилль вел в Париже зондирующие беседы с французскими деятелями — Блюмом, Фланденом, Рейно, Котом, Эррио, Луи Марэном и Гамеленом. Начальник генштаба, замечает Черчилль, «был справедливо уверен в силе французской армии в данный момент».

Допустим, что к этой оценке следует отнести сдержанно, так как Гамелен беседовал с иностранным представителем и, естественно, не был заинтересован в чрезмерной откровенности. Но вот что рассказал парламентской комиссии по расследованию причин поражения Франции («комиссия Серра»), созданной парламентом в 1946 году, о своих переговорах в Париже в мае 1938 года французский посланник в Праге Лакруа. Он спросил у генерала Гамелена, было ли возможным в случае германской агрессии против Чехословакии военное вмешательство, и получил утвердительный ответ. Более того, Гамелен заявил, что в случае угрозы агрессии против Чехословакии он считал возможным разгром германской армии.

Прошло всего несколько месяцев, и 26 сентября 1938 г. в Лондоне состоялась встреча Гамелена с Чемберленом, на которой присутствовали премьер-министр Франции Даладье, французский посол в Лондоне Корбэн и др. Сообщение Гамелена было самым обнадеживающим. Он заявил, что Франция могла выставить 5 млн. человек. Ее система укреплений гарантировала полную свободу боевых операций. Генерал признал слабость французской авиации, однако отметил, что она была в состоянии в небольшом радиусе действия обслуживать сухопутную армию.

Франция, несомненно, к этому времени уже значительно отставала от Германии в развитии авиации, по числу танков, в области тяжелой артиллерии. Но тем не менее французские войска представляли собой серьезную боевую силу, вполне способную противостоять вермахту. Один из германских военных руководителей, Бек,

в меморандуме, написанном в мае 1938 года, констатировал, что французская армия была и остается все еще сильнейшей армией в Европе.

По данным Гамелена, в течение 1938 года во Франции было призвано 1221 тыс. человек. Бонне называл цифру в 2 млн. человек. К 23 сентября французское правительство перебросило к границам 800 тыс. человек. Только заведомые капитулянты могли считать такую армию, находившуюся к тому же в начальной стадии своего развертывания; бессильной.

Французские государственные деятели, сознательно преуменьшая боевые качества вооруженных сил Франции, в то же время преувеличивали экономические и военные возможности третьего рейха. Бонне, в выступлениях и книгах которого фальсификация предвоенных событий нашла наиболее полное и законченное выражение, считал, что германская армия была очень сильной и война явилась бы страшным испытанием. В своих мемуарах он рассказывает о грандиозных темпах вооружения Германии, о ее якобы непреодолимой военной мощи, о массовом производстве танков и самолетов, о лихорадочном строительстве укреплений. Бонне настойчиво подчеркивал, что на германских границах работало 500 тыс. мобилизованных людей, 1,5 млн. солдат находилось в казармах и на маневрах.

Соответствует ли действительности версия Бонне и других «мюнхенцев» о «непобедимости» гитлеровской Германии? Нет, факты полностью опровергают ее.

Начнем с того, что осенью 1938 года германская экономика переживала огромные трудности. Стратегическое сырье, валюта и золотые запасы, захваченные в Австрии, были уже на исходе. Объем внешней торговли сократился, курс марки упал. Облигации первого внутреннего займа, выпущенного в апреле 1938 года, обесценились в результате их массовой распродажи спекулятивными элементами, и выпуск второго займа, намеченный на сентябрь, гитлеровцам пришлось отложить.

1 сентября 1938 г. министр финансов Шверин-Крозиг сообщил Гитлеру, что Германия больше не в состоянии нести тяжкое бремя гигантских военных расходов и находится на пороге инфляции.

В «тысячелетнем рейхе» нарастало политическое недовольство. В августе 1938 года была введена во всех от-

раслях индустрии 60-часовая рабочая неделя. Эксплуатация трудящихся резко усилилась. Под влиянием напряженной международной и внутренней обстановки активизировалась и верхушечная генеральско-чиновничья оппозиция гитлеровскому режиму, вынашивавшая планы «дворцового переворота».

В итоге можно без преувеличения сказать, что фашистский режим в Германии переживал весьма критические дни.

Как экономика, так и вооруженные силы рейха не были готовы к войне. Об этом знали и в Париже, и в Лондоне. Гамелен 26 сентября в уже упоминавшейся беседе с английскими политическими деятелями отметил многие уязвимые места германской армии: незаконченную систему укреплений, нехватку кадров, трудности мобилизации в связи с отсутствием подготовленных резервов, недостаток сырья, особенно нефти. По мнению Гамелена, Германия и Италия не были в состоянии вести длительную войну. Он заявил, что несомненное превосходство гитлеровцев в области авиации не помешает счастливому для французского оружия исходу.

Особенно важно то обстоятельство, что эта оценка полностью подтверждается немецкими источниками. В памятной записке виднейших гитлеровских генералов, подготовленной 27 сентября 1938 г. и переданной в имперскую канцелярию, говорилось о недостатках вооружений и поспешно построенной линии Зигфрида, о нехватке командиров, о плохом моральном состоянии населения рейха.

Гитлеровцы были не подготовлены к войне даже осенью 1938 года. Достаточно сказать, что во время мюнхенских переговоров на западе имелось только 13 германских дивизий, из которых лишь 5 состояли из кадровых солдат. В общей сложности вермахт располагал тогда примерно 52 дивизиями. На Нюрнбергском процессе немецкий генерал Кейтель говорил: «Я уверен в одном: если бы политическая обстановка не была благоприятной после Годесберга и Мюнхена, мы никогда не проникли бы в Чехословакию. Я твердо убежден в том, что если бы Даладье и Чемберлен заявили в Мюнхене: «Мы выступим», мы ни в коем случае не приняли бы военных мер. Мы не могли этого сделать. Мы не имели средств для прорыва божьей линии Мажино, у нас не было войск

на западе». Он признал, что с чисто военной точки зрения Германия была недостаточно сильна. На прямой вопрос, мог ли вермахт к моменту мюнхенской конференции начать боевые операции, Кейтель ответил: «Нет, так как к этому времени мы не осуществили никаких стратегических или тактических приготовлений».

Не только в среде фашистского генералитета, но и в министерстве иностранных дел, в привилегированном «ведомстве Риббентропа», раздавалась критика военных возможностей фашистской империи. Государственный секретарь Вейцзекер в беседе с Риббентропом 21 июля 1938 г. заявил: «Я не верю, что мы выиграли бы эту войну». 30 августа Вейцзекер писал, что европейская война рано или поздно окончилась бы капитуляцией Германии.

Но, может быть, гитлеровцы имели возможность компенсировать неподготовленность вермахта к войне наличием могучих союзников, готовых к боевым операциям большого масштаба? Таких союзников у Германии в 1938 году не было. На помощь Италии она рассчитывать не могла. Фашистский режим в этой стране был истощен интервенцией в Испании, которая стоила Италии по меньшей мере 14 млрд. лир. В сентябре 1937 года итальянский министр иностранных дел Чиано говорил Нейрату, в то время германскому министру иностранных дел, что в ближайшие годы итальянская армия не должна быть втянута в новые военные конфликты. В период чехословацкой трагедии ни французы, ни итальянцы не осуществляли в пограничных районах военных приготовлений. «Франко-итальянская граница в Альпах остается совершенно пустующей», — сообщали в Берлин 27 сентября 1938 г. германские представители в Париже — поверенный в делах и военный атташе.

В Берлине были недовольны и позицией генерала Франко. Он обещал правительствам Англии и Франции не только соблюдать нейтралитет «в случае европейского конфликта», но и интернировать солдат и офицеров германского легиона «Кондор», действовавшего на стороне испанских мятежников.

Не могло быть и речи об участии Польши и тем более Румынии вместе с рейхом в войне против западных держав. Даже пилсудчики являлись союзниками гитлеровцев лишь до первого серьезного испытания. Только

венгерские правители рвались в бой. Но армия Венгрии в общем балансе сил не имела, разумеется, серьезного значения.

Таким образом, если бы государственные деятели Парижа и Лондона проявили решимость и твердость, Германия неизбежно оказалась бы в 1938 году в состоянии международной изоляции. Франции, наоборот, в период чехословацкого кризиса вовсе не угрожало единоборство с вермахтом. Когда Бонне говорил: «Мы были одиноки», то речь могла идти только о позиции США и Англии.

В первые шесть месяцев боевых операций Англия, по словам британского посла в Париже, могла направить на континент только две немоторизованные дивизии и 150 самолетов. В период чехословацкого кризиса правительство США заявило, что оно не даст Франции ни одного человека, ни единого су кредита. Американский посол в Париже Буллит подчеркивал, что Рузвельт будет вынужден со всей строгостью применять закон о нейтралитете. В сентябре из Вашингтона сообщили, что в случае европейской войны Соединенные Штаты прекратят поставки французской армии самолетов, заказанных в мае 1938 года.

Итак, если в отношении США и Англии формула Бонне «Мы были одиноки» была на девять десятых правильной, то, что касается Чехословакии и СССР, это была заведомая, стопроцентная ложь, как и попытки французских мюнхенцев преуменьшить боевые качества советской и чешской армий.

Давая показания «комиссии Серра», Бонне утверждал, что в случае войны Чехословацкая республика была бы завоевана в несколько дней. Такая оценка не имела ничего общего с действительностью, и французские государственные деятели были хорошо осведомлены об истинном положении дел.

Еще весной 1937 года президент Чехословацкой республики Бенеш заявил крупному французскому капиталисту Раулю Дотри, директору государственных железных дорог, президенту компаний «Аэропосталь» и «Трансатлантик», что по отношению к числу жителей Чехословакия «имела значительно больше солдат и самолетов, чем Франция». Бенеш высказал пожелание, чтобы французское правительство осуществило серьез-

ные усилия в области военной подготовки, «ибо война была близка».

В своих мемуарах Бенеш рассказывает, что в Париже были информированы обо всех деталях военной подготовки Чехословакии. Глава французской военной миссии в Праге генерал Фоше участвовал в еженедельных военных совещаниях при президенте.

Бенеш пишет: «Наши укрепления вполне могли соперничать с линией Мажино и даже во многом превосходили ее». Он подчеркивает, что «офицерский состав был усилен и снабжен всем необходимым, армия была снабжена всеми видами оружия»; «были созданы танковые подразделения и в достаточной мере оснащена авиация». В мемуарах Бенеша говорится, что чехословацкая армия являлась одной из лучших армий Европы. Он заключает: «Республика была в достаточной мере подготовлена к войне к моменту нашей сентябрьской мобилизации 1938 г.».

Выводы Бенеша, с особой силой подчеркивающие всю глубину национального предательства, совершенного чехословацкой буржуазией в 1938 году, совпадают с заключением секретного меморандума генштаба Чехословакии. В этом документе отмечалось: «Наша армия была хорошо вооружена, резервисты хорошо обучены, постоянные укрепления надежны, моральное состояние прекрасное. В этой обстановке наша армия имела все условия для успешной борьбы с немецкой армией».

Высокую оценку боевых качеств чехословацких вооруженных сил неизменно давали и французские военные. В свих показаниях «комиссии Серра» Фоше, например, отмечал, что чешские мобилизации в 1938 году были осуществлены самым замечательным образом. Отвечая на вопрос одного из членов комиссии о том, действительно ли Чехословакия не продержалась бы в случае германской агрессии и шести часов, Фоше заявил: «Я думаю, что это абсурд».

Германские источники также признавали (памятная записка гитлеровских генералов от 27 сентября 1938 г.), что даже одна чехословацкая армия, без союзников, могла бы продержаться три месяца. Этот срок скорее значительно преуменьшен, чем преувеличен. На самом деле в канун мюнхенского сговора Чехословакия имела под ружьем 70 дивизий. Для того чтобы судить о ее во-

оружии, достаточно сказать, что гитлеровцы захватили на чехословацкой территории 1582 самолета, 468 танков, 2175 артиллерийских орудий, 591 зенитное орудие, 43 876 пулеметов, 735 минометов.

Республика имела мощную полосу укреплений: 8 больших крепостей, 725 тяжелых дзотов и 8774 легких объекта. «Когда после Мюнхена мы смогли исследовать чехословацкую военную силу внутри страны, увиденное нами обеспокоило нас. Нам угрожала серьезная опасность. Чешские генералы готовили страшный план. Тогда я понял, почему мои генералы уговаривали меня быть более мирным», — признал Гитлер в августе 1939 г. «Чешский орешек» пообломал бы зубы фашистским захватчикам!

Решающее значение для судеб Чехословакии имела позиция Советского Союза — единственного государства в мире, которое на всем протяжении «года Мюнхена» оставалось верным своему союзническому долгу, своим договорным обязательствам. Однако фактам вопреки французские политические и военные деятели неизменно пытались переложить на СССР ответственность за мюнхенскую капитуляцию западных держав, обвинить Советское правительство в нежелании якобы оказать военную помощь Чехословацкой республике. Явные и тайные французские «умиротворители» сознательно приносили боевые качества Красной Армии.

В качестве примера сошлемся на заседание Французского постоянного комитета национальной обороны 15 марта 1938 г. В ходе прений Гамелен заявил, «что он не видит, какую эффективную помощь (Чехословакии.— Ю. Б.) смогла бы оказать Россия». По его словам, советская мобилизация помешала бы выступлению Польши и Румынии. Гамелен утверждал, что вопрос о перевозке советской армии по единственной и плохой румынской железной дороге якобы нечего было и рассматривать. Единственное, что мог сделать СССР, заявил генерал, — это послать свои моторизованные войска. Но и такое содействие, по словам Гамелена, было гадательным в связи с состоянием дорог в это время года².

² В своих «Мемуарах» Гамелен на каждом шагу (задним числом!) пытается «подправить» документы. Комментируя заседание 15 марта 1938 г., он в полном противоречии с прежним мнением пишет: «С военной точки зрения все, таким образом, зависело от России».

Аналогичной была и позиция начальника штаба авиации генерала Вийюмена. Он считал, что «с точки зрения авиационной русское вмешательство в пользу Чехословакии очень затруднено». Вийюмен выдвинул такие аргументы: советским самолетам пришлось бы пролетать над территорией Польши и Румынии; в Чехословакии очень мало аэродромов — не более 50, и германская авиация была в состоянии быстро привести их в негодность.

Подчиненные Гамелена и Вийюмена полностью разделяли взгляды своих начальников. В сентябре 1938 года французские штабисты доказывали, что советские самолеты не могли наносить прямые удары по Берлину или вести бои над польской территорией, или перелетать Балтийское море.

И такие негативные оценки французские штабисты давали Красной Армии тогда, когда она в течение нескольких дней в конце июля — начале августа 1938 года разгромила отборные японские войска, покушавшиеся на советскую территорию в районе озера Хасан. А между тем именно события на Дальнем Востоке свидетельствовали о возможности свободолюбивых сил дать отпор агрессорам.

Даладье, Бонне, Гамелен и другие французские государственные деятели не только всячески пытались принизить военные и экономические возможности нашей страны, но, вопреки очевидным фактам, доказывали, что Красная Армия не была готова в период чехословацкого кризиса к активным боевым действиям. Бонне в своих показаниях «комиссии Серра» прямо заявил, что в 1938 году СССР не осуществил никаких военных приготовлений, не мобилизовал ни свою армию, ни свою авиацию, отказался от всякой военной акции против Германии. По словам Бонне, даже Бенеш якобы был убежден в том, что «Советский Союз не выступит».

В мемуарах Бонне говорится, что «политика примирения» была необходима якобы потому, что Советское правительство не могло оказать Франции «никакой военной помощи», требовало прохода своих войск через Польшу и Румынию, на что эти страны не давали согласия.

Даладье утверждал, что «СССР думал только о том, чтобы передать вопрос на рассмотрение Лиги наций».

И, наконец, сошлемся на мнение Гамелена, заявившего 12 сентября, за несколько недель до мюнхенской конференции, что «роль России в наземном плане может быть только второстепенной».

Согласно версии французских «умиротворителей», получившей широкое распространение в реакционной западной историографии, Советское правительство не хотело якобы оказать Франции и Чехословакии военную помощь. Эта версия не имеет ничего общего с исторической правдой. Начнем с того, что даже в генеральных стратегических директивах германской армии, подписанных Кейтелем 7 июля 1938 г., признавалось: «Среди государств Восточной Европы вмешательство России наиболее вероятно».

На протяжении чехословацкого кризиса Советский Союз осуществил ряд взаимосвязанных мероприятий, имевших своей целью решительный отпор агрессору и в случае войны — его разгром. Советское правительство настойчиво (и неоднократно!) предлагало созвать конференцию представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для обсуждения вопросов военного сотрудничества; оно привело в боевую готовность наши вооруженные силы и одновременно информировало о своих действиях Париж и Прагу; оно готово было оказать, если бы потребовала обстановка, давление на Польшу, чтобы удержать ее от агрессивных действий в отношении Чехословацкой республики; оно энергично добивалось согласия Румынии на пропуск советских войск через ее территорию. Рассмотрим подробнее все эти аспекты единой проблемы.

Обратимся к документам. 23 апреля 1938 г. Советское правительство поручило полпреду в Праге сообщить Бенешу, что состояние армии и авиации Советского Союза позволяло вместе с Францией и Чехословакией обеспечить безопасность Чехословацкой республики.

В мае 1938 года в беседах с Бонне в Женеве М. М. Литвинов говорил, что вопрос о военных мероприятиях должен обсуждаться совместно с представителями французского, советского и чехословацкого генштабов. Народный комиссар настаивал на таком совещании и 2 сентября, в беседе с французским поверенным в делах в Москве Пайяром. Через несколько дней, 5 сентября, В. П. Потемкин подтвердил Пайяру, а 11 сентяб-

ря — французскому послу Кулондру советскую позицию. 21 сентября в публичном выступлении на Пленуме Лиги наций М. М. Литвинов сказал: «Наше военное ведомство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом».

Таким образом, не могло быть никаких сомнений в том, что Советский Союз был готов вооруженной рукой преградить путь агрессору.

26 сентября, когда окончательно решались судьбы Чехословакии, советский военно-воздушный атташе в Париже по поручению народного комиссара обороны сообщил начальнику кабинета Гамелена генералу Жанелю, что 30 стрелковых и кавалерийские дивизии подтянуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе; авиация и танковые соединения находились в состоянии полной боевой готовности; части были пополнены резервистами.

Как пишет Гамелен в своих мемуарах, сообщение из Парижа им было получено в тот же день. Добавим также, что 28 сентября Народный комиссариат обороны подтвердил свою информацию французскому военному атташе в Москве Паласу. Таким образом, не могло быть никаких сомнений в том, что Советское правительство было готово немедленно осуществить в случае необходимости активные военные операции в защиту Чехословакии.

Советское правительство стремилось к тому, чтобы наладить постоянные контакты с Чехословакией по военной линии. Сложилось тесное советско-чехословацкое сотрудничество в области авиации. В апреле 1938 года Советское правительство согласилось продать Чехословацкой республике 40 самолетов и отсрочило первый платеж на три-четыре месяца. По данным, приведенным Даладье на англо-французском совещании 25—26 сентября, чехословацкие вооруженные силы получили в общей сложности 200 советских самолетов. В Прагу были направлены советские авиационные специалисты и высшие офицеры.

В первой половине 1938 года чехословацкие инженеры и эксперты побывали на советских авиазаводах. Генерал Гусарек ознакомился с подготовкой наших войск

к обороне, с состоянием военной промышленности СССР. В свою очередь, советские военные представители осмотрели пограничные укрепления Чехословакии, беседовали с представителями ее генерального штаба и министром обороны.

Огромное значение для Чехословакии имела позиция Советского Союза в отношении Польши, находившейся фактически в гитлеровском лагере. 5 июня 1938 г. НКВД поручил полпреду СССР в Париже выяснить у Бонне или у генерального секретаря МИД Леже, будет ли Франция в случае советского решения помещать польской интервенции против Чехословацкой республики считать себя союзницей Польши в смысле франко-польского союзного договора. Копия этой телеграммы была направлена в Прагу для информации чехословацкого правительства. Бонне был более чем сдержан. Он заявил, что проблема будет изучена. Такой ответ, по мнению Кулондра, не способствовал восстановлению доверия между Парижем и Москвой.

Французская и советская позиции «в польском вопросе» коренным образом отличались. Как известно, советско-чехословацкий пакт не требовал от Советского Союза оказания содействия Чехословацкой республике в случае польской агрессии против нее. Но уже 5 сентября 1938 г. в ответ на вопрос Пайяра В. П. Потемкин заявил, что, «не принимая на себя формально обязательства такой помощи, СССР вовсе не лишал себя тем самым права принимать по своему усмотрению то или иное решение, если Польша нападет на Чехословакию».

Реальное значение этих слов стало очевидным через несколько недель, когда польские войска начали сосредоточиваться на всем протяжении границы с Чехословакией. 22 сентября 1938 г. чехословацкий министр иностранных дел Крофта обратился в Москву с просьбой обратить внимание польских руководителей на то, что в случае нападения Польши на Чехословацкую республику советско-польский пакт о ненападении будет денонсирован. С исключительной быстротой, уже на следующий день, эта просьба была выполнена, и Советское правительство сделало в самой решительной и определенной форме соответствующее заявление Польше, которое 26 сентября было опубликовано. Польше пришлось отложить подготовленное нападение. Это позволило от-

тянуть чехословацкие войска от польских границ и использовать их для укрепления обороны на границе с Германией.

Агрессивная позиция пилсудчиков фактически исключала возможность их согласия на проход советских войск через польскую территорию в случае войны с рейхом (СССР не имел тогда общей границы с Германией). В Париже отдавали себе в этом отчет. Премьер-министр Франции Леон Блюм 15 марта 1938 г. на заседании Постоянного комитета национальной обороны признал, что советская помощь Чехословакии была обусловлена поведением соседних с СССР стран. Такого же мнения придерживался и Гамелен.

Французские политические и военные руководители упорно выдвигали и отстаивали тезис о том, что якобы невозможно было получить согласие не только Польши, но и Румынии на какое бы то ни было (даже минимальное!) военное сотрудничество с Советским Союзом. На заседании Постоянного комитета национальной обороны 8 декабря 1937 г. Гамелен говорил, что польские и румынские власти возражали против прохода советских войск через территорию их стран. А Даладьё не считал нужным даже рассматривать этот вопрос. Он хотел лишь, чтобы поляки и румыны договорились с Советским Союзом относительно поставок сырья и военных материалов.

На этот раз, как и во многих других случаях, извращенное освещение событий получило свое, так сказать, «законченное» выражение в «трудах» Жоржа Бонне. Он утверждал, что вопрос о проходе Красной Армии через Румынию и Польшу якобы «невозможно было разрешить». В статье, опубликованной в ноябре 1947 года в «Ревю де Пари», Бонне писал, что польское и румынское правительства в 1938 году возражали против пропуска советских войск.

Характеризуя позицию румынского правительства в вопросе о возможном проходе Красной Армии через территорию Румынии, надо прежде всего отметить сложность и противоречивость внешнеполитического положения этой страны в 1938 году. Ее правящие круги, с одной стороны, стремились к сближению с Германией, с другой — опасались ее экспансии на Восток. Они еще сохраняли видимость верности союзным обязательствам перед

Францией и Малой Антантой. Король и его окружение боялись также оказаться в состоянии изоляции в случае войны в защиту Чехословацкой республики. В итоге — естественные, неизбежные колебания румынской внешней политики. Однако Черчилль, например, пишет, что согласия на пропуск советских войск «вполне можно было бы добиться, по крайней мере от Румынии».

Факты свидетельствуют о том, что румынские официальные лица неоднократно заявляли о своей готовности разрешить проход Красной Армии, если начнется война против Германии, но правящие круги Франции не считали нужным использовать реальные возможности для соответствующего формального соглашения. Поль-Бонкур, бывший французский министр иностранных дел, в своем выступлении на заседании «комиссии Серра» поставил вопрос: пытались ли французские политики после подписания пакта о взаимопомощи с Советским Союзом получить согласие Польши и Румынии на пропуск через их территорию советских войск в случае конфликта с рейхом? И ответил: «Я боюсь, что нет». Поль-Бонкур считал, что получить согласие румын было возможно. И вот что он рассказал.

В начале 1936 года Поль-Бонкур был государственным министром в правительстве Сарро. В это время румынский король Кароль, возвращаясь из Лондона, остановился в Париже. Когда Кароль был в эмиграции во Франции, он был близко знаком с Поль-Бонкуром. «Я сохранил с ним дружественные отношения», — говорил последний. Румынский министр иностранных дел Титулеску предложил Поль-Бонкуру встретиться с Каролем и поставить перед ним вопрос о проходе советских войск через румынскую территорию. Такая встреча состоялась. В ее ходе король одобрил предложение французского министра, но оно так и не было реализовано.

В 1937 году после отставки Титулеску не произошло существенных изменений в официальной позиции румынского правительства. Король заявил Гамелену, посетившему Бухарест, что он разрешит проход советских войск через северную часть Румынии в Чехословакию. Он обещал действовать в нужный момент, но просил Гамелена сохранить полученные им сведения в тайне.

Однако Даладьё, Бонне и другие руководители предвоенной Франции и не пытались добиться от румынского

правительства согласия на сотрудничество с СССР в военной области.

Принципиально иную позицию занимало Советское правительство. Еще в период подготовки гитлеровцами аншлюса оно вело активные переговоры с Румынией. С этой целью в марте 1938 года советский полпред в Праге выехал в Бухарест. М. М. Литвинов имел несколько бесед с румынским министром иностранных дел Комненом, который допускал возможность прохода советских войск через территорию Румынии.

Для оказания давления на румынские правящие круги Советское правительство предложило (2 сентября 1938 г.), чтобы Лига наций в соответствии со ст. 11 своего Устава вынесла в случае необходимости постановление об агрессии. «...Даже решение большинства будет иметь огромное моральное значение, в особенности если с большинством стала бы согласна и сама Румыния», — говорил М. М. Литвинов Пайяру. В сентябре 1938 года советские представители вновь начали переговоры с Румынией о проходе Красной Армии через ее территорию.

Имелась ли реальная возможность получить согласие румынских правителей? Да, имелась. Весной 1938 года в ходе бесед с чехословацкими парламентариями Комнен говорил, что он не может взять на себя прямое обязательство пропустить советские войска «при всех условиях». В то же время Комнен дал понять, что он хотел бы оставить вопрос открытым с учетом возможной необходимости таких его практических решений, которые открывали бы в будущем дорогу для оказания помощи Чехословакии со стороны СССР. Через некоторое время чехословацкому посланнику в Бухаресте заявили, что имеется в виду благоприятное решение проблемы в случае действительной необходимости. И это были не пустые слова. Так, 18 сентября Крофта, министр иностранных дел Чехословакии, информировал американского посланника в Праге о том, что «все подготовлено для прохода советских войск через Румынию».

Правители Румынии фактически дали согласие и на полеты советских самолетов над территорией этой страны. Комнен заявил об этом 31 августа Крофте на совещании представителей Малой Антанты в Блде. Он говорил, что румынское правительство «закрыло бы глаза» и ограничилось протестом в случае полетов советских

эскадрилий над Румынией. 6 сентября Комнен подтвердил свое заявление Тьерри, французскому посланнику в Бухаресте, 11 сентября — Бонне в Женеве, где в это время проходил Пленум Лиги наций. 15 сентября Тьерри сообщил в Париж, что румынское правительство отказалось от всякого противодействия перелетам, и т. д.

В таких условиях большое значение имела позиция Франции. Некоторые дипломаты, например Кулондр, считали необходимым, чтобы Румыния дала согласие на пропуск советских войск через свою территорию. Однако капитулянт Бонне придерживался иной точки зрения. Он последовательно и упорно, фактам и рассудку вопреки, твердил, что румынское правительство якобы решительно и безоговорочно возражает против какого бы то ни было военного сотрудничества с СССР. Даже в тревожные сентябрьские дни Бонне через французского поверенного в делах в Москве сообщил наркому, что попытки правительства Франции оказать воздействие на Польшу и Румынию не дали положительного результата.

Разумеется, дело не только в «злой воле» Жоржа Бонне. Он был лишь орудием тех кругов французского монополистического капитала, которые хотели любой ценой (в конечном счете ценой развязывания второй мировой войны и капитуляции Франции) сговора с фашистскими державами, провоцирования их агрессии против Советского государства. Люди, решившие выдать Чехословакию на растерзание гитлеровским захватчикам, избегали даже мысли о военном сотрудничестве с СССР. Об этом неоспоримо свидетельствуют события бурного 1938 года.

**МЕТОД ОБМАНА В АРСЕНАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
(на примере тройственных переговоров в Москве
в 1939 г.)**

Английская дипломатия по праву считается одной из наиболее сильных в капиталистическом мире. На протяжении многих столетий она вырабатывала методы и приемы, при помощи которых английская буржуазия навязывала другим народам свою волю.

Английская дипломатия располагает опытными кадрами, воспитанными в духе империализма и ненависти ко всему прогрессивному. К ней как нельзя лучше применима характеристика, данная В. И. Лениным армии чиновников. «...Эта армия насквозь пропитана антидемократическим духом, связана тысячами и миллионами нитей с помещиками и буржуазией, зависима от них на всяческие лады, — писал В. И. Ленин. — Эта армия окружена атмосферой буржуазных отношений, дышит только ею, она застыла, заскорузла, окоченела, она не в силах вырваться из этой атмосферы, она не может мыслить, чувствовать, действовать иначе как по-старому»¹.

Консерватизм в сочетании с классовой ненавистью к социалистическим странам и всему прогрессивному вообще является одной из основных черт современной английской дипломатии.

С самого начала существования Советского государства английская буржуазия рассматривала Советскую страну как своего наиболее опасного противника. Одной из основных целей правящих кругов Англии стала

¹ В. И. Ленин, Один из коренных вопросов революции, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 202—203.

борьба против Советского государства и защита капитализма. «Подъем социализма и завоевание им власти в Советском Союзе, — писал английский коммунистический журнал «Лейбор мансли», — ввели новый фактор в дипломатию».

Английская буржуазия ставила своей задачей поддержку всех антисоветских сил, действовавших на территории России, и свержение Советской власти. Английские империалисты были одними из наиболее активных организаторов и участников антисоветской интервенции.

Однако английской дипломатии пришлось считаться с тем, что народные массы Англии и других стран не одобряли и даже осуждали антисоветский курс английской политики. Поэтому английские правящие круги в 30-е годы стремились замаскировать сущность своего отношения к СССР, показать народным массам своей страны, что Англия будто бы ведет миролюбивую внешнюю политику, уважает суверенитет Советского государства, не вмешивается в его внутренние дела и даже не прочь пойти на урегулирование отношений с СССР.

Английской буржуазной дипломатии всегда была свойственна тщательная маскировка истинных мотивов и приемов своей политики. Это было ее любимым оружием. В. И. Ленин писал, что английские буржуа пбили рекорд по утонченности своего отвратительного лицемерия².

В 30-х годах английская дипломатия поставила своей задачей вовлечь агрессивные европейские государства, в первую очередь Германию и Италию, в союз с Англией в расчете на то, что ей удастся таким образом подчинить их своему влиянию и столкнуть агрессоров с Советским Союзом, тем самым защитив свои империалистические интересы. Расчет делался на то, что во время войны СССР и агрессоры истощат друг друга и будут созданы условия для установления английского контроля в Европе. Английская дипломатия убеждала Францию и другие западные страны, что они должны интересоваться только своей безопасностью, которая должна быть построена ими без СССР и вопреки ему, и что конфликт на востоке Европы, то есть столкновение Германии с СССР, мо-

² См. В. И. Ленин, Письмо к американским рабочим, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 50.

жет быть локализован и изолирован и не будет представлять опасности для западных держав, как будто можно локализовать войну, если бы она разыгралась на территории двух континентов — от Рейна до Владивостока. Для реализации своих планов в конце 1932 — начале 1933 года английская дипломатия выдвинула идею заключения пакта четырех держав — Англии, Франции, Италии и Германии, с тем чтобы обеспечить свою безопасность, столкнув Италию и Германию с СССР, а также захватить в новом союзе руководящую роль и в конечном счете установить свой контроль на континенте.

Союз четырех в известной степени воскрешал идею Священного союза: оба они были направлены против прогресса и революции. Разница состояла в том, что новый Священный союз, в отличие от старого, во главе которого стояла царская Россия, был направлен против социалистического государства — СССР. Англия выступала в 30-х годах как одна из наиболее реакционных антисоветских сил.

Английская дипломатия стремилась изолировать СССР и устранить его от участия в европейских делах. В то же самое время впервые за 17 лет существования Советского государства английское правительство решило направить в Москву своего министра для обсуждения с советскими руководителями насущных проблем безопасности в Европе. Визит А. Идена в СССР в 1935 году должен был показать, что английское правительство выступает за сотрудничество с СССР и мир в Европе. Во время своего визита А. Иден уверял Советское правительство, что Англия будет продолжать усилия, направленные на создание системы коллективной безопасности в Европе, выступать за сотрудничество с СССР в вопросах мира в Европе.

Естественно, что политика создания пакта четырех, то есть союза с Германией, исключала политику коллективной безопасности. Это были противоположные политические курсы, и английские правящие круги хорошо понимали это. Учитывая огромную популярность в стране идеи коллективной безопасности, они решили прикрыть свою политику сговора с Германией, как ширмой, заявлениями о своей верности политике коллективной безопасности.

Известный английский лейборист, видный знаток

внешней политики Великобритании К. Зиллиакус писал в свое время, что «консервативная партия и правительство, в котором она господствовала, никогда не были честными в отношении коллективной безопасности».

Одним из наиболее ярких примеров коварства английской дипломатии и обмана общественного мнения была позиция Англии на переговорах в Москве в 1939 году. Напомним, что весной 1939 года мюнхенская политика Великобритании и Франции потерпела сокрушительный провал. В марте 1939 года Германия в нарушение подписанного ею в Мюнхене соглашения с Англией и Францией ввела свои войска в Прагу и ликвидировала чехословацкое государство.

Вместо нападения на СССР, как этого хотели английские правящие круги, гитлеровская Германия двинулась в Юго-Восточную Европу. Война стучалась в двери Лондона и Парижа, так же как Варшавы. В этих условиях английская дипломатия стала изыскивать новые способы и методы, которые вынудили бы Германию пойти на соглашение с Англией и Францией. Одним из таких способов была демонстрация сближения с Советским Союзом и переговоры с ним.

Советский Союз, отстаивая принципы коллективной безопасности, считал необходимым принять все меры, чтобы предотвратить войну, объединив свои усилия со всеми государствами Европы, в том числе с Англией и Францией.

В марте — апреле 1939 года начались переговоры между СССР, Англией и Францией. В марте во время этих переговоров Советское правительство предложило созвать конференцию представителей Англии, Франции, СССР, Турции, Польши и Румынии как наиболее заинтересованных в предотвращении агрессии государств. Это было конструктивное предложение, которое могло содействовать значительному усилению безопасности европейских стран. Английское правительство, которое непрерывно заявляло, что оно выступает за совместные действия с СССР, отклонило это предложение. Но оно не сделало этого прямо и честно. Опасаясь реакции общественного мнения, оно побоялось открыто высказать свое несогласие с советскими предложениями и прибегло к искусственным доводам. Оно заявило, что советское предложение «преждевременно», хотя война

уже стояла на пороге ряда европейских государств и промедление могло оказаться роковым. Понимая неубедительность довода о «преждевременности» совещания, английский министр иностранных дел Галифакс в беседе с советским послом заявил, что правительство Великобритании будто бы не может найти «достойного человека» для посылки на такую конференцию. Было ясно, что и это заявление лишь предлог для того, чтобы отклонить советское предложение.

В апреле 1939 года советское правительство направило Англии и Франции предложение, которое сводилось к тому, что три государства должны заключить между собой договор о взаимной помощи против агрессии в Европе сроком на 5—10 лет. Проект договора, предложенный Советским правительством, предусматривал, что три страны будут оказывать всяческую, в том числе военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

Предложенный СССР проект соглашения был выгоден всем трем договаривающимся державам. Он предусматривал обуздание гитлеровской агрессии вне зависимости от того, в каком направлении она будет предпринята. Советское правительство было решительно против проводимой Англией и Францией политики заигрывания с агрессором, политики лавирования, и именно потому оно настаивало на обязательстве трех государств не заключать сепаратный мир или перемирие с агрессором.

Как же ответила Англия на советские предложения?

Английские политические деятели в своих публичных заявлениях не раз высказывались за принятие вместе с другими европейскими государствами мер по пресечению агрессии.

Казалось бы, создавались благоприятные условия для принятия совместных решений. Но на самом деле слова и дела английских политиков не имели друг с другом ничего общего.

Поскольку Франция была склонна принять значительную часть советских предложений, английское правительство обратилось к ней с просьбой не давать никакого ответа на советские предложения без консультации с Англией. Оно посоветовало Франции воздержаться от заключения трехстороннего союза. Английская политика

заклучалась в том, чтобы, как выразился Галифакс, продолжать переговоры с СССР, «не отдаляя от себя Россию, но все время держа ее в игре». Он указал, что нужно не упускать «шанс получения помощи со стороны России во время войны» и в то же время «не подвергать мир опасности провокационных насильственных действий со стороны Германии», то есть ни в коем случае не портить отношений с Германией, чтобы не закрыть дорогу к сговору с ней.

Английское правительство не желало принимать советские предложения, но вместе с тем и не хотело открыто и категорически отклонить их. Как заявил постоянный заместитель министра иностранных дел Англии Кадоган, простое отклонение советских предложений «дало бы возможность Советскому правительству поставить правительства Англии и Франции в неудобное положение». Поэтому английское правительство в течение трех недель не давало ответа на советские предложения, а через три недели внесло предложение, согласно которому Советский Союз должен был принять одностороннюю декларацию о помощи Англии и Франции. Американский историк проф. Флеминг в своей книге «Холодная война» писал по поводу английского ответа: «Трудно представить себе, что можно было сделать более безрассудное предложение. России пришлось бы принять удар чудовищной машины, и она призывалась действовать против Германии по приказу из Лондона. Англия считала, что СССР должен оказать немедленную помощь ей и Франции в случае вовлечения их в военные действия во исполнение принятого им на себя в марте 1939 года обязательства оказать помощь Польше и Румынии, но не предлагала помощи СССР, если бы последний оказался вовлеченным в военные действия при исполнении взятого на себя обязательства».

22 марта 1939 г. министерство иностранных дел Великобритании представило своему правительству меморандум об англо-советских переговорах. В нем в большей степени, чем в каком-либо другом документе, раскрываются корыстные, узкоэгоистические цели английской дипломатии. В меморандуме подчеркивалась невыгодность для Англии заключения с СССР договора о взаимопомощи. Английская дипломатия считала необходимым заключение не союза с СССР и Францией для предупреждения

дения или обуздания гитлеровской агрессии, а такого соглашения, которое втянуло бы в войну Советский Союз и переложило бы тяжесть борьбы с фашизмом на плечи советского народа. Характер предлагаемого Англией союза был таков, что он по-прежнему ставил СССР в неравноправное положение и открывал агрессору дорогу в сторону прибалтийских государств, а затем в сторону СССР, не гарантируя Советскому Союзу никакой помощи от Англии и Франции. Таким образом, речь шла не о противодействии агрессору, а о том, чтобы повернуть гитлеровскую агрессию в направлении, наиболее удобном для Англии, а именно в сторону СССР.

Такая политика правительства Англии вызвала серьезное недовольство среди английского общественного мнения, которое справедливо обвиняло правящие круги в том, что последние искусственно затягивают переговоры о заключении равноправного союза. Тогда английское правительство, чтобы успокоить общественность, замаскировать истинные цели английской дипломатии, решило предпринять маневр, который имел целью создать в Англии и за границей впечатление, что оно искренне стремится к достижению соглашения с СССР и не желает затягивать заключение договора.

Английское правительство решило направить в Москву У. Стрэнга — советника министерства иностранных дел Великобритании, заведующего департаментом Центральной Европы. При этом правительство хотело создать впечатление, что направление Стрэнга, в свое время занимавшего пост советника английского посольства в Москве и хорошо знакомого с положением в Советском Союзе, докажет заинтересованность Англии в успехе переговоров и покажет, что Англия стремится добиться заключения соглашения. В английской буржуазной прессе, разумеется не без ведома английского правительства, была поднята шумиха, имевшая целью показать, что направление Стрэнга является важным этапом в достижении прогресса в переговорах. Английская официальная пресса предпочла не акцентировать внимание на том, что в Москву был направлен второстепенный чиновник английского министерства иностранных дел, в то время как на переговоры с Гитлером в 1938 году трижды вылетал сам премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен. В настоящее время в свете опубликованных материалов

не остается никаких сомнений в том, что Стрэнг был направлен в Москву не для того, чтобы добиться прогресса в переговорах, а, как свидетельствуют английские документы, лишь для того, чтобы вооружить английского посла в Москве необходимыми аргументами для дискуссии с Советским правительством.

Когда Стрэнг прибыл в Москву, в английское посольство был приглашен французский посол Наджар, которого ознакомили с инструкциями, привезенными Стрэнгом. Прочтя эти инструкции, Наджар задал всего один вопрос: действительно ли английское правительство хочет вести переговоры ради переговоров?

Это было убийственное заявление, показывающее, что было дано задание воспрепятствовать заключению эффективного и равноправного соглашения с СССР, а не содействовать таковому.

Характерен также следующий факт. Накануне прибытия Стрэнга в СССР Советское правительство направило министру иностранных дел Англии Галифаксу приглашение прибыть в Москву для ведения переговоров. Советское правительство исходило при этом из того, что обсуждение вопроса о союзе наиболее авторитетными и правомочными политическими деятелями могло устранить трудности в переговорах и быстрее привести к заключению соглашения. Галифакс ответил, что он будет иметь в виду советское предложение. Однако больше к нему английский министр не возвращался.

Английское правительство опасалось, что направление Галифакса в Москву может разоблачить двойную игру английской дипломатии, так как если представитель более низкого ранга мог сослаться на недостаточную компетентность, отсутствие инструкций и т. д., то, естественно, министр иностранных дел был бы уполномочен принимать соответствующие решения. Боясь ответственности, английское министерство иностранных дел пошло на то, чтобы скрыть от английской общественности, а также от парламента и, возможно, от некоторых английских министров факт приглашения Советским правительством Галифакса в Москву. Когда 21 июня в парламенте премьер-министру Чемберлену задали вопрос, действительно ли Советское правительство пригласило в Москву министра — члена кабинета, английский премьер дал отрица-

тельный ответ. Это был один из наиболее удивительных примеров обмана общественного мнения.

Наиболее острыми вопросами в политических переговорах трех стран были вопросы о гарантиях прибалтийским государствам и о так называемой косвенной агрессии. Лицемерие английской дипломатии при обсуждении этих вопросов проявилось особенно наглядно.

В чем суть вопроса о гарантиях прибалтийским государствам? Советское правительство считало, что три страны — СССР, Англия и Франция — должны гарантировать те страны, которые могут стать объектами гитлеровской агрессии, а именно Польшу, Румынию, Болгарию, Грецию, Турцию, а также прибалтийские государства — Эстонию, Латвию и Финляндию.

Английское правительство считало необходимым предоставление гарантий Польше, Румынии, Болгарии, Греции, Турции и отказывало в них трем прибалтийским государствам.

Складывалось положение, что если бы гитлеровская Германия напала на перечисленные первые пять стран, то она вынуждена была бы иметь дело с объединенным фронтом всех государств, включая Англию, Францию, СССР, а если бы она напала на прибалтийские государства, то ей не грозил бы отпор со стороны Англии и Франции. В этом случае война вылилась бы в войну фашистской Германии с прибалтийскими государствами и Советским Союзом.

Английское правительство желало, чтобы события пошли именно по второму пути. Опасаясь открыто заявить об этом, ибо это разоблачило бы его политику попустительства агрессии, английское правительство сначала под различными предлогами отказывалось от принятия советского предложения, а затем пошло на следующий ловкий ход. Оно предложило включить в список гарантированных государств наравне с прибалтийскими странами также Голландию, Швейцарию и Люксембург, понимая, что это будет неприемлемо для СССР, так как последний не имел с этими странами общих границ и дипломатических отношений, а Голландия и Швейцария враждебно относились к Советскому Союзу и, весьма вероятно, попросту отклонили бы советские гарантии, если бы таковые были даны.

Лишь после нескольких месяцев споров и проволочек

английское правительство согласилось с советским предложением, но, как показали последующие события, только для того, чтобы затеять спор по другим вопросам и оттянуть достижение соглашения. Этим другим вопросом была проблема так называемой косвенной агрессии, то есть агрессии без открытого вторжения на чужую территорию.

Положение, сложившееся в прибалтийских государствах, заставляло опасаться именно косвенной агрессии со стороны Германии. Правящие круги прибалтийских стран, в особенности Эстонии, в любое время могли предоставить свои страны в распоряжение гитлеровских агрессоров и, таким образом, гитлеровские войска вышли бы к границам СССР в непосредственной близости от Ленинграда. Именно поэтому Советское правительство настаивало на том, чтобы было принято определение косвенной агрессии и три страны оказали помощь прибалтийским государствам в случае косвенной агрессии. По этим же причинам английское правительство отказывалось от точного, недвусмысленного определения косвенной агрессии, предложенного Советским Союзом.

Английское правительство потребовало, чтобы Советский Союз гарантировал территории Голландии, Швейцарии и Люксембурга, но дало понять, что оно снимет свое предложение, если Советское правительство снимет свое определение косвенной агрессии. Таким образом, английское правительство рассматривало малые государства как разменную монету в торге с Советским правительством. Оно включало их в список гарантированных стран, но было готово исключить их из него, чтобы отклонить советское определение косвенной агрессии, то есть в конечном счете создать благоприятные условия для агрессии Германии против СССР через прибалтийские государства.

Характерно, что французский посол в Москве заявил, что он считает приемлемым советское определение косвенной агрессии и что его мнение разделяется французским правительством.

Но английское правительство продолжало настаивать на своей точке зрения. Отказываясь заключить справедливое соглашение с Советским правительством, английское правительство вместе с тем стремилось обвинить в неуспехе переговоров советскую сторону и, таким

образом, еще раз ввести в заблуждение общественное мнение страны. Выступившие в парламенте заместитель министра иностранных дел Батлер и затем премьер-министр Англии Н. Чемберлен возложили вину за неуспех переговоров на СССР; они пытались создать видимость того, что будто бы, настаивая на определении косвенной агрессии, Советский Союз хочет посягнуть на независимость прибалтийских государств. Советское правительство не могло пройти мимо такого беззастенчивого искажения фактов.

ТАСС от имени Советского правительства 2 августа 1939 г. заявило, что Батлер «допустил искажение позиции Советского правительства. На самом деле разногласия состоят не в том, чтобы посягнуть или не посягнуть на независимость балтийских стран...— говорится в заявлении,— а в том, чтобы в формуле о «косвенной агрессии» не оставить никакой лазейки для агрессора, покушающегося на независимость балтийских стран. Одна из причин затяжки переговоров состоит в том, что англо-французская формула оставляет такую лазейку для агрессора».

В тот же день НКВД обратил внимание английского посла в Москве Сиидса на заявление Батлера. Сиидсу было указано, что советская точка зрения о косвенной агрессии публично искажается официальным представителем английского правительства. Послу напомнили, что Советское правительство стремится защитить независимость и нейтралитет прибалтийских стран, в то время как Батлер заявил, что Советское правительство выступает против их независимости и нейтралитета. Таким образом, послу с фактами в руках показали, что английские официальные представители дезинформируют общественность в вопросе о переговорах. Хотя заявление Батлера было опубликовано и Сиидс знал о нем так же хорошо, как и Советское правительство, посол заявил, что ему неизвестен точный смысл выступления Батлера, что многое зависит от тех слов, которые употребил заместитель министра иностранных дел Великобритании, и т. д.

Это был обман, свидетельствовавший о том, что английская дипломатия не останавливается в своих отношениях с СССР даже перед фальсификацией событий.

Но особенно ярко проявилось двуличие английской дипломатии в ходе ведения военных переговоров в Москве.

Напомним в нескольких словах суть этих переговоров и позиции стран.

Советское правительство считало, что любое соглашение о взаимной помощи не может служить достаточной гарантией безопасности государств, если оно не будет сопровождаться эффективной военной конвенцией.

Первоначально, когда вопрос о заключении военной конвенции еще не встал вплотную перед участниками переговоров, английское правительство сделало вид, что оно не против военной конвенции. 13 апреля 1939 г. английский министр Саймон сделал в палате общин заявление о том, что Англия не против заключения военного союза с СССР. Однако, когда Советское правительство, сославшись на сделанное Саймоном заявление, поставило перед Англией вопрос, готова ли она начать военные переговоры, английский посол в Москве уклонился от ответа, сказав, что подобные переговоры возможны лишь на последней стадии и что заявление Саймона могло явиться выражением его личного мнения. Таким образом, английская дипломатия с присущим ей коварством попыталась отказаться от взятых ею на себя обязательств. В конечном счете английское правительство приняло предложение Советского правительства о том, что политическое соглашение о взаимной помощи вступит в силу одновременно с военным.

Английское правительство заявило даже, что оно готово немедленно приступить к переговорам военных миссий в Москве. Это заявление имело место 25 июля 1939 г., но одновременно сообщило советскому послу И. М. Майскому, что назначение английской военной миссии и снабжение ее инструкциями займет по крайней мере неделю или десять дней.

Франция, более опасавшаяся угрозы гитлеровской агрессии, торопила англичан. Она считала, что кризис в Европе может разразиться в конце августа — начале сентября 1939 года и что миссии должны выехать в Москву в течение трех-четырех дней. Англичане сразу охладили пыл французов, заявив, что им нужна тщательная подготовка к направлению военной миссии. Французская сторона предложила, чтобы экономить время, отправить военную миссию поездом или самолетом, но и это предложение английским правительством принято не было.

25 июля 1939 г. советский посол в Англии обратил внимание английского министра иностранных дел Галифакса на необходимость скорейшего начала переговоров и назначения делегации. В ответ на это советскому послу было сказано, что английское правительство еще не определило состав делегации и, таким образом, делегация не может еще приступить к подготовке.

В отличие от Советского Союза, назначившего авторитетную делегацию на переговоры, возглавлявшуюся народным комиссаром обороны, английское правительство назначило главой делегации Дрэкса, адмирала в отставке, не игравшего никакой заметной роли в английской армии и флоте.

«Даже при желании трудно было подыскать кандидатуру более неподходящую для ведения переговоров с СССР, чем этот престарелый адмирал британского флота», — писал в своих воспоминаниях советский посол в Англии И. М. Майский.

Германское правительство сразу правильно оценило действия Великобритании, поняв, что англичане не придавали сколько-нибудь серьезного значения переговорам с СССР.

Немецкий посол в Лондоне сообщил в Берлин 1 августа 1939 г.: «Невозможно отказаться от впечатления, что с английской стороны переговоры будут вестись главным образом для того, чтобы получить реальное представление о силе советской армии... Это впечатление усиливается при ознакомлении с составом английской военной миссии. Ни один из трех представителей не имеет специальной подготовки, позволяющей вести переговоры об оперативных мероприятиях».

Если бы английское правительство хотело заключения эффективного военного союза, оно должно было направить своих самых видных военных. Другое дело, что для заключения соглашения, цель которого — вызвать быстрое советско-германское столкновение, вовсе не нужно было направлять начальника генерального штаба. Для этого достаточно послать человека, полностью разделявшего взгляды правительства и ненавидевшего Советский Союз. Поэтому выбор и пал на Дрэкса.

Миссия отправилась в Москву лишь 5 августа на товарно-пассажирском пароходе, делавшем всего 13 узлов. Она прибыла в Москву лишь 12 августа. Если учесть,

что миссия покинула Лондон через 11 дней после получения английским правительством приглашения, то станет ясно, что при помощи некоторых нехитрых приемов английской дипломатии удалось оттянуть начало военных переговоров более чем на две недели.

Опасаясь, как бы военная миссия не сделала шаг навстречу эффективному военному соглашению с СССР, английское правительство дало указание своему посольству в Москве сделать все возможное для провала военных переговоров. Наряду с официальными инструкциями, данными военной миссии, английское посольство в Москве получило неофициальные, «побочные» инструкции — ни в коем случае не допустить успеха переговоров⁴.

Когда советская делегация с исключительной полнотой изложила во время заседания сведения о состоянии советской армии, авиации и о советских планах отпора агрессору. Дрэкс, поняв, в какое неудобное положение попала английская миссия, запросил разрешение доложить об английских планах более откровенно. Но в ответ на это ему были подтверждены старые инструкции.

Для чего же английское правительство в таком случае согласилось на ведение военных переговоров?

Оно это сделало для того, чтобы иметь некоторые дополнительные средства воздействия на Германию, в то же время показывая ей, что Англия не дорожит союзом с СССР и готова в любое время отказаться от него и заключить соглашение с Германией о разделе сфер влияния. Кроме того, английское правительство, начиная военные переговоры, стремилось обмануть общественное мнение своей страны, которое настаивало на заключении военного соглашения с СССР. Вновь и вновь подтверждались слова В. И. Ленина о том, что обман масс в капиталистических странах в области внешней политики разработан артистически⁵.

В отличие от советской делегации, которая явилась на переговоры, вооруженная планом эффективного отпора агрессии, английская делегация не располагала конкретным планом отпора агрессии. Английская делега-

⁴ Д. Ж. Хорвей и Кэтрин Худ. Британское государство. М., 1961, стр. 282.

⁵ См. В. И. Ленин, Внешняя политика русской революции, Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 335.

ция в своих заявлениях на переговорах ограничивалась прописными истинами вроде того, что надо отрезать все пути сообщения неприятелю, найти и разбить флот противника, чтобы он не мешал нашим коммуникациям, что Атлантический океан имеет 3 млн. кв. миль, а Тихий океан — в два раза больше и т. д.

Английское правительство, правда, сообщило некоторые сведения советской военной миссии, касающиеся ее армии, но, как показали следующие события, сознательно передало советской стороне неверные, завышенные данные, чтобы у Советского правительства сложилось неправильное впечатление об английской и французской авиации.

Такой же нечестностью и двуличием отличался подход английской дипломатии к разрешению одной из основных проблем, возникших во время военных переговоров, а именно вопроса о проходе советских войск через территорию Польши.

Советская военная миссия считала, что в случае агрессии СССР, не имеющий общей границы с Германией, мог оказать помощь Англии, Франции, Польше и Румынии лишь при том условии, что его войска будут иметь право пройти через польскую и румынскую территорию, ибо не существовало иных путей, для того чтобы советские войска могли войти в соприкосновение с противником.

Английские политики изображали дело так, будто бы предложение Советского правительства о том, что Англия и Франция должны добиться от Польши обязательства на пропуск и действия вооруженных сил СССР, было для них неожиданным. Как показывают английские документы, и это было насквозь лживо. Инструкции английской военной миссии много внимания уделяли вопросу о пропуске советских войск через территорию Польши. В них подчеркивалось, что Советский Союз «не сможет ввести свои сухопутные силы в Польшу и Румынию», то есть они заранее исходили из отрицательного решения этого важнейшего вопроса.

Английская и французская делегации направились в Москву, имея инструкцию избегать постановки вопроса о Польше. Характерно, что даже многие английские политики были не согласны с такой постановкой и считали правильной позицию Советского Союза. Уже упоминавшийся нами Стрэнг писал: «Было вполне естественно для

Советского Союза испрашивать согласие на транзит своих войск».

Английские политики лицемерно доказывали, что они пытались, но не смогли добиться от Польши согласия на проход советских войск, и рекомендовали советским представителям начать непосредственные переговоры по этому вопросу с польским правительством.

Это была еще одна попытка английской дипломатии обмануть советских представителей. Англия вместе с Францией располагала значительными средствами, чтобы убедить польское правительство принять советское предложение, но она не только не сделала этого, но даже дала Польше понять, что Англия против предлагаемого советской стороной решения вопроса. Предложение Англии о непосредственных советско-польских переговорах имело целью не содействовать разрешению указанной проблемы, а возложить вину за провал переговоров на советскую сторону.

Для того чтобы избежать на переговорах обсуждения вопроса о проходе советских войск через территорию Польши и сорвать заключение эффективного военного соглашения, английская дипломатия предприняла еще один хитроумный маневр. Она попыталась подменить вопрос о проходе советских войск через территорию Польши вопросом о поставке ей Советским Союзом вооружений. Английская дипломатия особенно интересовалась вопросами о том, может ли СССР снабдить Польшу самолетами, оружием и т. д.

Что означало такого рода соглашение? Снабжение Польши оружием перед лицом превосходящей немецкой армии не могло существенно изменить положение и спасти Польшу. Но советские поставки вооружения могли привести к выступлению Германии против СССР на рубежах, невыгодных для советской армии. Кроме того, оружие, которое Советский Союз мог бы поставить Польше в сжатые сроки (август 1939 г.), то есть за несколько дней до нападения Германии на Польшу, могло быть передано ей лишь из западных пограничных районов СССР, так как для передачи оружия из других мест попросту не оставалось времени. Оружие попало бы в конечном счете в руки германской армии, а Советский Союз в решающие дни войны был бы ослаблен. Именно на такое развитие событий и рассчитывали английские

правлящие круги, категорически отказавшиеся дать согласие на проход советских войск через территорию Польши, в то же время выступая с явно демагогическим предложением о снабжении Советским Союзом Польши вооружением и боеприпасами.

Коварство и двуличие английской политики особенно ярко проявилось в тех тайных переговорах, которые вела английская дипломатия с Германией наряду с переговорами в Москве.

Английское правительство вело двойную игру. Одновременно с англо-франко-советскими переговорами оно начало переговоры с Германией.

Летом 1939 года начались переговоры между Г. Вольтатом, немецким чиновником по особым поручениям, и Г. Вильсоном, ближайшим сотрудником Чемберлена и его доверенным лицом. Во время этой встречи обсуждались широкие планы англо-германского сотрудничества. Тогда же состоялась встреча Тротт цу Зольца, впоследствии сотрудника министерства иностранных дел Германии, с Галифаксом, а затем — с самим Н. Чемберленом. Во время последней встречи английский премьер дал понять своему собеседнику, что он готов продолжить политику Мюнхена и принести в жертву переговоры с СССР. Выступая с официальными заявлениями о своем желании заключить соглашение с СССР, английское правительство вместе с тем направило свои усилия на достижение соглашения с Германией.

Немецкий посол в Лондоне Дирксен в конце июля 1939 года сообщал министерству иностранных дел Германии, что английские государственные деятели готовы отказаться от политики коллективной безопасности, то есть соглашения с Москвой, и заключить соглашение с Германией на основе разделения сфер влияния.

Англия предлагала Германии заключить пакт о ненападении и невмешательстве, который служил бы до некоторой степени маскировкой разграничения сфер интересов великих держав. При этом предусматривалось, что Англия откажется от обязательств в отношении Польши, то есть выдаст Польшу на милость Германии, и от политики окружения — политики коллективной безопасности и союза с СССР — и согласится предоставить Германии свободу рук на Востоке и Юго-Востоке Европы.

Продолжая переговоры с СССР, Англия в то же время

форсировала переговоры с Германией в надежде заключить с ней соглашение. Позиция Великобритании привела к неудаче переговоров в Москве и в конечном счете облегчила агрессору развязывание второй мировой войны. Коварная и вероломная политика английской дипломатии, стремившейся реализовать свои экспансионистские планы за счет Советского Союза, окончились провалом.

Во время переговоров 1939 года английская дипломатия проявила неискренность. Она вела двойную игру, обманывая своего партнера по переговорам — Советский Союз, обманывая общественное мнение своей собственной страны.

Это был пример, когда важнейшие вопросы войны и мира, проблемы, в которых были заинтересованы широкие народные массы, решались за спиной народа. Политика английского правительства весной и летом 1939 года была одним из наиболее ярких примеров двуличия и обмана, жертвой которого стали в конечном счете народы Европы, в том числе самой Англии.

История 1939 года поучительна и для наших дней. Она показывает, что политика сговора с германским милитаризмом, как бы тщательно она ни маскировалась и в какой бы тайне она ни проводилась, бесперспективна. Она показывает, что ложь и коварство — признаки не силы, а слабости буржуазной дипломатии, антинародной как по своему содержанию, так и по форме.

**В. Л. ИСФАЭЛЯН
И. Д. ОВСЯНЫЙ**

КОНЕЦ ДИПЛОМАТИИ «ОСИ» БЕРЛИН — РИМ

Победа советских вооруженных сил в зимнюю кампанию 1943 года вызвала смятение среди сателлитов гитлеровской Германии. Начавшийся кризис фашистского блока сказался прежде всего на взаимоотношениях между Германией и Италией. Битва на Волге, отмечает в своих мемуарах бывший итальянский посол в Берлине Альфьери, «сыграла решающую роль в дальнейшем развитии итало-германских отношений».

Разбойничий германо-итальянский блок, в основе которого лежало только стремление к грабежу, в обстановке приближающегося поражения быстро обнаружил слабость. Стремясь спасти свою шкуру, фашистские хищники, забыв взаимные клятвы верности, лихорадочно искали путей спасения и были готовы предать друг друга, лишь бы отдалить минуту возмездия. Во всей своей отвратительной наготе предстает в последние дни существования «оси» Берлин—Рим фашистская дипломатия.

Перелом в ходе войны, наступивший в результате исторической победы советских вооруженных сил на Волге, вскоре привел Италию на грань катастрофы. После потерь, понесенных на Восточном фронте, итальянская армия уже не смогла оправиться.

«Когда советское наступление опрокинуло немецкие, румынские и итальянские позиции, — отмечает в своих мемуарах маршал Бадольо, — три четверти нашей армии было потеряно».

Положение итальянских войск на советско-германском фронте было незавидным — гитлеровское командо-

вание всячески третировало итальянские части, посылало их на самые тяжелые участки, плохо обеспечивало их боеприпасами и продовольствием. После поражения в зимней кампании 1942—1943 года, отмечает далее Бадольо, «немцы захватили наши транспортные средства, для того чтобы облегчить собственное отступление, оставив итальянские войска в безнадежном положении. Сведения об этом жестоком поведении распространились по всей Италии и произвели глубокое впечатление». В обстановке поражения особенно отчетливо проявилась неприязнь, которую итальянский народ испытывал к своим немецким союзникам, вовлекшим Италию в войну.

Дискриминация немецкого командования в отношении итальянских частей зашла так далеко и недовольство среди итальянских солдат приняло такие размеры, что Муссолини решил обратиться к Кейтелю с просьбой о вмешательстве. «Передайте ему, — поручал он итальянскому военному атташе в Берлине, — что если слово «товарищество» имеет какой-нибудь смысл, то мы можем рассчитывать на минимум его проявления».

Непопулярность войны против Советского Союза, катастрофа на Волге и поражение в Северной Африке, угроза высадки англо-американских (союзных) войск на территории собственно Италии и резкое ухудшение материальных условий вызывали в итальянском народе растущее возмущение политикой правящих кругов. Все шире разворачивалась борьба итальянских патриотов против фашизма. Народные массы жаждали мира. В поездах, трамваях, на улицах — повсюду люди открыто требовали мира и проклинали Муссолини. «Недовольство фашизмом было повсеместным, — признает Бадольо, — и повсюду можно было слышать: „Неважно, что мы проиграем войну, поскольку это будет означать конец фашизма“».

Единственно возможный выход из создавшегося для Италии тупика Муссолини и его окружение видели в сосредоточении в Средиземноморье всех сил фашистской коалиции. Этого, однако, достигнуть при наличии Восточного фронта, приковывавшего к себе львиную долю фашистских вооруженных сил, было, разумеется, нельзя. Отсюда вытекало и стремление итальянской дипломатии заключить сначала сепаратный мир с СССР, перебросить все фашистские войска на средиземноморский театр воен-

ных операций и при выгодном соотношении сил сговориться с западными державами о новом переделе мира.

Сознание надвигающейся катастрофы побудило Муссолини что-либо предпринять. В ответ на письмо Гитлера от 16 февраля 1943 г., в котором последний заявлял, что он намерен, выполняя «миссию», ниспосланную ему судьбой, продолжать борьбу на Восточном фронте «вместе с союзниками или без них», Муссолини в письме от 9 марта того же года высказал мысль, что фюрер идет на слишком большой риск. Вместо возобновления борьбы против России, «практически необъятной», в условиях нарастающей угрозы со стороны союзников на западе Муссолини выдвинул идею «нейтрализации России» тем или иным путем.

26 марта Муссолини направил Гитлеру новое письмо, снова и еще более откровенно поднимая в нем вопрос о Восточном фронте. «...Я заявляю Вам, — писал он, — что русский эпизод мог бы быть теперь закончен. Если возможно — а я думаю, что это так, — мы должны закончить его заключением мира или, если из этого ничего не получится, созданием оборонительной системы — внушительного восточного вала, который Россия никогда не смогла бы преодолеть. ...Учитывая размеры, которые остаются ее величайшим преимуществом, мы не сможем стереть Россию с лица земли. Ее территории настолько обширны, что их никогда нельзя завоевать и удержать».

После такой солидной «подготовки» предстоявшая встреча Гитлера и Муссолини внушала сторонникам пересмотра стратегии фашистского блока большие надежды.

Встреча двух диктаторов состоялась в Зальцбурге 7—10 апреля 1943 г. Накануне свидания с фюрером Муссолини заверил своих приближенных, что он полон решимости добиться желательного решения. Но, как это было всегда, и особенно в последние годы «оси», итальянский дуче, как только оказывался в присутствии Гитлера, терялся и не имел мужества проявить инициативу и поставить какой-либо серьезный вопрос.

Правда, в своих мемуарах, излагая содержание состоявшихся в Зальцбурге переговоров, Муссолини пишет: «Я советовал Гитлеру достичь соглашения с Россией, а позднее пойти на это любой ценой, возвратив все, что он захватил, включая Украину... Я ему говорил, что начи-

ная с июня 1942 года мы потеряли инициативу, а нация, которая потеряла инициативу, проиграла войну. ...Мы не сможем вновь вернуться в Африку, итальянские острова будут захвачены. Существует лишь одна последняя надежда — заключить мир с Россией и переключить весь наш потенциал на Средиземное море. Вы не сможете помочь нам не потому, что вы этого не захотите, а потому, что вы этого не можете сделать до тех пор, пока вы не заключите мир с Россией».

Одновременно Муссолини высказывал готовность проявить необходимую инициативу для проведения решающих переговоров о мире с англо-американцами. Проектировавшийся сговор между фашистами и западными державами носил антисоветский, империалистический характер. О наличии у Муссолини таких планов рассказывает бывший премьер-министр Венгрии Каллаи, посетивший Рим в апреле 1943 года. В ходе переговоров с Муссолини Каллаи установил, что дуче стремился заключить мир с Англией и Америкой на компромиссной основе. Об этом же свидетельствовали и результаты переговоров министра иностранных дел Румынии Антонеску с Муссолини летом 1943 года. Румынский министр подробно излагал свои взгляды о необходимости как для Италии, так и для Румынии установить контакт с союзниками, для того чтобы «защитить Европу от большевизма». Муссолини разделял взгляды Антонеску, однако считал, что практическое осуществление предлагаемых планов должно было быть при более благоприятной военной обстановке, которая, по мнению Муссолини, создастся к осени 1943 года.

Идея Муссолини о концентрации вооруженных сил фашистского блока в Средиземноморье не нашла поддержки у Гитлера — последний хорошо понимал, что судьба мировой войны решается на советско-германском фронте, и настаивал на концентрации всех военных действий именно там. Он говорил о необходимости сплотить все «европейские силы» для борьбы против СССР, проявляя при этом некоторую склонность к примирению с западными державами. По утверждению отдельных источников, говоря о «европейской солидарности против России», Гитлер надеялся на этой основе найти общий язык с Англией.

В ответ на предложение дуче о проведении зондажа

на Западе Гитлер заявил, что он намерен в самом ближайшем времени нанести «решающий удар» на Востоке. После этого Муссолини не осмелился поднять вопрос о зондаже в отношении заключения компромиссного мира.

Проходившие параллельно военные переговоры показали, что немцы не желали рассматривать совместно со своим итальянским союзником ни общей стратегии, ни вопросов снабжения итальянской армии. Просьба итальянского командования о срочной поставке 500 самолетов была отведена под тем предлогом, что итальянские аэродромы не были в состоянии принять такое количество машин.

Переговоры в Зальцбурге остались безрезультатными. Италия не получила от своего партнера по «оси» ни танков, ни самолетов. Причину этого откровенно признал на переговорах с Амброзио гитлеровский генерал Кессельринг. «Если бы мы не имели катастрофы под Сталинградом, большая часть заявок могла бы быть удовлетворена, но германский генеральный штаб вместо этого оказался вынужденным бросить все свои резервы, для того чтобы остановить советский паровой каток».

Что касается Гитлера, то он силился создать впечатление удовлетворенности результатами переговоров. Главной его целью в переговорах было выжать все возможное из своего партнера. По мнению Гитлера, эта цель была достигнута. «Фюрер сказал мне, — записал Геббельс в своем дневнике, — что дуче за время их четырехдневных переговоров воистину был восстановлен в своей прежней форме. Фюрер сделал все, что мог, и величайшим напряжением нервной энергии ему удалось снова поставить Муссолини на рельсы... Дуче ясно понимает, что для него нет другого спасения, кроме как победить или умереть вместе с нами».

В отличие от Муссолини, поддававшегося еще подобным методам «лечения», сопровождавшие его политические и военные советники вернулись из Зальцбурга в совершенно ином настроении, полные тревожных предчувствий и недоверия. Встреча диктаторов выявила наличие глубоких разногласий между Италией и Германией и положила начало военно-политическому кризису «оси». Несмотря на то что «ось» Берлин — Рим еще существовала, фашистские союзники окончательно потеряли доверие друг к другу.

Таким образом, переговоры Гитлера с Муссолини в Зальцбурге не привели к решению о прекращении военных действий на Восточном фронте и заключении сепаратного мира с Советским Союзом, который явился бы лишь тактическим шагом, необходимым фашистской дипломатии для того, чтобы, добившись подавляющего военного превосходства над западными державами, вновь обратить всю военную мощь фашистского блока против СССР. Об этих намерениях свидетельствовал и мирный зондаж, предпринятый другими сателлитами гитлеровской Германии в 1943 году. Что касается отношения Советского Союза к мирному зондажу фашистских государств, то позиция Советского правительства по этому вопросу еще раз была подробно изложена в первомайском приказе 1943 года, в котором, в частности, указывалось, что «болтовня о мире в лагере фашистов говорит лишь о том, что они переживают тяжелый кризис». Советское правительство решительно отвергло возможность заключения мира с гитлеровцами, залившими кровью Европу и покрывшими ее виселицами. В указанном документе Советского правительства подчеркивалось, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут принести человечеству мир.

Летом 1943 года гитлеровцы, несмотря на поражение и потери, понесенные ими в зимней кампании 1942—1943 годов, предприняли новое наступление в районе Курского выступа.

Начав наступление 5 июля и вклинившись в советскую оборону местами до 15—30 км, немецкие войска натолкнулись на непреодолимую стойкость советских войск, а уже 12 июля советские войска, измотав противника в оборонительных боях, перешли в решительное наступление.

Победы советских вооруженных сил на русско-германском фронте, где с обеих сторон было втянуто огромное количество войск и боевой техники, в значительной степени обусловили успешное осуществление военных операций союзников в районе Средиземного моря.

Планируя операции против Сицилии, союзники сильно преувеличивали связанные с этим трудности. Это выявилось еще при занятии англо-американскими войсками Пантеллерии. Высадка была осуществлена 11 июня после

длительной бомбардировки с воздуха и обстрела из морских орудий. «До высадки много говорили о ее масштабах и опасности, — признает Черчилль в своих мемуарах. — Но она увенчалась полным успехом, причем не было никаких потерь, не считая того, что, по рассказам моряков, одного солдата укусила мул».

Соседний небольшой островок Лампедуза сдался пилоту самолета, совершившего на нем вынужденную посадку в связи с недостатком горючего.

10 июля 1943 г. англо-американские войска в соответствии с решением конференции в Касабланке высадились в Сицилии. Итальянский гарнизон, находившийся в Сицилии, не оказал практически серьезного сопротивления союзникам и почти целиком был взят в плен. Расквартированные же на острове две немецкие дивизии сумели почти беспрепятственно эвакуироваться на итальянский континент, не понеся особых потерь. Сицилийская операция затянулась на 38 дней. Многие военные авторы объясняют затяжку этой операции тактическими просчетами союзников, а очевидец событий в Сицилии английский военный корреспондент Баклэй описывает военные операции союзников в Сицилии следующим образом: «Наша тактика преследования, казалось мне, похожа на попытки убить маленькую, но проворную ящерицу огромной кувалдой. Ящерица ускользает всякий раз, как мы замахиваемся молотом. ...Потери немцев в этой борьбе были небольшими». К 18 августа Сицилия, наконец, была полностью очищена от фашистских войск.

Тем временем в самой Италии произошли события исторического значения. Фашистскому режиму Муссолини был нанесен смертельный удар. В этих событиях решающую роль сыграл итальянский народ. В октябре—ноябре 1942 года в Турине в результате неустанной работы компартии был образован Комитет национального фронта, состоявший из представителей антифашистских партий. Еще в начале войны в Италии имели место отдельные антифашистские, антивоенные выступления. В конце же 1942 и начале 1943 года эти выступления участились. Итальянский народ все активнее требовал выхода Италии из войны. В стране начались первые крупные забастовки. Так, в первые два месяца 1943 года в промышленных центрах Северной Италии состоялось 11 забастовок. Новая мощная волна забастовочного

движения прокатилась по Италии в марте 1943 года. «К концу 1942 и началу 1943 г. заключение мира стало заветной мечтой всех итальянцев, единственным средством спасения родины», — пишет один из руководителей антифашистского, освободительного движения Италии Луиджи Лонго.

К весне 1943 года крайне обострилось и экономическое положение Италии. Итальянская промышленность оказалась не в состоянии обеспечить дальнейшее ведение войны, так как не имела необходимой сырьевой базы. Экономика Италии стала полностью зависимой от поставок угля и сырья из Германии. Цены в стране непрерывно росли, продовольственные нормы снижались. Внутренний государственный долг превысил 500 млрд. лир.

Серьезный кризис переживала итальянская армия. В течение трех лет участия Италии во второй мировой войне ее войска вели захватнические операции в различных странах. Несправедливый, агрессивный характер войны со стороны Италии, слабая экономическая подготовленность к ней являлись причинами того, что итальянские войска терпели поражения и несли значительные потери. К лету 1943 года Италия потеряла все свои владения в Африке. Тяжелое поражение было нанесено итальянской армии и на советско-германском фронте, где была разгромлена армия в составе десяти дивизий. Общие потери итальянской армии на советско-германском фронте составили около 150 тыс. человек.

Высадка англо-американских войск в Сицилии предвещала перенесение военных операций на итальянский континент. Гитлеровская Германия, все силы которой были сосредоточены на советско-германском фронте, не имела возможности оказать действенную военную помощь итальянским правителям. Все эти обстоятельства создали к весне 1943 года глубочайший политический кризис в Италии. В редакционной статье газеты «Правда» от 28 июля 1943 г. был дан следующий анализ положения Италии: «Участие фашистской Италии в войне на стороне гитлеровской Германии, особенно с того момента, как кровавый «фюрер» вероломно напал на Советский Союз, — это непрерывная цепь жестоких и позорных поражений, раскрывших как военную слабость Италии, так и крайнюю напряженность ее внутриполитического положения. Разоренная, нищая, истощенная войнами, кото-

рые велись в угоду сумасбродным, разбойничьим замыслам Муссолини, фашистская Италия в силу своей слабости, как военной, так и экономической, становилась все более и более зависимой от гитлеровской Германии и в конце концов превратилась в ее вассала, превратилась в жалкий придаток „третьей империи”».

Внутриполитический кризис в Италии и нарастающие признаки возможного выхода ее из войны вызывали серьезное беспокойство в Берлине. Гитлер не скрывал своего недоверия в отношении итальянского генерального штаба. По немецким сведениям, все, что сообщалось дуче, на другой же день становилось известно англичанам. В глазах Гитлера Муссолини лично был выше подозрений, но германская разведка установила, что его ближайшее окружение тайно поддерживало активную связь с противником. Особую тревогу вызывала у фюрера закулисная деятельность итальянского королевского двора.

Все это не могло не отразиться на ухудшении германо-итальянских отношений. Поступавшие в Берлин сведения о том, что итальянцы укрепляют австрийскую границу, еще более усилили напряжение между партнерами «оси». Несмотря на повторные просьбы Муссолини усилить помощь Италии танками и авиацией, Гитлер под влиянием поступающих сообщений о возможной измене Италии дал указание ограничить минимумом даже снабжение боеприпасами итальянских противовоздушных частей. Адресованная в Берлин за несколько дней до высадки союзников в Сицилии просьба направить туда две танковые дивизии была отклонена.

После начала операций в Сицилии Муссолини немедленно запросил у Гитлера срочную помощь, предупреждая, что в противном случае Италия не сможет удержать остров. Однако, бросив все свои резервы на Восточный фронт, фашистская Германия была не в состоянии оказать помощь своему союзнику. 13 июля, то есть на другой день после перехода советских войск в контрнаступление на Курской дуге, Гитлер утвердил директиву в отношении Сицилии, в которой, признавая невозможность удержать остров, ставил перед германскими войсками задачу лишь оттянуть сдачу острова.

В то же время германское командование втайне от своего союзника приступило к осуществлению ряда мер

по созданию линии обороны на севере Италии на случай внезапного краха гитлеровского партнера по «оси».

В письме Муссолини от 12 июля 1943 г. Альфьери сообщал о расчетах германского верховного командования в отношении Италии в связи с началом операций на Итальянском театре. По его словам, они сводились к тому, что, будучи полностью занятой борьбой на Востоке и стремясь как можно больше оттянуть момент возможного нападения на собственную территорию, Германия рассматривала окружающие ее союзные и оккупированные страны как свои укрепленные бастионы. Италия являлась как раз одним из этих бастионов. Не имея сил, чтобы ввязаться здесь в серьезную борьбу с англо-американскими войсками, Германия будет лишь ограниченными средствами поддерживать «героическое» сопротивление Италии.

Стремясь выжать из своего партнера по «оси» максимум возможного, гитлеровцы упрекали итальянское командование в нерасторопности и неумении организовать оборону, а итальянские войска — в отсутствии боевого духа. Наглая форма, в которой все это высказывалось, вызвала возмущение приближенных Муссолини.

В ответ на это 17 июля Муссолини направил Гитлеру письмо, в котором отвергал выдвинутые упреки. Указывая, что помощь со стороны Германии на Средиземноморском театре операций была недостаточной и что успехи союзников в Сицилии объясняются наличием у них господства в воздухе, Муссолини обращал внимание Гитлера на то, что целью англо-американского командования является не только завоевание Италии, но и выход в районе Балкан на фланги Германии. Отмечая, что Италия не согласна быть принесенной в жертву ради отсрочки прямого нападения на Германию, дуче в заключение письма высказывал горькую истину. «Моя страна, — писал он, — которая вступила в войну на три года раньше, чем было предусмотрено, и которая была, таким образом, не подготовлена, постепенно истощила себя, расходуя свои ресурсы в Африке, России и на Балканах.

Я думаю, фюрер, что наступила минута, когда необходимо совместно рассмотреть обстановку, чтобы сделать выводы, наиболее отвечающие интересам обеих стран».

Получив тревожные сведения о возможном быстром крахе Италии, Гитлер потребовал новой встречи с Муссолини, которая состоялась 19 июля 1943 г. вблизи Вероны,

в Фельтре. «Эта встреча, — рассказывает присутствовавший на ней переводчик Гитлера Шмидт, — была одной из самых удручающих встреч, в которых я когда-либо принимал участие». В течение двух часов Гитлер попрекал своих итальянских партнеров за неудачи на фронте, за неспособность организовать оборону своих территорий, за слабость в тылу и т. д. Гитлер обещал, что к зиме будет готово новое секретное оружие, которое будет использовано против противника. «Италию необходимо защищать, — заявил он, — чтобы Сицилия стала для врага тем, чем Сталинград был для нас».

Однако ввиду напряженного положения на Восточном фронте Гитлер отказался выделить Италии какое бы то ни было подкрепление. Понутив голову, Муссолини молча выслушивал упреки и разглагольствования фюрера. Нотация Гитлера была прервана сообщением о крупном налете союзной авиации на Рим. В перерыве совещания некоторые участники итальянской делегации стремились подбодрить дуче, уговорить его объяснить Гитлеру всю серьезность положения. «Крайне необходимо объясниться с Гитлером, чтобы найти выход из положения, — говорил посол Италии в Берлине Альфьери. — Поскольку возможность заключения сепаратного мира не может не приниматься в расчет, гораздо лучше сделать это тогда, когда государство все еще продолжает существовать, когда различные его органы все еще функционируют... Завтра это, может быть, будет слишком поздно».

Начальник генерального штаба итальянской армии Амброзио потребовал от Муссолини, чтобы последний прямо заявил Гитлеру, что Италия не в состоянии продолжать войну. Однако Муссолини никаких решительных заявлений так и не сделал.

Понимая коварные замыслы Гитлера, дуче платил ему той же монетой. В ответ на настойчивые требования своих приближенных объясниться начистоту с Гитлером дуче признался, что он сам уже давно обдумывал возможность разрыва с Германией. Но в этом случае придется согласиться на капитуляцию, а капитуляция будет означать конец фашистского режима в Италии. «Готовы ли мы, — говорил Муссолини, — исчезнуть с мировой сцены?» Кроме того, он выразил сомнение, что Германия предоставит Италии в этом случае свободу действий.

Страх перед надвигавшимся возмездием сковывал

Муссолини и заставлял его цепляться за утверждения Гитлера, что кризис на итальянском фронте является лишь эпизодом, что «ось» незыблема.

Конференция в Фельтре закончилась без каких-либо практических результатов. Она лишь свидетельствовала о серьезном кризисе в германо-итальянских отношениях. «Ось» Берлин—Рим доживала свои последние дни. Комментируя конференцию в Фельтре, один из ее участников, представитель гитлеровской ставки при главном командовании итальянской армии Ринтелен, в своих воспоминаниях вынужден признать унижительное положение на конференции дуче и сопровождавших его лиц. «Такой способ проведения конференции, — пишет Ринтелен, — который означал для Муссолини скорее инструктаж, должен был произвести на присутствующих итальянцев — на обоих фашистов — Бастианини и Альфьери и на начальника генштаба Амброзио, который тщетно ждал заявления Муссолини о том, что Италия стоит на грани полного истощения своих сил, — тяжелейшее впечатление». О характере итало-германского «сотрудничества» в тот период свидетельствует и тот факт, что выступление Гитлера на конференции даже не переводилось на итальянский язык, в результате чего некоторые итальянские участники встречи в Фельтре многое из сказанного Гитлером просто не поняли.

Нерешительность Муссолини и его полное непонимание безвыходности создавшегося положения привели некоторых из его бывших сторонников к убеждению о необходимости устранения дуче. Возникшие среди правящих кругов Италии группы заговорщиков преследовали главную цель — сохранить существующий в стране порядок, устранив от власти лишь наиболее скомпрометированных лиц.

Одна из групп заговорщиков возглавлялась членом Большого фашистского совета Гранди и другими видными деятелями фашистской партии. Другая группа возникла среди военных и придворных кругов. К ней принадлежали маршал Бадольо, Амброзио и др.

Заговорщики окончательно решили отмежеваться от Муссолини и стали предпринимать шаги, направленные к достижению прямого соглашения с Англией и США. Важное значение имели в этом отношении переговоры, которые велись представителями Ватикана с деятелями

католической церкви США. Весной 1943 года американский кардинал Спеллман посетил Ватикан и обсуждал совместно с государственным секретарем Ватикана кардиналом Мальоне возможности выхода Италии из войны. Назначенный в феврале 1943 года итальянским послом в Ватикане Чиано встретился со своим английским коллегой, который в одобрительных тонах высказался за быстрейшее осуществление государственного переворота, имевшего целью отстранение Муссолини от власти.

24 июля 1943 г. по требованию группы членов Большого фашистского совета было созвано чрезвычайное заседание совета. Выступившие на заседании члены совета подвергли критике деятельность Муссолини, а один из них — Гранди, — поддержанный Чиано, внес резолюцию, которая выражала недоверие к Муссолини, хотя формально и не требовала его отставки. При голосовании этой резолюции 19 голосов было подано за нее и только 7 — против. Будучи не в состоянии понять действительные причины глубокого политического кризиса Италии, наступившего в результате полного провала внутренней и внешней политики итальянского фашизма, разгневанный Муссолини, закрывая заседание совета, бросил упрек Гранди и его единомышленникам: «Вы вызвали кризис режима».

Даже очевидное разложение среди своих же сподвижников не смогло отрезвить Муссолини. На следующий день, 25 июля, не проявляя особых признаков беспокойства, он продолжал вести дела. Тем временем группа наиболее ярых соперников Муссолини подготовилась к его устранению. Во второй половине дня он был вызван к королю, который предложил ему уйти в отставку, сообщив о назначении на пост премьер-министра маршала Бадольо. Даже король, в течение двадцати с лишним лет поддерживавший Муссолини, вынужден был ему сказать: «В настоящий момент вы являетесь человеком, которого более всех ненавидят в Италии». Сообщение короля об отставке было воспринято дуче, как гром среди ясного неба; он несколько раз повторил: «Так что это значит... — конец?». После аудиенции у короля Муссолини был посажен в полицейскую машину и заключен под стражу.

В первую минуту Муссолини, по-видимому, не отдавал себе отчета в том, что означает этот арест, который ему был объяснен как простая мера предосторожности с

целью «защитить его от толпы». Радость, что он спас свою шкуру, была в нем сильнее всякого другого чувства, и только позднее, когда он был сослан на остров Понца, он понял, что его рассматривают как «государственного пленника», и принял, хотя это удавалось ему с трудом, позу Наполеона в изгнании.

События 25 июля вскрыли глубокий кризис, который переживал итальянский политический и общественный строй, показали полное банкротство внутренней и внешней политики итальянского фашизма.

Одновременно с арестом Муссолини рухнул в Италии фашистский режим. Уж 26 июля на улицах нельзя было встретить ни одного человека с фашистской кокардой, эмблемы фашистской тирании повсеместно срывались народом со стен домов, помещения фашистских организаций подвергались разгрому. Шайка приспешников Муссолини, связанная с ним присягой «не на жизнь, а на смерть», немедленно разбежалась, не проявив никакой заботы о своем дуче. Многие фашистские главари толпились у дверей немецкого посольства в Риме и дрались из-за мест в отлетающие самолеты.

Таков был бесславный конец дипломатии «оси».

**ЛОЖЬ И ВЕРОЛОМСТВО — ТРАДИЦИОННОЕ ОРУЖИЕ
ДИПЛОМАТИИ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА**

С разделением общества на классы, возникновением государств и систематических отношений между ними появилась и дипломатия. На протяжении многих веков она пользовалась дурной славой, ибо господствующие классы эксплуататорских обществ не брезгали самыми низменными средствами для достижения своих целей. Народная молва в Древней Греции включила в мифологические легенды рассказ о первом посланнике — Гермесе. Будучи посланцем Зевса, Гермес обманывал, воровал и безнаказанно нарушал клятвы. Он был избран на роль дипломата потому, что вскоре после рождения проявил необычайную ловкость: украл пятьдесят голов скота у своего брата Аполлона.

Сами представители дипломатической касты, набивая себе цену, изображали свою деятельность как исполненную тайны, вероломства и бесчестия, как искусство изощренного обмана. Этому немало способствовали и те инструкции, которые получали дипломаты от глав правительств и государств. История сохранила слова французского короля Людовика XI, который говорил своим дипломатам: «Если будут врать вам, врите еще больше». Своеобразную энциклопедию вероломства и бесчестия создал итальянский мыслитель и государственный деятель Макиавелли. Он говорил, что «правитель не может и не должен быть верным данному слову... Если бы все люди были хороши, такое правило было бы дурно, но так как они злы и не станут держать слово, данное тебе, то и тебе нечего блюсти слово, данное им».

Слова Макиавелли можно рассматривать и как свидетельство того, что дипломаты отнюдь не представляют собой исключения в рядах политических деятелей эксплуататорских классов. Вся деятельность этих классов и их представителей основана на аморальности, корни которой в буржуазном обществе очень глубоки. Буржуазная мораль по самой своей сущности лжива и двулична. Да иначе и не может быть, ибо эта мораль призвана с помощью самых бесчестных приемов утверждать эксплуатацию и порабощение, выдавать их за самое совершенное общественное устройство.

Вступление капитализма в империалистическую стадию развития ознаменовалось не только тем, что на службу дипломатии были поставлены новейшие средства связи и сообщения, равно как и средства информации и дезинформации: телеграф, телефон, радио, кино и печать. Главное заключалось в том, что дипломатия стала важным средством осуществления империалистической политики. Именно такую роль играла и играет дипломатия главных капиталистических стран: США и Англии, Франции и Италии, Германии и Японии.

Германский капитализм позднее в сравнении с другими ведущими державами капиталистической Европы вступил на путь экономического развития. Он пробрался к колониальному пирогу, когда уже наиболее лакомые куски были отхвачены другими. В борьбе за «место под солнцем» ему пришлось столкнуться с сильным противодействием соперников и конкурентов. Это обстоятельство и привело к тому, что ложь и вероломство как оружие империалистической дипломатии использовались германскими политическими деятелями в не меньшей степени, чем политическими деятелями других стран.

Живым воплощением германского империализма был первый канцлер Германской империи Бисмарк. Крайний реакционер и расист, Бисмарк был сторонником грубой силы в международных отношениях, поклонником агрессии и завоеваний. В молодости он заслужил кличку «бешеного Бисмарка». Став во главе германского правительства, он широко пользовался в своих целях методами буржуазной дипломатии. Его считают основателем германской империалистической дипломатии.

Правящие круги империалистической Германии все-

гда изощрялись во лжи, развязывая захватнические войны. С помощью подлога была развязана франко-прусская война, положившая начало созданию Германской империи, осуществил же этот подлог лично Бисмарк.

Летом 1870 года между Францией и Пруссией возник конфликт из-за попытки прусской царствующей династии посадить на испанский трон одного из своих отпрысков. Конфликт был ликвидирован, ибо немецкий принц, которого прочили на роль испанского короля, отказался от уготованной ему роли. Но Франция хотела иметь гарантию от новых аналогичных попыток, о чем и заявил Вильгельму I французский посол в Берлине. Вильгельм, находившийся в городе Эмсе, дал отрицательный ответ, но заметил при этом, что его правительство будет продолжать переговоры. О своих беседах с французским послом Вильгельм сообщил Бисмарку телеграммой.

Бисмарк передал эту «эмскую депешу» в печать, изменив ее текст; он придал ей оскорбительный по отношению к Франции характер. Французское правительство, восприняв эти слова как оскорбление, объявило Пруссии войну, чего и добивался Бисмарк.

Бисмарк не останавливался перед ложью, чтобы развязать войну; столь же легко он мог солгать, чтобы избежать войны в невыгодных для Германии условиях. Вскоре после франко-прусской войны Германия принялась подготавливать новую войну против Франции. В 1875 году возникла франко-германская военная тревога, развязки можно было ожидать со дня на день. Единственное, что беспокоило Бисмарка,— это позиция России, он не хотел войны на два фронта. Опасения Бисмарка были хорошо известны министру иностранных дел России А. М. Горчакову. Поскольку новый военный разгром Франции Германией создал бы прямую угрозу и для России, Горчаков решил помешать войне.

В мае 1875 года в Берлине состоялась встреча Александра II и Горчакова с Вильгельмом I и Бисмарком. Во время беседы Горчаков как бы мимоходом спросил Бисмарка, когда он собирается начать войну против Франции. Бисмарк тут же ответил контрвопросом: а какова была бы в подобном случае позиция России? Горчаков заметил, что Россия очень сожалела бы о случившемся, но ее симпатии были бы на стороне слабейшего. Услышав эти слова, Бисмарк торопливо сказал, что «ни один

серьезный человек в Германии не помышляет о войне». Горчаков задал еще два вопроса. Он спросил, как в таком случае понимать опубликованную в немецких газетах статью под красноречивым заголовком: «Война в виду». Бисмарк поклялся, что он эту статью не читал. В действительности статья была подготовлена к печати при непосредственном участии германского канцлера. Последний вопрос Горчакова касался заявления военного министра Германии Мольтке о неизбежности войны с Францией. Бисмарк ответил, что Мольтке — «молокосос в политике» и его слова не следует принимать всерьез. Германский кайзер Вильгельм I во время этой необычайной беседы с изумлением смотрел на своего вдохновенно лгавшего канцлера, с которым перед встречей с русскими политическими деятелями он обсуждал перспективы войны Германии против Франции.

Ложь и вероломство были применены Германией и Австро-Венгрией для развязывания первой мировой войны. Эта война, обусловленная глубокими противоречиями капиталистической системы, была подготовлена всем развитием международных отношений за ряд предшествовавших десятилетий. Виновницей войны была вся империалистическая система. Но ее непосредственным инициатором явилась Германия, обогнавшая своих соперников в военных приготовлениях и спешившая использовать достигнутое ею преимущество, пока оно не сошло на нет.

Но в обстановке развитого рабочего движения, существования сильной социал-демократии германские империалисты не могли так просто начать войну. Им был нужен удобный повод, который давал бы возможность взвалить вину за войну на противника, а свои захватнические действия изобразить в виде законной самообороны. С этой целью руководящие политические деятели Германии решили использовать напряженные отношения, существовавшие между Австро-Венгрией и соседней с ней Сербией. В мае 1914 года в Конопиште (Австро-Венгрия) встретились руководители обоих государств: Германии и Австро-Венгрии. В официальном сообщении об этой встрече говорилось, что ее участники собрались, чтобы совместно насладиться ароматом роз. В действительности их привлекали совсем другие запахи. На этом совещании и был решен вопрос о провоцировании войны.

Подготавливая вторую мировую войну, германские империалисты установили в своей стране кровавый террористический режим фашистских злодеев. Профессиональные убийцы стали во главе германского правительства и военного командования. Но по существу их методы не отличались такой уж оригинальностью. Они были продолжением и развитием традиционных методов империалистической политики, доведенных до предела. Это относится в полной мере и к их дипломатии, отличавшейся особенной лживостью.

Эта лживость не была случайной, она насаждалась германским правительством как наиболее отвечающая интересам монополий. Выполняя волю последних, глава немецко-фашистских бандитов Гитлер неустанно поучал своих приближенных, что их оружием в дипломатической борьбе должны быть обман, вероломство, шантаж, предательство. Герману Раушнингу Гитлер говорил с глазу на глаз: «Если наши худосочные дипломаты думают, что можно вести политику так, как честный коммерсант ведет свое дело, уважая традиции и хорошие манеры, — это их дело. Я провожу политику насилия, используя все средства, не заботясь о нравственности и «кодексе чести»... Хороший дипломат должен быть прежде всего поставщиком развлечений. Когда нужно, он станет фальшивомонетчиком, шулером. Меньше всего он должен быть корректным чиновником». Таким фальшивых дел мастером и шулером, человеком без чести был не только Гитлер, но и все те, кто составлял его окружение, все эти геббельсы, риббентропы, геринги и т. п. Германский империализм персонифицировал в фигурах фашистских главарей свои наиболее омерзительные черты.

Ложь Гитлера, конечно, не была беспредметной, она имела совершенно определенный политический смысл. Он заключался, прежде всего, в безудержной спекуляции на антикоммунизме руководителей США, Англии и Франции. Гитлеровская дипломатия заверяла их в том, что военные приготовления Германии направлены будто бы только против СССР и не создают никакой угрозы другим странам.

Ложь гитлеровской дипломатии имела еще одно предназначение. Она была призвана обмануть противников Германии, усыпить их бдительность и обеспечить

тем самым внезапность ее вероломного военного нападения. И об этом информировал Гитлер узкий круг своих людей. «Я, — говорил он, — сделаю все уступки, чтобы иметь свободные руки для продолжения моей политики. Я гарантирую все границы, я заключу всякие пакты о ненападении и дружбе, которых от меня потребуют. Было бы с моей стороны ребячеством не воспользоваться этими средствами на том основании, что я когда-нибудь должен буду нарушить свои обязательства, хотя бы и самые торжественные».

И Гитлер, этот фанатик агрессии и войны, неустанно твердил о своем мнимом миролюбии, расточал сладкие речи в адрес США, Англии и Франции. В тревожные годы кануна второй мировой войны он непрерывно лгал, заверяя легковых в своей преданности делу мира, в своей верности международным обязательствам. Слово «мир» так и слетало с его языка. Вот примеры публичных выступлений бесноватого фюрера, столь расхажившихся с его речами для «посвященных». 1933 год: «Цель нашей политической борьбы — не завоевание или подчинение чужих народов»; «То, что мы подписываем, мы всегда выполняем»; «Германский народ не имеет другого желания, как жить в мире и дружбе с другими народами»; «Никто не должен думать, что я настолько безумен, чтобы хотеть войны». 1934 год: «Поскольку это зависит от Германии, новой войны никогда не будет»; «Главной целью нашей политики является превращение Германии в оплот мира». 1935 год: «Национал-социализм не имеет агрессивных намерений ни против одной европейской нации»; «Новая германская империя предстает народам одушевленная одним единственным желанием — жить с ними в мире и в дружеских отношениях».

В то время как находились такие европейские политические деятели, которые легковерно принимали слова Гитлера за чистую монету, помогая ему обманывать других, приближенные германского главаря только посмеивались, думая про себя: «Горазд он лгать!».

Двуличной была политика германского правительства и в отношении тех государств, которых оно стремилось превратить в своих союзников. Немецкие фашисты широко использовали один из стандартных приемов империалистической дипломатии, суть которого состоит в том, чтобы срамливать государства между собой, а затем

выступать в качестве примиряющей стороны, чтобы подчинить себе обоих.

По этим канонам и действовала гитлеровская дипломатия в отношении Румынии и Венгрии. В январе 1939 года Гитлер заявил министру иностранных дел Венгрии, что симпатии Германии всецело на стороне Венгрии и она может поэтому рассчитывать на германскую поддержку в своих территориальных притязаниях к Румынии и Югославии, которые ничего не предпримут против Венгрии, если за ней будет стоять Германия. В марте 1939 года в беседе с румынским министром иностранных дел Гитлер заявил, что симпатии Германии всецело на стороне Румынии и она может поэтому рассчитывать на германскую поддержку против Венгрии, ибо «Великая Венгрия была бы нежелательна для рейха. Кроме того, венгры были всегда неблагодарны». Не обошлось и без использования фашистской расовой теории: германские руководители заявляли своим румынским собеседникам, что между немцами и румынами существует «расовое родство». А затем они заявляли представителям Венгрии, что немцы и венгры относятся «к одному расовому типу». В конечном счете гитлеровцы спровоцировали румыно-венгерский конфликт из-за Трансильвании, в результате которого оба государства были превращены в сателлитов Германии.

Но вот настал тот роковой час, когда германские империалисты решили бросить свои армии в разбойничий военный поход за завоевание мирового господства. И снова для обмана общественного мнения, для сокрытия факта неспровоцированной агрессии были использованы ложь, вероломство, мистификация.

Гитлеровцы и тут не смогли блеснуть оригинальностью. Все их приемы были по существу заимствованы из арсенала тех же средств, которые были употреблены кайзеровской Германией для развязывания первой мировой войны. Если в августе 1914 года германское правительство обвинило Францию в нападении на немецкую пограничную территорию и воздушных налетах, то эти же обвинения были выдвинуты гитлеровцами сначала против Польши, а затем против Бельгии и Голландии. Единственное «новое», что внесли гитлеровцы в сравнении с их предшественниками, заключалось в том, что лживые обвинения подтверждались специально разы-

гранными инсценировками. По своему замыслу и исполнению эти инсценировки стояли на уровне захолустного спектакля, а платой за это были потоки крови и горы трупов.

Инсценировка, послужившая формальным поводом для гитлеровского нападения на Польшу, носила кодированное наименование «Операция Гиммлер». Для осуществления этой «операции» были отобраны матерые эсэсовцы и уголовники из числа заключенных. Их переодели в польскую военную форму и снабдили фальшивыми польскими военными удостоверениями. 31 августа вечером налетчики напали на радиостанцию пограничного города Глейвиц, принадлежавшего тогда Германии. Перед заранее включенным микрофоном радиостанции, транслировавшей передачу на всю Германию, было произведено несколько выстрелов, а один из бандитов прочитал на ломаном польском языке заранее составленный в гестапо текст, смысл которого заключался в том, что «пришло время войны Польши против Германии». Чтобы замести следы этой грязной провокации, все участники нападения на радиостанцию по приказу Гиммлера были расстреляны.

Инсценировка, послужившая формальным поводом для нападения Германии на Бельгию и Голландию, была разыграна в ночь на 10 мая 1940 г. 51-я немецкая эскадрилья под командованием Иозефа Камхубера совершила варварский воздушный налет на один из университетских городов Германии — Фрейбург. Пилоты, хорошо знавшие город, точно уложили свои бомбы в заранее намеченные цели — женский пансионат и больницу. Были убиты и покалечены многие десятки немцев. Официальное же правительственное сообщение, переданное по радио и затем опубликованное в печати, обвинило в нападении авиацию Голландии и Бельгии, хотя расследование на месте уже тогда показало, что и самолеты, и бомбы были немецкими. Камхубер, успешно выполнивший приказ командования, был награжден и затем продвинут на более высокие должности. К концу второй мировой войны он имел звание генерал-лейтенанта, а после образования ФРГ в качестве инспектора военно-воздушных сил длительное время командовал всей военной авиацией боннского государства.

Ложь и вероломство были использованы гитлеров-

ской Германией и для нападения на Советский Союз. Вероломство выразилось в том факте, что нападение было предпринято в условиях действия советско-германского договора, подписанного 23 августа 1939 г. сроком на 10 лет. Договор обязывал стороны воздерживаться от всякого нападения друг на друга. Но германское правительство, встав на путь войны, рвало все свои международные обязательства, вплоть до самых торжественных. Всего за время с 1934 по 1941 год оно растоптало 37 договоров и соглашений.

Ложь была применена для обоснования нападения на СССР в еще большей мере, чем когда-либо. Нападение Германии на Советский Союз представляло собой агрессию не против другой капиталистической державы, способной в определенных условиях к такой же агрессивной политике. Это было нападение на социалистическое государство, сама природа которого исключает возможность какой-либо другой политики, кроме последовательной и неизменной политики мира. Но германские руководители остались верными традициям своей дипломатии. Они и тут прикрывали разбойничий характер своего нападения лживыми обвинениями в адрес жертвы агрессии.

В ноте германского правительства об объявлении войны Советскому Союзу, врученной правительству СССР после вторжения немецко-фашистских войск на советскую территорию, содержались вымышленные и лживые обвинения. Правда, германское правительство на этот раз не пыталось утверждать, что войска противника перешли его границу. Но, что мало меняет суть дела, оно заявляло, что советские вооруженные силы имели будто бы такое намерение. В ноте говорилось: «Части русских все более и более продвигаются к границе Германии, несмотря на то что с немецкой стороны не предпринимается никаких военных мер, которые могли бы оправдать такие действия русских». Какой безграничной наглостью надо было обладать, чтобы после уже осуществленного вероломного нападения заявить, что немецкая сторона не предпринимала никаких военных мер и, следовательно, не готовилась к вторжению! В действительности нападение непосредственно подготавливалось более года. К 22 июня 1941 г. у границ СССР закончили сосредоточение и развертывание 190 полностью уком-

плектованных, технически оснащенных и хорошо подготовленных дивизий Германии и ее сателлитов.

Немецкая нота продолжала гитлеровскую спекуляцию на антикоммунизме, явно нацеленную в адрес правящих кругов США и Англии. Агрессоры обвиняли Советский Союз в намерении нанести удар с тыла национал-социалистской Германии, а в качестве цели ее нападения на СССР выдвигались мотивы «спасти всю мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма». Смертельная опасность для мировой цивилизации действительно существовала, но она исходила с противоположной стороны. Эту опасность создали чудовищные планы господства над миром, его принудительной колонизации, уничтожения демократии и социализма, выдвинутые германскими империалистами и их гитлеровскими прислужниками. Речь шла о самом существовании человеческой культуры, свободы и цивилизации, которые гитлеровцы вознамерились заменить «новым порядком» с его фабриками смерти, каторжным режимом для трудящихся масс, безраздельным господством «арийских» эксплуататоров, опирающихся на жесточайший террор насильников-управителей с их бандами эсэсовских головорезов и карателей.

И еще один традиционный прием дипломатии империалистического разбоя был применен гитлеровцами для развязывания войны против СССР. Венгерские фашисты, давно сговорившиеся с их немецкими союзниками о совместном нападении на СССР, смертельно боялись народа своей страны. Они решили обмануть его и представить участие Венгрии в войне против СССР как вынужденное действиями с советской стороны. С этой целью германскими дипломатами и венгерским генеральным штабом был разработан план провокации. 26 июня 1941 г. германские самолеты с наспех выведенными на их крыльях советскими опознавательными знаками подвергли варварской бомбардировке города Кошице, Мукачево, Рахов и другие, жертвами которой пали многочисленные мирные жители. Венгерский генеральный штаб немедленно направил правительству заранее подготовленное им донесение, требуя возмездия за советское нападение. Срочно собрался совет министров Венгрии, принявший решение о вступлении в войну против СССР.

Тогдашний фашистский диктатор Венгрии Хорти в своих мемуарах, изданных после войны, сообщает важную подробность событий. Оказывается, начальник аэродрома в Кошице полковник авиации Адам Круди распознал камуфляж и тут же сообщил правительству, что «бомбы сбрасывались германскими самолетами». Он незамедлительно получил ответ: правительство предупредило, что «если он не хочет оказаться в неприятном положении, то должен хранить молчание».

И даже после всех многочисленных разоблачений, последовавших по окончании второй мировой войны, насквозь лживая версия о «превентивном» характере немецко-фашистского нападения на СССР до сих пор не отправлена туда, где ей надлежит быть, — на мусорную свалку истории. Она принята на идейное вооружение западногерманскими милитаристами и реваншистами, а также наиболее рьяными их покровителями и поклонниками в Англии и США. Ложь прошлой войны служит подготовке новой войны!

Официальная пропаганда правящих кругов США, Англии и Франции утверждает, что нынешнее боннское государство не имеет ничего общего с фашистским третьим рейхом, что оно будто бы демократично и миролюбиво. Тем самым агрессивная политика кайзеровской и гитлеровской Германии изображается как случайная и незакономерная, обусловленная исключительно субъективными особенностями тогдашних немецких главарей. Но факты свидетельствуют об обратном: не Гитлер породил германский империализм, а, напротив, германский империализм породил гитлеровскую диктатуру. Этот же империализм породил внутреннюю и внешнюю политику правительства ФРГ. В этом-то и заключается объективная основа той преемственности, которая, безусловно, существует между гитлеровским и боннским режимами, несмотря на некоторое различие в частностях.

Об этой преемственности свидетельствует применение тех же самых лживых доводов и утверждений в области внешней политики и дипломатии. Снова руководители германского империалистического правительства, власть которого ныне ограничена западной частью территории Германии, клянутся в своей мнимой преданности делу мира. Слово «мир» непрерывно звучит в речах Аденауэра и Эрхардта, Штрауса и Хасселя, Шредера и Брентано.

Снова, как и 30 лет тому назад, Германия (Западная) изображается спасительницей Европы от пресловутой «большевистской опасности» — обветшалое пугало антикоммунизма вновь выставляется на всеобщее обозрение.

30 лет назад Гитлер говорил, что призвание Германии состоит в ограждении Европы от коммунистической опасности. В 1960 году Аденауэр, будучи в Италии, поведал Ватикану, что «бог возложил на германский народ особую миссию в нынешние бурные времена: служить оплотом Запада против того мощного влияния, которое исходит с Востока». Несколькоми годами ранее западногерманский канцлер писал в американском журнале: «Народы мира... могут помешать продвижению коммунизма лишь с помощью плотины, совместно созданной всеми ими. Германия находится в центре этой плотины... Историческая задача Германии состоит в том, чтобы помочь созданию этой плотины».

Прикрываясь флагом антикоммунизма, западногерманские реваншисты и милитаристы добились создания бундесвера, а затем стали добиваться его оснащения ракетным и ядерным оружием. При этом вновь и вновь заявляется, что современное оружие необходимо Западной Германии «исключительно в целях обороны». Подобная ложь играет совершенно определенную роль: она призвана замаскировать действительные планы западногерманского империализма, планы агрессии, войны, захвата чужих земель.

Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Уверяя всех и каждого в своем мнимом миролюбии, западногерманские реваншисты и милитаристы одновременно требуют коренного пересмотра границ европейских государств. Они хотели бы захватить все земли, которые когда-либо были под пятой немецких завоевателей. Об этом с циничной откровенностью говорил в 1953 году федеральный министр транспорта Зеебом: «Германский Восток включает не только Эльбу и Одер, но и Богемию и все территории, которые некогда населяли немцы». Через семь лет он уже требовал установления германского господства над всей Европой. «Наша задача, наша цель, — говорил Зеебом в 1960 году, — ликвидировать границы между народами Европы. Таким образом мы приобретаем силу, для того чтобы когда-нибудь ликвидировать границы также и за железным занавесом». Перед

нами старый гитлеровский план: сначала при попустительстве Англии и США захватить почти всю капиталистическую Европу и умножить этим свои силы, а затем предпринять и дальнейший военный поход за свое мировое господство, включая войну против СССР. Ложью являются попытки правительства США, Англии и Франции выдать нынешнюю политику ФРГ за какую-то новую политику. Сменились лишь лица, политика и дипломатия германского империализма не сменились и смениться не могли.

Переняли западногерманские руководители у своих предшественников и вероломство. В империалистической дипломатии ложь всегда идет рука об руку с вероломством. Об этом свидетельствует прежде всего ее главный прием: «говорить о мире, имея в виду войну». Сама данная формула объединяет ложь и вероломство.

Реальная политическая обстановка современного мира не предоставила боннским главарям возможности проявить свое вероломство в крупных масштабах. Но вся их внешняя политика вероломна. Конечная цель этой политики состоит в том, чтобы, вооружившись при помощи США и Англии, повернуть свое оружие не только против СССР, но и против западных держав. И в этом Бонн идет по стопам гитлеровского рейха.

Красноречивым подтверждением того факта, что ФРГ ведет сложную дипломатическую борьбу за свои интересы, широко пользуясь ложью и вероломством, может служить история взаимоотношений западногерманских и французских руководителей за последние год-полтора. В январе 1963 года Западная Германия заключила с Францией военный союз. Будучи направленным в первую очередь против социалистических стран, этот договор подкреплял оппозиционную по отношению к США политику де Голля. Западногерманские империалисты решили использовать ссору внутри «атлантического семейства», чтобы укрепить свое положение в этом агрессивном блоке. С де Голлем их, кроме того, роднило страстное желание обладать атомным оружием. Франко-западногерманский договор служил, таким образом, правительству Бонна в его борьбе за укрепление позиций внутри НАТО, за приобщение к атомному оружию.

Соединенные Штаты Америки пошли навстречу западногерманским милитаристам и реваншистам, выдвигая

нуд план создания «многосторонних ядерных сил НАТО» — план приобщения немецких агрессоров к ядерному оружию. Франко-западногерманский договор был использован правительством ФРГ, и дальнейшая «дружба» с Францией перестала его интересовать. В январе 1964 года новый западногерманский канцлер Эрхардт дал понять президенту США Джонсону, что его правительство готово пожертвовать своей «дружбой» с Францией ради укрепления отношений с США. Формально франко-западногерманский договор остался в силе, фактически он умер. Таким образом, германские империалисты остаются верны дипломатии лжи и вероломства.

Ложь и вероломство германского империализма издавна и верно служили интересам подготовки и развязывания затеваемых им войн. Но современная мировая обстановка принципиально отлична от обстановки кануна первой и второй мировых войн. Соотношение сил на мировой арене изменилось коренным образом в пользу социализма. На путях германской и всякой иной империалистической агрессии стоит могущественный Советский Союз, располагающий всеми видами самого современного оружия. В этих условиях, как неоднократно предупреждало боннских господ Советское правительство, военная авантюра ФРГ неизбежно закончилась бы самым губительным для германского империализма образом. Ложь и вероломство здесь уж не помогут!

25 коп.

